ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

ЧАСТЬ II.

...Тлужчились сердца людей, и страны спустошались, и по отрункахъ градовъ зросли могилы; и по отрункахъ благъ выквилъ новый квитъ блага знову. Л. Рогоза.

Такъ вѣчной памяти бувало
У насъ въ Гетманщинѣ колись.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1834.

Печатать позволяется

1834 года, Октября 2 дня. О. Профессоръ и Кавалеръ Ценсоръ Снегиревъ.

Запорожская Старина.

ПѢСНИ и ДУМЫ

о

лицахъ и событіяхъ отъ Богдана Хмельницкаго до смерти Мазепы.

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Запорожской Старины.

Кн. I.

Кн. II.

Лѣтопись 1654—1657.—стр. 93—105.—Приписки къ Лѣтописи стр. 106—143.—Пѣсни, Думы и Преданія — стр. 144—184.

Кн. III.

Сказанія Лѣтописцевъ и преданія о лицахъ и событіяхъ до смерти Мазепы.

—Предисловіе—стр. V—VIII Сказанія Лѣтописцевъ стр. —1—109. Приписки къ Сказаніямъ стр. 110—164.—

Читатель, думаю, не упрекнетъ меня въ бѣдности этого втораго собранія Запорожскихъ пѣсень и думъ, относящихся къ событіямъ отъ Богдана Хмельницкаго до смерти Мазепы. За это я обязанъ благодарностію М. А. Максимовичу — издателю Украинскихъ народныхъ пѣсень — и многимъ другимъ особамъ, почтившимъ трудъ мой вниманіемъ и содѣйствіемъ. Сіе собраніе могло-бъ быть и еще богаче, если-бъ я рѣшился включить въ него десятка три или четыре отрывковъ, кои въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кажутся принадлежащими къ періоду

Исторіи Гетьманщины, о которомъ идетъ дѣло въ этой части Запорожской Старины; но съ отрывками ладить мудрено: основывая на нихъ какіе нибудь выводы, трудно избѣжать ошибокъ; и потому я рѣшился оставить ихъ для Дополненій.

И. С.

Харьковъ.
1834. Октября 11.

ПѢСНИ и ДУМЫ.

1.

Хмельницкій и Барабашъ.

Изъ день годины, якъ стала тревога на Украинѣ. То нихто не може обѣбрати за вѣру Христьянську едностайне стати. Тѣлько й обѣбрались Барабашъ та Хмельницькій, та Климъ Бѣлоцерковській; до Короля выступали, листѣвъ Наверсалѣвъ прохали. То Король Наверсалы писавъ, самому Барабашу до рукъ подававъ; а Барабашъ листы якъ узявъ, три годы Козакамъ знати не дававъ. То Хмельницькій тее догадавъ, кумомъ ёго до себе до города

Чигрина прохавъ, добре угощавъ. А якъ ставъ Барабашъ на пiдпитку гуляти, ставъ ёму Хмельницькiй казати:

— Годи́ тобi, пане куме, листы Королевськи держати. Дай минi хочъ прочитати.

— На що тобi, пане куме, и́хъ знати? Мы дачи не дамъ; въ вiйсько Польске не йдемъ. Не лучше-бъ намъ зъ Ляхами мирно пробувати, нiжъ пiйдти лугiвъ потира́ти, своимъ тiломъ комарiвъ годувати. —

То Хмельницкiй тее зачувавъ, ще лучшихъ напиткiвъ подававъ. То Барабашъ якъ упився, на лiжко спати звалився.

Тодi Хмельницкiй ключи одбиравъ, Чуру свого до города Черкаса посылавъ; велiвъ ключи Пани́ Барабашовой подати, листiвъ Королевськихъ пытати.

То Чура до неи прибувае, словами промовляе:

— Пани́ Барабашова! Твiй Панъ ставъ

у насъ гуляти; а тобî звелîвъ листы Королевськи подати.

— Де-сь мому Пану лихомъ знудилось, що зъ Хмельницькимъ гуляти зхотîлось! Пîйди въ глухîмъ кîнцî пîдъ воротьми листы Королевськи въ шкатулî озьми. —

То Чура скоро листы доставъ; днемъ и нîчью до Чигрина поспîшавъ; скоро прибувавъ; самому Хмельницькому листы подававъ.

То Барабашъ рано прочитае, у карманы заглядае, ажъ ключîвъ немае. Вîнъ Старосту Кричевського пробужае; двîйми кîньми зъ двора выîзжае; думае, гадае: якъ Пана Хмельницького до рукъ прибрати, Ляхамъ отдати.

. . . .

2.

Битва на Желтыхъ водахъ.

I.

Чи не той-то хмі́ль,
Що коло тычинъ вьеться?
Гей, що той Хмельницькій,
Що зъ Ляхами бьеться.

II.

Гей, поі̂хавъ Хмельницькїй
Икъ Жовтому броду.
Гей, не одинъ Ляхъ лежить
Головою въ воду.

III.

— Не пїй, Хмельницькій, дуже
Той Жовтой воды:
Йде Ляхі̂въ сорокъ тысячъ
Хорошои вроды.

IV.

— А я Ляхі̂въ не боюся,
И гадки не маю;

За собою потуту
    Великую знаю.

V.

Ище й Орду
    За собою веду;
А все, вражи Ляхи,
    На вашу бйду. —

VI.

Утйкали Ляхи
    Погубили шубы.
Гей, не одинъ Ляхъ лежить
    Выщеривши зубы.

VII.

Становили Ляхи
    Дубовыи хаты;
Прійдеться Ляшитькамъ
    У Польщу втйкати.

VIII.

Утйкали Ляхивъ
    Де-якіи повки;
Ляхйвъ йли собаки
    Та сйрыи вовки.

IX.

Гей тамъ поле, поле,
А по полю цвîты;
Не по однîмъ Ляху
Заплакали дîти.

X.

Гей, тамъ рîчка, рîчка;
Черезъ рîчку глиця;
Не по однîмъ Ляху
Зосталась вдовиця.

---

3. 4. 5.

Морозенко.

I.

Ой зъ за горы, зъ за кручи
Рипятъ возы йдучи;
По переду Морозенко
Куритъ люльку йдучи.

II.

Годи-жъ тобî, Морозенку,
Люлечки курити;

Иди зъ нами зъ Козаками
Горîлочку пити.

III.

Ни! Вже мині, милі братці,
Горîлка не пьеться;
Що надъ моей Украиной
Превелика Орда вьеться. —

—

I.

Ой, пîдъ городомъ Бендерёмъ
Покопані шанці;
Та й пîймали Морозенка
Не въ вечерî, въ ранцî.

II.

Взяли-жъ ёго, Морозенка
Та пîдъ пишни боки;
Посадили Морозенка
Углыбцî глыбокîй.

III.

Посадили Морозенка
На шесовîмъ стольцî;

Зняли зъ Морозенка
Зъ черешîвъ червонци.

IV.

— Ой, Морозе, Морозенку,
Та преславный ты Козаче!
Що по тобî по Морозенку
Вся Украина плаче.

V.

Не такъ тая Украина,
Якъ славнее вîйско!
Заплакала Морозиха
Та йдучи на мîсто. —

VI.

Та й зустрîла Морозиха
Трехъ Козакîвъ зъ полку:
— Та якая-жъ ты старая;
Чортъ-ма въ тебе товку!

VII.

Не плачь, не плачь, Морозихо!
Ще твiй сынъ не журится;
Йди зъ нами зъ Козаками,
Вина й меду напiйся.

VIII.

— Ой, чому-сь мині, паренята,
Вино й медъ не пьеться:
Ой де-сь то мій сынъ Морозенко
У неволі бьеться.

X.

— Продавай-же, матусенько,
Коровы та волы;
Та выкупляй свого сына
Зъ тяжкои неволи.

XI.

Продавай-же, матусенько,
Быки та телиці;
Та выкупляй свого сына
Зъ сырои темниці. —

XII.

Продавала Морозиха
Коровы та волы;
Выкупала Морозенка
Зъ тяжкои неволи.

XIII.

Продавала Морозиха
Быки та телиці;
Выкупала Морозенка
Зъ сырои темниці.

I.

Ляхи кажуть, Турки кажуть:
Українa плаче;
А Вкраїна та й не плаче
Зъ Морозенкомъ скаче.

II.

Скаче Україна,
Радуеться Рада;
Побивъ Ляхйвъ Морозенко:
Отъ-то и́хъ порада.

III.

Якъ прїйхавъ Морозенко
Въ свою Украину:
— Будуть знати малы дїти,
Якъ їй покину.

IV.

Будуть знати малы дîти,
Будуть и дîвчата,
Ой, дîвчата небожата, —
Яка и́мъ заплата.

V.

Така и́мъ заплата,
Яке въ мене вiйсько:
Що пîзнали й Турки й Ляхи,
Якъ вийîкали пишкомъ. —

VI.

Що скрынонька вîдъ весîльечка,
А струны изъ руны:
Якъ заграе Морозенко,
По всîмъ свîтнîй чути.

VII.

Якъ заграе Морозенко,
Турчинъ озовенься;
Якъ пойде до Бендеря,
Тодî й схаменеться.

VIII.

Якъ заграе Морозенко,
Ляхи заспîваютъ,
Що вони, бачь, Морозенка
Що й по Жванцю знаютъ.

---

6. 7.

Походъ подъ Пилявy.

I.

Ой зъ города що зъ Полтавы
Выîзжали Козаки.
Усîхъ було три таборы,
Та всî три ёдинаки.

II.

Що въ первому у таборî,
То все лейстровыи;
А въ другîмъ у таборî,
То все хоружжіи.
А що въ третьёму у таборî
То все курîнныи.

III.

А що первый таборъ до Пилявы ладить,
Изъ нимъ Морозенко.
А зъ другимъ Гайчура
Панъ пышный Харченко;
А третымъ то вадить
Вовгуря Лисенко.

IV.

Ой третымъ таборомъ вадить
Лисенко Вовгуря;
Конњкомъ выгляе,
Себе забавляе;
Конњкомъ выгляе,
Таки словы промовляе:

V.

— Ой, панове молодцй,
Буде намъ до роботы;
Що у городй у Пилявй
Богацько охоты.

VI.

То йдуть вони день, нйчь;
У недйлю станомъ стали;

По Яцькому рогу станомъ стали,
Гйнця пйджидали.

VII.

То у пйчь гонець пйдъйзжае,
Лисенка пытае;
Та до ёго уклоняе,
Таки рйчи промовляе:

VIII.

Панъ Гетьманъ Хмельницькій
Здоровъ тобй бути казавъ;
Пйдъ Пилявой зъ Морозенкомъ
Вже вйнъ станомъ ставъ.

IX.

Та йще тебе зъ кравчиною
Пйдъ Пиляву прохавъ.

X.

Тодй то Вовгуря Лисенко
Кожухъ натягае,
Зъ станку выхожае,
Козакйвъ иззывае:

XI.

— Ой, Папово молодци́,
Чините мою волю!
Рубить миний дороженьку
По Пилявському полю.

XII.

Рубить миний дороженьку
До Пилявського гаю:
Ой, насъ Гетьманъ Богданко
До себе пиджидае. —

XIII.

То тоди тии Козаки
Дорожку рубили;
Пидъ городъ пидъ Пиляву
Стапомъ выходили.

XIV.

Що зъ пидъ Роски, та зъ пидъ Собы
Гайчуривськи грайци́;
А зъ пидъ вольного Тешлыка
Вольни́ Коротайци́.

XV.

А зъ пидъ Лысои горы
Степовничи Гайчуры;

А зъ пйдъ рйчки зъ пйдъ Самари
Самарськіи лугари.

XV.

То всй тйи молодци
По тймъ боцй Буга.

. . . .
. . . .

—

I.

Ой Сёмуха Волоцюга
Въ Немировъ спупае;
У Немировй молодцйвъ
Своихъ избирае.

II.

А молодци Немировськи
У сурьмы сурьмують;
На конькахъ вороныхъ,
Голосне гобзують.

III.

То у нйчь гонець пйдъйзжае,
Таки словы промовляе:

— Гею, гею, Немировци́ молодци́,
Та вже Ляхи по сі̂мъ боці̂.

IV.

По сі̂мъ боці̂ Случи,
По сі̂мъ боці̂ Случи;
До Пилявы пі̂дступають,
Козачецькі̂въ звучи.

V.

По сі̂мъ боці̂ Случи,
По сі̂мъ боці̂ Случи;
До Пилявы пі̂дступають,
Немировці̂въ звучи:

VI.

— Немировци́ молодци́,
Спі̂шнії̂ше спі̂шить;
Та Гетьмана Хмельницькаго
Пі̂дъ Случь веселить. —

VII.

Оть-то ті̂и молодци́
Пі̂дъ Случь поспі̂шали;
До города до Пилявы
Швыдко привертали.

8.

Битва Слуцкая.

I.

— Ой, чи довго вамъ, Панове,
Пи̂дъ Пилявой стояти?
Ой, чи не время вамъ, молодци́,
Таборъ рушати!

II.

— Ой, время, Морозенку,
Таборъ рушати!
Ой время, время до Горыни́
До Вишневци́въ поспи̂шати!

III.

Тѝи Вишневци̂ добри́ молодци́
Добре Вкраину плюндрують;
Добрымъ часомъ, добрымъ часомъ
Православну ви̂ру руйнують.

IV.

— Ой, не спи̂шить, — каже Би̂да, слово, —
Ще буде часъ погинути;

Ще буде часъ Ляхôвъ звеселити
Головки у полî зложити.

V.

Ой, не спîшишь; — каже Бîда слово, —
Вишневцî до насъ схаменулись. —
Бîжишь гîнець: — Гею, молодцî,
Що вже Вишневцî на по сîмъ боцî. —

VI.

Ой по сîмъ боцî станомъ стали,
Козаченькôвъ звучи;
Пристававъ Максимъ Рокитшянськiй
По рану до Случи.

VII.

Тодî тîи Ляхи якъ стояли,
Такъ и пропали;
Тîлько одни Козаченьки
У сурьмы сурьмовали.

VIII.

Ой у сурьмы сурьмовали
Пана Ївана Бîду оплакали;
Ой Пана Бîду оплакали,
Похоронъ ёму вôдправляли.

9.

10.

Походъ въ Молдавію.

Ой, изъ низу Днйпра тихій вйтеръ вíе, повйвае. Вйсько Козацьке въ по-

ходъ выступае; копями й хорутвями выйгравае, тілько Богъ єдиный, тілько Богъ святый тое знае, що вінъ думае, гадае, що Хмельницькому на помічь помогае.

Въ той часъ була честь, слава, Військовая справа, сама себе на сміхъ не давала, ворогівъ підъ ноги топтала.

Тілько Богъ святый знае, що Хмельницькій думае, гадае. Того не знали ни Сотники, ни Полковники, ни Атаманы Курінныи, тілько Богъ єдиный, тілько Богъ святый тое знае, що Вінъ думае, гадае, що Хмельницькому на помічь помогае.

Отъ-то нашй Козаки до Днінра прибували, та черезъ три ріки, що три перевозы й переправы мали, переправу клали. Самъ Хмельницькій попередъ усіхъ рушавъ, до Хотіи прибувавъ, у старшого Полковника на кватирі ставъ, до Воеводы Молдавського листы писавъ, словами промовлявъ:

— Що ты зо мною, Пане ясневельможный будешь діяти, що будешь гадати? — чи військо свое до мого привертати, станомъ становиться; чи ты зо мною будешь биться; чи миромъ устав-нымъ будешь мириться? Чи головы свои будешь на позоръ віддавати? Чи на примирье, на бенкетъ будешь насъ приймати, половину Волощины намъ въ подарокъ даровати?

То Воевода Молдавській тее й прочитавъ, добре себе дбавъ, добре думавъ, гадавъ; до Потоцького Гетьмана Польского листы посылавъ, словами промовлявъ:

— Гетьмане Потоцькій, що въ тебе розумъ жіноцькій! Чімъ-бы за дорогими бенкетами уганяти, лучше-бъ Гетьмана Хмельницького изъ собою та зо мною, въ ѐдино ставити, у ѐдино ѐднати. Вже почавъ вінъ землю кінськими копытами орати; вже почавъ вінъ Молдавською

кровью та Молдавськую землю якъ дожчемъ поливали. —

Тоді Ляхи зъ города зъ Сочавы до дому втікали; добре себе дбали, добре думали й гадали; Василю Молдавському знати давали. Тоді Василь Молдавській до Яссъ прибуває, словами промовляє:

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы,
Були коли-сь барзо ясни;
Були коли-сь барзо красни;
Та не будете таки,
Якъ пріїдуть Козаки. —

А Хмельницькій добре себе дбавъ, самъ про тее роспрошавъ, до Яссъ прибувавъ, словами промовлявъ:

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы,
Були коли-сь барзо ясни,
Були коли-сь барзо ясни,
А теперь вже не таки:
Провідали васъ Козаки! —

Отъ-то Панъ Хмельницькій добре учинивъ, Польшу засмутилъ, Волощину побідивъ, Гетьманщину звеселивъ.

Въ той-то часъ була честь слава, Військовая справа; — саме себе на сміхъ не давала, ворогівъ підъ ноги топтала.

11.

Яссы.

I.

Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы,
Були коли-сь барзо ясни;
А теперь вже не таки,
Якъ злыгнулись козаки.

II.

Ой, злыгнулись Козаки;
Ой, злыгнулись Ляхи,
Та й втікали изъ Сочавы
На чётыре шляхи.

III.

Ой злыгнулись Козаки;
Ой, злыгнулись Волохи,
Та й втікали изъ Сочавы
На чётыре роки.

12.

Взятіе Бендеръ.

I.

Ой у городѝ, то у городѝ Бендерѝ
Вернивода, вернивода зъ кручи;
Избиралися усѝ Запорожци́,
Бусурманѝвъ звучи:

II.

— Гею, гею, бусурманци́ злыи!
Не пригоже вамъ супротивъ
Козакѝвъ стояти;
А пригоже вамъ, бусурманьци́
Польшу пѝдъ себе е́днати!

III.

Гею, гею, бусурманци́ злыи!
Не пригоже вамъ зъ Ляхами за е́дино бути;
А пригоже вамъ, бусурманьци́,
Свою долю спомянути.

IV.

Гею, гею, бусурманьци злыи!
Не пригоже вамъ зъ Волохами мириться;
А пригоже вамъ, бусурманьци,
Зъ Козаками биться! —

V.

Тодi-то на чётыре поля Турки выходили,
Зъ самопаливъ, зъ гарматъ стрiляли;
Тодi-то Козаки молодци
Туркiвъ на смерть рубали.

VI.

А, порубавши, Бендерь добували,
Гетьмана Хмельницького прохали:
— Гетьмане Хмельницькiй, порадуй насъ! —
Таки рiчи казали.

VII.

Тодi-то по надъ Бендерью орлы
Сизы орлы налiтали;

Козакамъ молодцямъ добычь казали;
Козакамъ славу казали.

VIII.

Тодй-то Ляхи зъ Бендерй втйкали,
Туркйвъ и Волохйвъ зоставляли;
Козакамъ молодцямъ добычь казали,
Козакамъ славу казали.

IX.

Тодй-то Козаки пую Бендерь руйновали:
Славы набрали;
Изъ Гетьманомъ Хмельницькимъ
До дому привертали.

---

13. 14.

Битва Жванецкая.

—

I.

Ой зъ города зъ Немирова
Хмара выхожала;

А кравчина Запорожська
До Хотін посиішала.

II.

А въ Хотін добри люди
Сами себе знали;
Та Польского Пана Яна
До себе єднали.

III.

Та не тілько що Полякивъ
До себе єднали;
Ще й супротивъ Хмельницького
Увъ одно зъ имъ стали.

IV.

Увъ одно зъ имъ стали,
Увъ одно зъ имъ стали;
Пана Болоцина
Підъ Жванци прохали.

—

I.

— Ой, будешь, будешь, Пане Гетмане,
Та насъ шапувати;

Будешь землю Волошську
Добромъ помнятати.

II.

Ой, будешь, будешь, Пане Гетьмане,
Та тее знати,
Якъ землю Мультянську
До себе єднати.

III.

Ой, будешь, будешь, Пане Гетьмане,
Та тее чинити,
Якъ Студеньку брати,
Сына щитити.

IV.

Ой, будешь, будешь, Пане Гетьмане,
За тее молиться,
Якъ пôдъ тыми Студеньцами
Станомъ становиться.

V.

Выходь, выходь, Пане Гетьмане,
У Жванськее поле:
Чи то наша буде Вкраина,
Чи твое Подолье?

VI.

Выходь, выходь, Пане Гетьмане,
До Жванського гая:
Чи то наша буде Вкраіна,
Чи твоя Святая?

VII.

Выходь, выходь, Пане Гетьмане,
До Жванського луга:
Чи наша буде Вкраіна,
Чи твоя Ярута?

VIII.

Повій, повій, Пане Гетьмане,
Якъ той вітеръ віе:
Чи то наша буде Вкраіна,
Чи твоя Хотія? —

IX.

Вийшовъ Панъ Хмельницькій
Підъ Жванци зъ Кравчиной:
— Ой прощайся, Ляше,
Та изъ Волощиной. —

X.

Вийшовъ Панъ Хмельницькій
Підъ Жванци' изъ Ханомъ:
— Ой, лядуй-же, Ляше,
Хто буде зъ насъ Паномъ? —

XI.

Вийшовъ, Панъ Хмельницькій
По Жванському полю;
Запекли хлівоньку Ляхи
Та тому Подолью.

XII.

Вийшовъ Панъ Хмельницькій
До Святого гаю
— Ой, покликни Пана Яна,
Друже мій, Нечаю! —

XIII.

Ой покликнувъ Нечай Ляхівъ,
До той вітеръ віе,
По за Днїстромъ, по за ребромъ
Блещить тая Хотія.

XIV.

Ой спизнали тодî Ляхи,
Де и́мъ становъ стати,
Якъ Гетмана Хмельницькаго
До себе е́днати.

---

15. 16.

Смерть Хмельницкаго.

—

Ой пiйшла тяжка жаль-недоля та по всiей Украинi, якъ сталася смута у городî у Чигринi, що Панъ Гетьманъ Хмельницькiй Богданъ тяжко занедугувавъ; до себе усîхъ старшинъ, Сотникîвъ та Полковникîвъ иззывавъ, та на Радî изо всîми опрощенье мавъ; привîйты клавъ, що усю Украину миромъ зоставлявъ, до послîда-годины дохожавъ; словами промовлявъ;
— Ой и вы Панове молодци́, хоробрыи Сотники й Полковники, усî вы, стар-

шины Козацьки молодецьки! Що треба та вамъ Раду рушати, собі Гетьмана избирати; бо вже я вельми не дугую, до послідиёго часа дохожати мушу, Богові милосердному передати свою грішну душу мушу. —

Тімъ часомъ якъ Старшины Козацьки Військови тую річь почули, до Хмельницького Богдана приступали, барзо жалковали, словами промовляли:

— Чи вже таки ты, Пане Гетьмане, Хмельницькій Богдане, що ты хочешь насъ зоставляти, сиротою Вкраину покидати, Ляхамъ ворогамъ на позоръ віддавати? Чи вже дармо тая безчастна Украина Богові молила, що-бъ міцна ёго воля зъ підъ кормыги Ляшській свободила, на позоръ та поругу невірныхъ не давала, счастьемъ наділила; чи вже-жь дармо вона Богові молила? —

А Панъ Гетьманъ Хмельницькій Богданъ тіи слова зачувае; до всіен Стар-

шины Козацькои такими словами промовляе:

— Богові звістно та й люди знають, якъ я Вкраину вправлявъ, якъ зъ підъ кормыги Ляшській свобожавъ; тілько Бога моливъ, що-бъ вінъ мині на помічь помогавъ. Отъ-же теперечка й сына вамъ, Панове молодці, хоробрыи мои товарищи, на вашу Раду зоставляю, тілько Рады не рушаю, гаданья свого до вашого розуму не покладаю. Що мій Юрусь, хоча вінъ мині й рідный сынъ, та ёго избирати у Гетьманы не радую; бо вінъ и розумомъ слабенькій та й тіломъ не дугуе. Про міжъ васъ є що й Сотники й Полковники, усі хоробрыи товарищи. Про міжъ себе Гетьмана изберитъ, та по ёго суду и судитъ и рядитъ. Тілько прошу я васъ, Панове молодці, спочатку по Украині не рушати, розумомъ себе управляти, та усімъ у одно стояти. Тімъ и сталась по всёму світу страшенная Козацькая

сила, що у всі̂хъ у васъ, Панове молодци́, була воля й дума є́дина. А тобі̂, хоробрый Пушкарю, Полковниче, заві̂тъ покладаю: якого не зберуть Паны молодци́ собі̂ Гетьмана, усякому свою думу покладай, спочинокъ по Украи̂ні̂ удержуй, Козацьку славу шануй! —

Отъ-ті̂ и рі̂чи казавши, Богданъ Хмельницькій Богові̂ моливсь, Козакамъ Панамъ молодцямъ поклонивсь, та й доспоконвсь.

Ему-жъ Богданови́ повічная слава, про-мі̂жъ Козакі̂въ и простыхъ и старшихъ, и Царей и посполитыхъ людей, и мі̂жь Князьями по ві̂ки. Аминь.

—

Зажурилася Хмельницького сі̂дая голова, що при ёму ни Сотникі̂въ ни Полковникі̂въ нема: часъ приходить у̂мирати, нікому порады дати. Поклике ві̂нъ

на Ивана Выговського Писаря Військового:

— Иване Выговській, Писарю Військовый! Скорійше біжи, та листы пиши, що-бъ Сотники й Полковники до мене прибували, хочъ мало пораду давали. —

То Иванъ Выговській, Писарь Військовый листы писавъ, до всйхъ розсылавъ.

То Сотники й Полковники якъ и́хъ прочитали, усе покидали; до Хмельницького скорійшъ прибували. То Гетьманъ добре и́хъ пріймае, словами промовляе:

— Панове молодци́! добре вы дбайте, собі̂ Гетьмана наставляйте; бо я старъ, болію, більше Гетьманомъ не здолію. Коли хочете, Панове Антона Волочая Кіевського, або Грицька Костыря Миргородського, або Филона Чичая Кропивьянського, або Мартына Пушкаря Полтавського! —

То Козаки тее зачували, смутно себе мали, тяжко вздыхали словами промовляли:

— Не треба намъ Антона Волочая Кіевського, ни Грицька Костыря Миргородського, ни Филона Чичая Кропивянського, ни Мартына Пушкаря Полтавського; а хочемъ мы сына твого Юруся молодого, Козака лейстрового. —

— Вйнъ, Панове молодци́, молодый розумъ мае, звычаевъ козацькихъ не знае.

— Будемъ мы старыхъ людей бйля его держати; будуть вони его научати; будемъ его добре поважати, тебе батька нашого Гетьмана споминати. —

То Хмельницькій тее зачувавъ, велику радость собі мавъ, сйдою головою поклонъ отдававъ, слёзы проливавъ.

Скоро пйсля того ще й гйрше Хмельницькій знемогавъ; опрощенье зо всйми приймавъ, милосердому Богу душу отдавъ.

То не чорни хмары ясне сонце заступали, не буйны вйтры въ темнймъ лузй бушували. — Козаки Хмельницького ховали, батька свого оплакали. —

17.

Пугачъ.

I.

Ой ставъ пугачь на могилѝ,
Та й крикнувъ вѝнъ: пугу!
Чи не дасть Богъ Козаченькамъ
Хочь теперь потугу.

II.

Що день, що нѝчь усе ждемо;
Поживы не маемъ.
Давно була! Хмельницького
Уже не згадаемъ.

III.

Ой коли-сь мы воювали,
Та бѝльше не будемъ.
Того счастья, той доли
По вѝкъ не забудемъ.

IV.

Та вже шаблѝ заржавѝли;
Мушкеты безъ куркѝвъ;

А ще сердьце Козацькее
Не боиться Туркîвъ.

V.

. . . .

---

18. 19.

Пушкарь и Выговскій.

—

I.

Не день, не два Выговськiй Гетьманъ
До Полтавы сучивъ.
У самого сорокъ тысячь,
Та ще й Ляхîвъ вîвъ.

II.

Ой, куды то пресучiй Выговськiй
Ляхîвъ вîвъ?
Ой, вîвъ вîнъ Ляхîвъ
Супротивъ Козакîвъ.

III.

Ой, вîвъ вîнъ Ляхîвъ
Супротивъ Пушкаря,

Що стоить вѣнъ за вѣру православну
Та за Бѣлого Царя.

IV.

— Ой, Царю, Бѣлый Царю,
Время зъ тобою щитати;
Ой, будете, Царю та Маритыне Пуш-
карю
Знати, якъ мене прозывати.

V.

Ой, будете знати, якъ мене поважати
Якъ Вкраину до себе єднати;
Що будете знати,
Якъ по лѣсахъ уганяти.

IV.

То Выговськiй Гетьманъ
До Полтавы дорогу верставъ;
Поверставши дороженьку
По Голтвѣ станомъ ставъ;
А ставши собѣ станомъ,
Пушкаря окликавъ:

VII.

— Мартыне, Мартыне,
Сучій ты сыне,
Иди изо мною медъ горілку пити,
Козаківъ личити.

VIII.

Которіи голіиыи,
Тіи до мене перейдуть;
Которіи ледаціи,
Тіи изо мною биться зачнуть. —

IX.

Отъ надіиновъ Пушкарь Мартынъ,
По сій бікъ сплавъ;
Зъ гарманъ та зъ ружницъ по Гетьману
Стріляти почавъ.

X.

— Ой Мартыне, Мартыне, сучій ты сыне,
Що ты задумавъ, загадавъ?
Що Выговського Гетьмана
Рушати зачавъ!

XI.

Що въ тебе, сучій сыне,
Литвою лятва;
А въ мене й Ляхи, й Козаки,
Й Татарська Орда.

XII.

А ну, Пане Стефане,
Якъ ты себе маешь?
Ты коні маешь, гарматы маешь,
Чомъ Пушкаря не оступаешь?

XIII.

— Я-жъ-бы ёго вразъ оступивъ,
Та ёму Білый Царь помогае;
А въ мене що й коней, й гарматъ,
Що й вѣрной души не мае. —

XIV.

— А ну, Пане Трофиме,
Якъ ты себе маешь?
Ты-жъ війско хоробре й вірну душу маешь?
Чомъ Пушкаря не оступаешь?

XV.

— Я-жъ-бы ёго вразъ оступивъ,
Та ёму Бѣлый Царь помогае;
А въ мене що вѣйска, що й коней,
Що й вѣрнои души не мае. —

XVI.

— Отъ-то Пушкарь по березѣ по Голтвѣ
На коню выступае;
До Гетьмана Выговського
Таки слова промовляе:

XVII.

— Ой, Пане Гетьмане,
Що-жъ ты думаешь, гадаешь?
Що мене своимъ вѣйськомъ
Та не оступаешь?

XVIII.

То Выговській медъ вино пье,
Волосья скуе;
Що вѣнъ недоброе чуе,
Недолю собѣ жде.

XIX.

Тодї-то стали Пушкарївцї
На Ляхївъ наступати,
Стали Ляхївъ середомъ-передомъ
Бити, побивати.

XX:

То Выговськїй на коня сїдавъ
У Чигринъ дуброву втїкавъ;
Самого Стефана Омельченка
На Голтвї зоставлявъ.

XXI.

А той Панъ Стефанъ
Добро думае, гадае;
Мартына Пушкаря озывае,
Таки слова промовляе:

XXII.

— Прїйми мене до себе!
Буду тобї вїрно служити;
Буду вїру православну щитити,
Царя Бїлого чтити. —

XXIII.

То Виговській на коня сѣдавъ,
У Сѣчь Тешлыцьку вшѣкавъ;
Самого одного Трофима Сороку
На Голтвѣ зоставлявъ.

XXIV.

А той Панъ Трофимъ
Добре думае, гадае;
Мартына Пушкаря озывае,
Таки слова промовляе:

XXV.

— Прійми мене до себе;
Буду тобѣ вѣрно служити;
Буду вѣру православну щитити,
Царя Бѣлого чтити! —

XXVI.

То тодѣ добре Пушкарь знавъ,
Що Бѣлого Царя шанувавъ:
Що Ляхѣвъ розбивавъ, Выговського прогонявъ,
Самъ у мирѣ ставъ.

—

I.

Тече рі̂чка невеличка,
    Ворскломъ прозываютъ;
Про ту рі̂чку невеличку
    Старці́ й діти знаютъ.

II.

Вмі̂ютъ про ту рі̂чку
    Пі̂сню спі̂вати;
Люблять про ту рі̂чку
    Й думку гадати.

III.

Думонько, ты думо!
    Що-бъ сталося сумно!
Думонько, ты, думо!
    Не сталося-бъ шумно.

IV.

А де-жъ вы, Панове,
    Козаки молодці́?
Кі̂стки у могилі̂
    А шаблі́ въ болотці̂!

V.

Де-жъ ты, Пушкарю,
Хоробрый козаче,
Що по тобі, друже,
Украина плаче?

VI.

Кістки у могилі,
Самъ въ Господа Бога!
Ой, плачь, Украино,
Сироmo небога!

VII.

Твою ясну долю
Розшарпавъ Выговській,
Що сердьце моиъ камень,
А розумъ бісовській.

---

20. 21.

Юрій Хмельниченко.

То не чорни хмары ясне соньце оступали; не буйныи вітры у темному

лузй бушували, — то Козаки Хмельницького ховали, батька свого оплакали.

А молодый Юрусь пíдъ Бйлою Церковыю гуляє, о смерти отцевськíй не знає. Скоро лейтары до ёго прибували, листы подавали. То Хмельниченко листы якъ прочитавъ, свйта Божьёго не взвидавъ.

. . . .

Та й не багато Выговськíй Гетьманувавъ: нйвпора рока булаву державъ.

То не чорни хмары ясне сонце заступали, не буйныи вйтры у темному лузй бушували, — то Козаки до чвары стали, славу свою шановати не стали. Тодй-то Сотники й Полковники прибували, Юруся Хмельниченка Гетьманомъ поставляли. Тодй-то Козаки промовляли:

— Дай-же, Боже, за Гетьмана молодого жити якъ за стараго; хлиба й соли ёго вживати, городы Турецьки плюндрувати, славы лыцарсьтва Козацькому вйську доставати.

I.

Ой, Пане Хмельниченьку,
Юроньку, Юру!
Завялив голононьку,
Цвiшку понурый:

II.

Чи то тобi Туречина
Такъ знани далася?
Чи то тобi Гетьманщина
Отъ-такъ пiддалася?

III.

Ой, Юру Хмельниченьку,
Молодець прекрасный!
Всiмъ ты добрый Козакъ,
Всiмъ ты барзо ясный!

IV.

Изломилася шабелька
Та на твому боцi;
Зтягнули жупанчикъ
Козаки охочи.

V.

Ой, Юру Хмельниченьку,
Найясный Козаче!
Така твоя доля,
Що шабелька плаче!

VI.

Таке твое счастье,
Жупанъ розвязавсь,
Козакамъ у здобычь
Мовъ хурка доставсь!

---

22. 23.

Смерть Морозенка.

I.

Ой, зъ за горы, та зъ за кручи
Горде військо выступае;
По самъ передъ Морозенко
Сивымъ конемъ выгравае.

II.

Склонивъ вже вôнъ головоньку
Свому коню на гривоньку:
— Бôдна-жъ моя головонька;
Се чужая сторононька! —

III.

А въ нашего Морозенка
Червоная снежка;
Де пройде Морозенко, —
Кровавая снежка.

IV.

А въ нашего Морозенка
Червоная стрôчка;
Де пройде Морозенко,
Кровавая рôчка.

I.

Ой, зъ за горы, та зъ за кручи
Чорна хмарка выступае;
По переду Морозенко
Сивымъ конемъ выгравае.

II.

— Годі-жъ тобі̂, Морозенку,
Сивымъ конемъ выгравати!
Та ну зъ нами, зъ Козаками
Ходи́мо гуляти. —

III.

Ставъ Морозенко гуляти,
Пі̂сьню спі̂вати;
Стали тоді̂ Ляхи й Турки
Морозенка оступати.

IV.

Оступали Морозенка
Кругомъ зъ шаблюками:
Та выскочивъ Морозенко
По пі̂дъ рученьками.

V.

Та й вдарили Морозенка
Зъ пі̂дъ гримы зъ полиці̂:
Оплакали Морозенка
Браты й рі̂дни сестриці.

VI.

Та й вдарили Морозенка
Зъ підъ гримы зъ палаты:
Оплакали Морозенка
Отець, рідна мати.

VII.

Та й повели Морозенка
На крушу могилу:
— Подивися-жъ, Морозенку,
На свою Украину. —

VIII.

Не поможе, милый Боже,
Своя Украина!
Чи поможе милый Боже
Чужа Украина?

IX.

Та й підвели Морозенка
Підъ высоку грушу,
Та й выняли зъ Морозенка
Невинную душу.

X.

Ой у того Морозенка
Та у петлї̂ стежка;
Куды несли Морозенка, —
Кровавая стежка.

XI.

Ой у того Морозенка
Та у петлї̂ стрїчка;
Куды несли Морозенка, —
Кровавая рїчка.

XII.

Прощай, Морозенку,
Найславный Козаче!
Ой по тобї̂ по Морозенку
Вся Украина плаче!

24.

Палїй въ темницѣ.

I.

Ой, ты гадаешь, Пане Мазепо,
Гадаешь змїняти,

Хочешь Царя оступати
Въ пень Москву рубати;

II.

Та не тілько що Царя оступати,
Въ пень Москву рубати;
Ще й самъ хочешь на столиці
Царемъ царствувати!

III.

Ой, у городі у Полтаві
Мазепа гуляе;
Сидить зъ Искрою, зъ Кочубіемъ,
Все плаче й рыдае.

IV.

— Та велю-жъ я Королю Шведському
Та Москаля бити;
Гей, велю-жъ я Запорожцямъ
Москву въ пень рубити. —

V.

Та й уже-жъ песъ проклятый Мазепа
У полі наметомъ ставъ;
Зеленымъ виномъ та медомъ
Солодкимъ почтувавъ.

VI.

Ой, якъ взмовить Гетьманъ Мазепа
Палїю Семену:
— Ой, ты, Палїю Семене,
Чи не зрадишь ты мене?

VII.

— Якъ-же я маю, Гетьмане Мазепо,
Тебе изражати;
Коли ты будешь, Мазепо,
Добро починати?

VIII.

— Я думаю, Палїю Семене,
Москву въ пень рубати;
А самъ хочу на столицî
Царемъ царствувати.

IX.

—Впередъ будешь, Гетьмане Мазепо,
У стовпа стояти,
Ани́-жъ будешь на столицî
Царемъ царствувати.

X.

— Ой, прошу тебе, Палію Семене,
По чаші вина пити. —
— Брешешь, брешешь, проклятый Мазепо!
Хочешь мене згубити! —

XI.

А той Максимъ Искра сидить
Про Мазепу добро знае;
Палієви Семенови
Опъ-такъ привічае:

XII.

— Ой, и годи, Семене Палію,
Въ Мазепы вина пити!
Ой, хоче Мазепа проклятый
Тебе зъ карабина вбити. —

XIII.

Ой, и пье Семенъ, ой, и пье Палій,
Та головоньку клонить;
А Мазепинъ чура ёму
Кайданы готовить.

XIV.

Ой, и пье Семенъ, ой, и пье Палій
Изъ пігъ извалився;
Барзо тому Гетьманъ Мазепа
Стоя задивився.

XV.

Ой, и крикнувъ Панъ Гетьманъ Мазепа
Та на свои гайдуки:
— Гей, озьмить Палія Семена
За кріпкеньки руки. —

XVI.

Опъ и крикнувъ Панъ Гетьманъ Мазепа
Та на свои янчары:
— Гей, озьмить Палія Семена
Та залійте у кайданы! —

XVII.

Опъ и крикнувъ Панъ Гетьманъ Мазепа
Та на свои мысливці:
— Гей, озьмить Палія Семена
Та засадить въ стрільшиці! —

XVIII.

Не давъ Палію Гетьманъ Мазепа
Ни пити, ни и̂сти,
Доки не выславъ проклятый
На столицю листы.

XIX.

А якъ-же выславъ Гетьманъ Мазепа
Листы на столицю,
Вели̂тъ закинуть Палія
У темну темницю.

XX.

— Ой, Царю! — каже — е́сть Палій змі̂н-
никъ,
Хоче Москву рубати;
А самъ хоче та на столици̂
Царемъ царствувати. —

XXI.

Тоди̂ озоветься Палій Семенъ
Зъ темнои темници́:
— Бреше, бреше, Гетьманъ Мазепа
Въ Царя на столици́!

XXII.

Ой Царю! — каже, — Мазепа змûникъ,
Хоче Москву рубати,
А самъ хоче та на столицû
Царемъ царствувати.

25.

Палûй въ Сибири.

I.

Высоко сонце заходить
Низенько ложиться;
Ой, де-сь то Панъ Палûй Семенъ
Теперя журиться!

II.

Высоко сонце заходить,
Низенько заходить;
Ой, де-сь що Панъ Палûй Семенъ
На Сибиру бродить!

III.

— Ой, и Чуро, мій Чуро,
Мій вірный Спочусю!
Ой, ходимо до каплиці!
Богу помолюся!

IV.

Ой, и Богу помолюся,
Святымъ поклонюся:
Зледащавъ я понурый,
Стареньнимъ здаюся.

V.

Стареньнимъ здаюся;
Молитися мушу,
Хай помилуе Милостивый
Мою грішну душу. —

VI.

Натягнувъ ёму Чура
Та сірую свиту;
Та давъ ёму та у руку
Иловую вітту.

VII.

Пійшовъ Панъ Палій Семенъ
Богови́ молиться;
Не то Богови́ молиться,
А не то журиться.

VIII.

А якъ пріийшовъ Панъ Палій до дому,
То й сп̂въ на помі̂тп;
На бандурці̂ выгравае:
— Лихо жити въ свиті̂!

IX.

Що той, душу заклавши,
Свиту бачь гаптуе;
А той по Сибиру
Мовъ у лузі̂ дубуе.

26.

Гордіенко.

I.

Запорожці небожата!
Пшениця не жата:
Ой пійдіте, оглядіте,
Пшеницю зажніте.

II.

— Ой, хочъ пійдемъ оглядати,
Не будемо жати! —
Хвалилися Запорожці
Полтавы достати;

III.

Що Полтавы не достали,
А вже Шведъ издавея;
На бідную головоньку
Кошовый зоставея.

IV.

Ой умерла въ Кошового
Старенькая мати,

Та й нікому Кошовому
Порадоньки дати.

V.

Восточный Царь на Вкраині
Не діймае віры,
Посылае Голицына,
Що-бъ не було зміны:

VI.

— Ой, иди-жъ ты, Голицыну,
Иди-жъ ты горою;
А я піду зъ Москалями
У слідъ за тобою. . . .

27.

Битва Полтавская.

Шведського року несчастливаго літа не одна то душа Хрестьянська безневинно пійшла зъ сёго світа. То тоді-то у городі у Лебедині Царі й Князі великимъ всі дивомъ дивовали одинъ до единого словами промовляли:

— Про що то, Панове молодци́, у земли̂ Хрестьянській не стало порядку спавати?

— Про то, Панове молодци́, що стали проклятыи бусурманы Хрестьянъ бранами называти.

— Хто-жъ тое зачинавъ?

— Начинавъ тое проклятый Мазепа, якъ Искру й Кочубея безневинно самъ съ сёго свîта зогнавъ, Семена Палія на Сибирь завдавъ. —

То Цари́ й Князи́ е́динъ до е́диного словами промовляли; та Семена Палія зъ Сибиру на Москву высылали.

Скоро то ставъ Семенъ Палій великимъ постомъ, вîснянoю погодою до Бîлого Царя на столицю прибувати. То свîтъ праведный Государь велику радость мае, що до себе великого лыцаря Семена Палія у гости́ сподîвае.

То Мазепа тоді̂ якъ почувъ, що ёго проклятого Мазепу лихо догоняе, до Короля Шведського таки рîчи промовляе:

— Королю Шведській добродїю, найяснійшій мій Пане, чи будемъ мы бїльше города Полтавы доставати? Чи будемъ зъ пйдъ города зъ пйдъ Полтавы утїкати? Бо не дурно Москва стала насъ кругомъ оступати; бо въ Семена Палїя хочъ и не великое вйсько охошное — тїлько одна сотня, а буде нашу тысячу гнати й рубати, буде намъ великимъ панамъ великій страхъ завдавати. —

То Король Шведській тое зачуває; словами промовляє:

— Мазепа, безумна главо! чи у мене вйсько незбройне? чи у мене вйсько не панцырне? Та я ще цую Москву могу сїкти й рубати, йще не зарїкаюся у Бїлого Царя на столицї побувати. —

Скоро ставъ Палїй Семенъ на святого отця Миколая изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичемъ пйдъ Полтаву прибувати. То ставъ-то Король Шведській изъ Мазепою тайно втїкати, на Царськихъ людей вдаряти; много царсь-

кихъ людей побивали, а въ городй у Банурний мужикйвъ на жинокъ у непь сѣкли й рубали, церкви палили, свяпісни на иконы пйдъ ноги попяпали; плйпы справляли, на шой бйкъ Днйпра упйкали.

То Семенъ Палій пйдъ Полтаву прибувае, сече й рубае, на всй стороны якъ полову мйпае; до Днйпра добувае, на той бйкъ Днйпра поглядае, що Король Шведській изъ Мазепою на пймъ боцй Днйпра похожае; по вйнъ по мечемъ махае, словами промовляе:

— Помоли пы, Мазепо, за мене Бога, що я тебе не догнавъ, альбо посйкъ, альбо порубавъ, альбо живьемъ на вйчну каторгу завдавъ. —

Земле, земле Хресшьянсько! Егда пы була смушками и печальми напольнена, не знала, де родина объ ридний промышляе! Дай Богъ чесшь и хвалу свйшъ праведному Государю ша й Семену Па-

лію, превеликому пану, що не давъ Шведу Хрестьянъ на поталу.

Ой дай, Боже, усімъ Хрестьянамъ многая літа на счастливого прожитія у сімъ світі.

28.

Палій подъ Полтавой.

I.

Та ще хмілю, хмілю, та ще зелененькій,
    На тычину не звився;
А вже Палій підъ Полтавою
    Изъ Шведомъ побився.

II.

Та ще хмілю, хмілю, та ще зелененькій,
    Головокъ не зхиливъ;
А вже Палій підъ Полтавою
    Та й Шведівъ побивъ.

III.

Та ще хмілю, хмілю, та ще зелененькій,
    Козаківъ не згубивъ;

А вже Палій зъ підъ Полтавы
Та й Шведівъ отбивъ.

IV.

Тодî крикне, крикне ясный Король
Шведській
На гарматî стоя:
— Утікаймо Мазепо,
Зъ Полтавського поля!

V.

Отъ-то вони тодî шибко утîкали
Зъ Полтавського поля;
Зхаменулась, звеселилась
Козацькая доля.

VI.

Отъ-то вони тодî хутко утîкали
Та не шляхомъ, стежкой;
Була війську порада,
Та й Палію зъ Гречкой.

VII.

Отъ-то вони тодî швидко утîкали
Та не шляхомъ, лугомъ;

Була Війську порада
Та й Палію зъ другомъ.

VIII.

Отъ-що обізвався Панъ Семенъ Палій:
— Де ты, вірный друже?
— Ой, не ма вже твого друга! —
Обізвався луже.

IX.

Отъ-то обізвався Панъ Семенъ Палій,
Та й погнавсь за Шведомъ;
Чимъ ёго вінъ почтувавъ,
Чи виномъ, чи медомъ?

X.

Тоді швидко, швидко Шведы утікали,
Дорожку взнавали;
Та й ще шую дороженьку
До Бендерь держали.

XI.

Тоді швидко, швидко Шведы утікали
Лугомъ та терпами.
Бо-дай вони не діждались
Биться зъ Козаками.

29.

Мазепа.

Мазепо, Гетьмане, израдливый Пане!
Злее починаешь, зъ Шведомъ накладаешь,
И на Царя восточного руки пîдіймаешь;
Пîднявъ е́си Орду, изробивъ тревогу.
А при тій измîнî бувъ Кочубій та Искра;
Пійшли-жъ вони зъ пîдъ Полтавы та до Царя зтишка,
А Царь вîры не донявъ, до Мазепы одîславъ.

Скоро-жъ и́хъ Мазепа взрîвъ,
Барзо звеселився;
А Кочубій зъ Искрою
Слезами облився.
Усî Паны Сенаторы,
Усî бенкетъ мали;
Кочубея-же изъ Искрою

Барзо забували.
Тîлько ты и́хъ не забувъ,
Миргородській Пане,
Що Кочубій зъ Искрою
За Вкраину стали!
У Кіевî на Подолî
Порубанi груши;
Погубивъ-же песъ Мазепа
Невинныи души.
Ой, выгорîвъ весь Батуринъ, —
Зосталася хата;
Та вже твоя то, Мазепо,
И душа проклята.
Бувъ у тебе, песъ Мазепо,
Одинъ хлопець Нîмець. . . .
Пîйшло-жъ твое, песъ Мазепо,
Усе добро швець.

30.

Смерть Мазепы.

I.

Ой трапилось проклятому Мазепî
Та коржики îсти;
А то ще й понтрапилось проклятому Мазепî
Пîдъ Полтавой сîсти.

II.

Та не довго католики
Пîдъ Полтавой станомъ стояли.
Казавъ Царь Московськiй:--ура, хлопцî!—
То якъ пухъ розîмчали.

III.

А де ты, вражiй сыну, Мазепа проклятый,
Теперя усîвся?
А де ты зъ сердюками вовчатами,
Вовче, вгораздився?

IV.

Кажуть люди: у городі у Бендері
Чого-сь смутно стало;
Чи то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало?

V.

Ой, то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало;
Ой, то того, що Мазепина слава
Марно пропала.

VI.

Ой, то того, що Мазепина слава
Марно пропала,
Якъ ёго тіло бусурманське
У Бендері земля приняла.

ЗАМѢТКИ

къ Пѣснямъ и Думамъ.

1. См. Собр. Стар. Мал. пѣсней К. Цертелева. 38 — 40. Укр. Нар. пѣсни. Максимовича. I. 38 и сл:

2. Укр. Нар. пѣсни. I. 96.

3. 4. 5. 6. 7. 8. Списки сихъ пѣсень доставлены мнѣ И. В. Росковщенковымъ, Ѳ. С. Евецкимъ, А. Ѳ. Хиждеу, Якпевичемъ и Подольскимъ; еще три списка я самъ сдѣлалъ со словъ Бандуриста; еще два помѣщено въ Укр. Нар. пѣсняхъ I. 74 — 76. Мнѣ оставалось привести ихъ въ порядокъ. Думаю, что всѣ онѣ едвали не отрывки одной пѣсни.

9. Укр. Нар. пѣсни. I. 101.

10. Собр. Стар. Мал. пѣсней. 41 — 43. Укр. нар. пѣсни. I. 40 — 12. Еще два списка сообщены мнѣ О. С. Евецкимъ и А. Ѳ. Хиждеу.

11. Она поется отдѣльно отъ думы подъ N 10. Списки оной доставлены А.

Ѳ. Хиждсу, И. В. Роскошенковымъ и пр.

12. Со словъ бандуриста.

13. 14. Также.

15. 16. Первая со словъ бандуриста; вторая изъ соб. стар. Мал. пѣсней. 44 — 47. Укр. нар. пѣсни. I. 44 — 47.

17. Укр. нар. пѣсни I. 129.

18. 19. Первая со словъ бандуриста; вторая доставлена Якневичемъ.

20. 21. Собр. Мал. пѣсней. 46 — 47. Укр. нар. пѣсни. I. 46 — 47. Отрывокъ.

22. 23. По спискамъ М. А. Максимовича и О. С. Евецкаго.

24. По спискамъ К. Цертелева, М. А. Максимовича, Телеграфскому (1831, N 5), и со словъ бандуриста.

25. Со словъ бандуриста, съ поправками по тремъ другимъ спискамъ.

26. Укр. нар. пѣсни I. 109 — 110.

27. Со словъ бандуриста.

28. По списку К. Цертелева съ поправками по спискамъ И. В. Росковщенкова и моему собственному.

29. Укр. нар. пѣсни. I. 110 — 111.

30. Со словъ бандуриста: составлена изъ трехъ списковъ. —

ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

ЧАСТЬ II.

— II —

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1835.

Печатать позволяется

1835 года, Февраля 1 дня. О. Профессо́ръ и Кавалеръ Ценсоръ Снегиревъ.

УКРАИНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

MDCXL — MDCLVII.

Како свободился народъ Русскій зподъ ига Лядского Египетского.

ХАРЬКОВЪ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Февраля 8, 1835 года. Цензоръ И. Снегиревъ.

Источники, изъ которыхъ я почерпалъ свѣденія для Лѣтописи, здѣсь помѣщенной, и Примѣчаній къ ней, суть:

1. *Лѣтописи: — Конисскаго, Исторія Руссовъ, — Рогалевскаго, Краткій Лѣтописецъ, — Туманскаго, Лѣтопись, — Дзѣвовича, Лѣтопись, — Меморіалъ о Гетманахъ Запорожскихъ, — Пространная Лѣтопись о событіяхъ до смерти Хмельницкаго, — Лѣтопись о прозименованіи Козаковъ, — Рубана, Малороссійская лѣтопись, — Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ, — Лѣтопись отъ* 1506 *по* 1734, — *Описаніе Малой Россіи отъ* 1340 *по* 1754, — *Фамильная Лѣтопись Квитокъ.*

2. *Рукописныя Записки: Описаніе малой Россіи, Шафонскаго, — Записки о Малой Россіи, его-же — Евецкаго, Записки о Морозенкѣ и Тимоѳіѣ Хмельниченкѣ, — Записки и Выписки касательно Слободскихъ полковъ, Цебрикова, — Описаніе Харьковскаго Намѣстничества, — Разговоръ Хмельницкаго съ Байческуломъ, — Выписки изъ записокъ Миллера о Козакахъ, — Записки о нравахъ и обычаяхъ Украинцевъ во время Боплана, С.-Р.*

Этими Лѣтописями и Записками я пользовался по благосклонности: Г. Тайнаго Совѣтника Сенатора А. Ѳ. Квитки, Профессора И. Н. Даниловича, Профессора А. Ѳ. Павловскаго, Статскаго Совѣтника И. М. Цебрикова, М. А. Бедрязи, В. С. Курдюмова, Ю. И. Вене-

лина, А. И. Павлова, И. Т. Подол-скаго и. д.

Отрывокъ о событіяхъ съ 1654 по 1657 (стр. 93—105) есть дословная выписка изъ Описанія Малой Россіи отъ 1340 по 1754.

3. Думы и Пѣсни. Подлинныя помѣщены въ Зап. Стар. II. 1. Здѣсь онѣ находятся въ переводѣ, и пояснены примѣчаніями, за кои во многомъ обязанъ благодарностью К. Р. Подольской, Г. Ѳ Квиткѣ, М. А. Максимовичу, О. С. Евецкому; Ѳ. С. Евецкому и. д.

4. Преданія — большею частію собраны мною самимъ на мѣстѣ въ поѣздку на Днѣпровскіе пороги.

5. Сказанія Лѣтописцевъ и преданій народныхъ я старался по возможности повѣрять сказаніями писателей иностранныхъ: Лубен-

скаго, Боплана, Пасторія, Шевалье, Енгеля, Нѣсецкаго и др.

6. *Актами и Записками дипломатическими пользовался изъ Собранія Госуд. Грамотъ и договоровъ, Исторіи Уніи и Исторіи Малой Россіи, Бантыша Каменскаго. Исторія Малой Россіи была для меня важнымъ пособіемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ ней заключаются выписки изъ Лѣтописей, мнѣ неизвѣстныхъ.*

И. С.

Харьковъ.
1835. Мая 3.

УКРАИНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1640 — 1657.

Запорожская Старина.

Сказанія Лѣтописцевъ

и

Преданія

о лицахъ и событіяхъ въ Украинѣ и Запорожьѣ во время Богдана Хмельницкаго.

ЛѢТОПИСЬ.

1640-1654

Тако свободился народъ Русскій зподъ ига Лядскаго Египетскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Былъ конецъ первой половины XVII вѣка.

Народъ Украинскій бѣдовалъ подъ игомъ Поляковъ и Жидовъ.

Его достояніе было расхищено: одни нищіе оставались безопасны подъ своимъ отребіемъ. Земля его стала погономъ разбойниковъ; и нивы были незасѣяны, и пастьбища пусты. Вѣра его была попрана: рабами Жидовъ были служители церкви; на откупѣ у Жидовъ были храмы Господни, и всѣ обряды, и всѣ таинства святой Вѣры.

Цвѣтъ народа Украинскаго, Козаки, которыхъ отвага когда-то славила, потомъ уничижала оружіе Ляховъ, Козаки, прежде гордые именемъ защитниковъ Христіанства, нынѣ обезсиленные, угнѣтенные были униженными рабами прихоти своихъ мстивыхъ владыкъ, и острили сабли, и заряжали самопалы только другъ на друга: единодушіе, крѣпившее когда-то ихъ силу, исчезло; личные раздоры себялюбцевъ, искавшихъ власти для обогащенія, безпрерывно порождали раздоры войсковые; а Ляхи карая мятежниковъ, сами раздували пламя бунта междоусобій, надѣясь, что паденіе Войска

Запорожскаго навсегда обезпечить ихъ власть въ Украинѣ. Только небольшая часть Козаковъ, Кравчина Запорожская, сохранила независимость въ лѣсахъ и степяхъ Поднѣпровскихъ; но крамолы и распри зашли и туда: стычки съ Татарами и Турками смѣнялись кровавыми пирами межусобицъ, и головы Кошевыхъ и старшинъ что-ни-годъ приносились въ жертву новымъ вождямъ, кои въ свою очередь были жертвами новыхъ козней и раздоровъ. Кравчина слабѣла; Ляхи были наготовѣ, — и въ Никитинской сѣчи сѣлъ наконецъ гарнизонъ Польскій.

Дворяне Украинскіе одни за другими переходили на сторону Ляховъ, принимали вѣру Уніатскую и Католическую, и вмѣстѣ съ ними угнѣтали Православіе. Между сановниками духовными слишкомъ немногіе были истинными ревнителями Церкви, да и тѣ должны были покорствовать силѣ вражьей: голосъ самаго Митрополита Петра Могилы часто вопіялъ въ пустынѣ.

Таково было состояніе Украины, въ послѣдніе годы первой половины XVII вѣка. Вотъ что нажила себѣ эта страна, когда то богатая, славная, теперь облитая кровью, усѣянная костями своихъ храбрыхъ сыновъ, за полувѣковую борьбу ихъ съ Ляхами во славу Православія.

Но роковая година Украины близилась. . . .

II.

Начну свою повѣсть съ того времени, какъ Наказнымъ Гетманомъ Козацкимъ озвался Николай Ялмужна Зацвѣлиховскій. Это было около 1645 - 1646. Новый вождь Козаковъ былъ избранъ самими Поляками; но выборъ ихъ былъ неудаченъ. Храбрый, отважный Ялмужна скоро отличился въ битвахъ съ Татарами, и своими побѣдами заслужилъ любовь дружинъ Козацкихъ; а потомъ началъ сношенія съ Царемъ Московскимъ. Не того нужно было Ляхамъ; и Ялмужна былъ схваченъ, и, вѣрно, кончилъ жизнь,

какъ окончили ее Наливайко, Павлюкъ, Остряница; а на его мѣстѣ явился Иванъ Барабашъ.

Высокомѣрный, подлый, корыстолюбивый: таковъ былъ онъ; и мятежъ былъ слѣдствіемъ его вступленія въ должность. Главная дружина Кравчины Запорожской, Линчаевцы отдѣлились, избрали себѣ отдѣльнаго Гетмана и укрѣпились въ Никитинской сѣчи. Началась междоусобная брань. Митрополитъ Петръ и Войсковой Писарь Зиновій Богданъ Хмельницкій старались помирить враждующихъ товарищей, но ихъ усилія оставались тщетны до тѣхъ поръ, пока Барабашъ съ помощію Поляковъ сразилъ Линчаевцевъ, и однихъ изъ нихъ заставилъ бѣжать въ луга и степи, другихъ покориться своей волѣ. Впрочемъ покой длился не долго. Барабашъ, смиривъ мятежъ, не смирилъ себя, и безпрерывно подавалъ новыя причины къ возобновленію бунта: помогалъ Полякамъ утѣснять поборами Козаковъ охочекомонныхъ, помогалъ Іезуитамъ

и Уніатамъ обращать ихъ въ Унію, помогалъ Жидамъ угнѣтать селянъ. Жажда корысти вела его ко всему, на все.

Собралась Рада. Старшины Козацкіе рѣшились допросить Барабаша, что затѣваетъ онъ, чѣмъ все это кончится. — Я обязанъ отвѣтомъ одному Королю; — отвѣчалъ Барабашъ.

— И дашъ отвѣтъ намъ. Оправдывайся или Рада будетъ судить тебя какъ измѣнника; — возразилъ Судья Антонъ Полежай. — Всѣ члены Рады присоединили свои голоса къ голосу Полежая, и требовали откровеннаго признанія. Страхъ смерти потушилъ высокомѣріе Барабаша. Онъ смирился, просилъ милости и прощенія, подтвердилъ клятву дѣйствовать въ пользу Войска, и безъ замедленія согласился на предложеніе Хмельницкаго послать къ Королю жалобу на угнѣтенія, претерпѣваемыя Козаками.

Мирно кончилась Рада; но не миръ былъ на сердцѣ Барабаша, Гетмана Іуды. Поспѣшно и тайно онъ увѣдомилъ сеймъ

объ опасности, угрожающей Полякамъ въ Украинѣ, и столь же поспѣшно, и столь же тайно умертвилъ Полежая.

Смерть этого старца, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, рѣшила терпѣніе народа. Ни кто не сомнѣвался кто былъ ея виновникомъ. — Барабашъ хочетъ всѣхъ насъ предать смерти и въ рабство Ляхамъ, кричали Козаки. . . . Смерть ему, клятво преступнику. — Сынъ Полежая Иванъ поднялъ знамя бунта, и выступилъ съ вѣрною дружиной противъ приверженцевъ Барабаша.

Пожаръ междоусобной брани запылалъ снова.

Нечаянное и, какъ казалось, незначительное обстоятельство измѣнило ходъ дѣла, и межусобную брань превратило въ грозную войну, долженствовавшую рѣшить судьбу Украины.

III.

То была ссора Войсковаго Писаря Хмельницкаго съ Подстаростою Чигиринскимъ Даніиломъ Чаплицкимъ.

Неподалеку отъ Чигрина Хмельницкій имѣлъ отчину сельце Суботово. Чаплицкій вздумалъ усобить его себѣ; донесъ Старостѣ Александру Конецпольскому, что Хмельницкій владѣетъ имъ безъ вида и права, что оно по закону должно отойдти къ Староству; и, недождаясь отвѣта, съ помощію Поляковъ овладѣлъ имъ. Хмельницкій искалъ правосудія; представлялъ, что Суботово — его отчина, что отецъ его Михаилъ (Хмельникъ) Сотникъ Чигринскій получилъ его отъ прежняго Старосты Ивана Даниловича за вѣрную службу, и населилъ собственными людьми. Напрасно. Хмельницкій получилъ вмѣсто Суботова 50 флориновъ вознагражденія за протори и убытки и отказъ, въ которомъ незабыли ему напомнить, что Козакъ не имѣетъ никакого права селить слободы и тѣмъ менѣе ослушаться начальства. Оставалось просить защиты у Короля. Хмельницкій поѣхалъ въ Варшаву. Чаплицкій между тѣмъ продолжалъ самоуправство: похитилъ

у Хмельницкаго наложницу, и женился на ней, обокралъ его скарбницу, сожегъ его мельницы и винокурни, и въ добавокъ приказалъ наказать кіями на Чигринскомъ рынкѣ сына его Тимоѳея за то, что онъ осмѣлился ему противиться и наговорить грубостей. Чаплицкій надѣялся на защиту Правительства, и не обманулся въ расчетѣ. Хмельницкій благосклонно былъ принятъ Королемъ, но въ отвѣтъ на свою просьбу получилъ новый отказъ и строгое приказаніе быть въ совершенномъ повиновеніи у Старосты Чигринскаго и его дозорцы. Поляки давно уже пріучили Украинцевъ къ подобнымъ отвѣтамъ на ихъ жалобы, сколько-бы ни были онѣ справедливы; и заставляли сносить ихъ терпѣливо. Впрочемъ Хмельницкій и тутъ не потерялъ надежды выиграть искъ. Случай доставлялъ ему возможность рѣшиться на послѣднее, что оставалось его защитою, что издавна тревожило его сердце, столько-же любившее родину, сколько и честолюбивое.

— Украина плачетъ. Козаки гибнутъ въ недолѣ. И нѣкому защищать ихъ! Нѣкому сломить ярмо Египтянъ! — Будетъ что будетъ, а будетъ что Богъ дастъ. — Еще не умерла Козацкая мать. Чаплицкій и Ляхи не все еще отняли у насъ; еще мы владѣемъ саблей! —

Такъ передала намъ память народная тогдашнія думы Богдана. Хмельницкій оставилъ Варшаву мирно, молча, но съ твердымъ намѣреніемъ отомстить за себя и за родину.

Возвратъ его на Украину былъ несчастливъ: Чаплицкій схватилъ его, и посадилъ въ тюрьму; но Провидѣніе сберегло Богдана для славы и счастія Украины: прежняя его любовница, жена Чаплицкаго, нашла случай даровать ему свободу.

Овладѣвъ перепиской Барабаша съ Поляками, Хмельницкій удалился на островъ Бучый къ Липчаовцамъ.

Ихъ вождь Иванъ Положаенко уже не существовалъ: преслѣдуемый съ дру-

жиной своей *Ляхами* и Барабашевцами, онъ погибъ на битвѣ у Каменнаго Затона. Личаевцы разбѣжались. Никитинская сѣчь осталась за *Ляхами*.

Личаевцы приняли Хмельницкаго съ радостію: онъ подавалъ имъ надежду вновь противостать Барабашу; но Хмельницкому мало было побѣды надъ этимъ временщикомъ; онъ бралъ выше, и продолжалъ переписку съ его приверженцами. Запорожцы не поняли его намѣреній, и стали подозрѣвать въ измѣнѣ.... Дружина Хмельницкаго и безъ того незначительная, состоявшая прежде изъ 300, потомъ изъ 500 всадниковъ, начала умаляться.

Надобно было покориться обстоятельствамъ и поспѣшить дѣломъ, лишь бы угодить товарищамъ. Хмельницкій двинулся къ Никитину Рогу, взялъ сѣчь, позволилъ Козакамъ вырубить весь Гарнизонъ Польскій, тамъ бывшій, — и возвратилъ этимъ довѣренность своей дружины; она быстро начала увеличиваться

Тогда Хмельницкій озвалъ Раду, и представилъ на ея разсмотрѣніе переписку Барабаша съ Поляками, изъ которой явно было намѣреніе Польскаго Правительства уничтожить Войско и Козаковъ.

— Выбирайте любое! — говорилъ Хмельницкій Панамъ радникамъ: — гибель и славу, — гибель и срамъ. —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

IV.

— Настал часъ воли Божіей! — писалъ Хмельницкій Митрополиту. — Молитесь за насъ и за отчизну! — и, разославъ по Украинѣ универсалъ, которымъ убѣждалъ народъ вооружаться крестомъ и саблей противъ Ляховъ губителей имени Русскаго, самъ отправился въ Крымъ къ Хану Исламу II просить у него вспоможенія.

Дѣло пошло удачно.

Ханъ обѣщалъ выслать на помощь Хмельницкому цѣлую орду съ Намѣстникомъ Перекопскимъ Тогай-беемъ; — и тѣмъ легче было Хмельницкому возбудить Исламъ-гирея, что за недолго предъ тѣмъ Король Польскій отказался платить

ему обычную дань. Митрополитъ Петръ наложилъ церковное проклятіе на всѣхъ, кто не станетъ заодно съ Хмельницкимъ, и повелѣлъ во всѣхъ церквяхъ молиться Богу, да спасетъ онъ православіе, да будетъ щитомъ противъ тѣхъ, кто забылъ Его любовь, Его милость, Его завѣтъ Христіанскаго братства. Универсалы Хмельницкаго имѣли повсюдный успѣхъ.

Взмутилось Правительство Польское, услышавъ о новомъ возстаніи Козаковъ, — оно знало и умъ, и отвагу Хмельницкаго, и любовь къ нему народную, — и поспѣшило возвести Барабаша въ санъ Гетмана, надѣля его новыми дарами; онъ одинъ оставался опорою Поляковъ въ Войскѣ, одинъ могъ въ ихъ пользу имѣть на него вліяніе, если не угрозами то крамолами.

Недолго спустя Барабашъ съ 6000 выступилъ на Хмельницкаго въ дубахъ внизъ по Днѣпру; а сынъ Короннаго Гетмана Николая Потоцкаго Стефанъ съ 6000 пошелъ къ Никитину Рогу полемъ.

Все это войско предъ походомъ присягнуло въ вѣрности республикѣ.

Поляки оступили самую сѣчь, но были отражены, и принуждены отступить.

Почти въ тоже самое время Барабашъ напалъ въ ладьяхъ на Липчаевцевъ, укрѣпившихся на островѣ Томаковкѣ и другихъ окрестныхъ островахъ. Въ часъ грозной сѣчи явился Хмельницкій. Съ часъ еще Барабашевцы продолжали храбро сражаться, но, окруженные со всѣхъ сторонъ противниками, положили наконецъ оружіе, предались на волю Богдана, и, отыскавъ своего Гетмана, какъ говорятъ, спавшаго въ ладьѣ межъ камышами, разтерзали его, какъ измѣнника, искусившаго ихъ лукавыми наважденіями. И слава его погибла съ шумомъ. — Суди насъ! мы виновны! говорили Барабашевцы Хмельницкому. Филонъ Джеджелей, первый изъ Козаковъ, устремившихся на Барабаша, поднесъ ему булаву убитаго Гетмана; но Хмельницкій на восклицаніе

Козаковъ: — она твоя! — отвѣчалъ: она ваша, и я вашъ! Ляхи ждутъ насъ. Отомстимъ, и будемъ правы. — Ладьи ринулись. Громкій гай раздался по волнамъ Днѣпра. У Желтыхъ водъ Поляки ждали Козаковъ.

У Желтыхъ водъ вскипѣла новая сѣча . . . Подоспѣвшіе Крымцы окружили лагерь Польскій. Три дня Поляки оборонялись пушками; но терпѣніе ихъ наконецъ истощилось. Многіе изъ нихъ перешли на сторону Хмельницкаго. Остальные еще разъ сразились, и дали тылъ, направя свое бѣгство къ Княжимъ Байракамъ. Козаки преслѣдовали ихъ, снова разбили, и овладѣли всѣмъ обозомъ. Много Ляховъ пало: палъ и юный рыцарь Потоцкій. Въ числѣ плѣнныхъ были: Шембекъ, Янъ Сапѣга, Стефанъ Чарнецкій и Иванъ Выговскій. Но многіе спасли жизнь бѣгствомъ. . . . Шумно и весело окончили Запорожцы грозный день Желтоводской битвы, 5 Апрѣля 1646 года — битвы — побѣды надъ своими деспотами

послѣ безчисленныхъ пораженій. На другое утро они двинулись вверхъ по Днѣпру.

Вѣсть о побѣдѣ Хмельницкаго быстро разнеслась по Украинѣ.

Она достигла Трилѣсья, — и Гетманъ Потоцкій, вышедшій-было на помощь къ своему сыну, поспѣшилъ принять мѣры: послалъ къ Королю просить подкрѣпленія, набиралъ изъ черни отряды стрѣлковъ, и вмѣстѣ съ Полевымъ Гетманомъ Мартыномъ Калиновскимъ пошелъ къ Корсуню, и въ милѣ отъ этого города, близь Стеблова, сталъ въ окопахъ.

Она достигла и Переяславля, гдѣ Асаулъ Максимъ Кривоносъ, набиралъ охотниковъ на помощь Барабашу. Узнавъ о смерти его и гибели Поляковъ, Кривоносъ сталъ за Хмельницкаго, и съ 2000 всадниковъ двинулся къ Чигрину, къ нему на помощь.

Она достигла и Умани, гдѣ Козаки Уніаты стекались подъ знамена какого-то Монаха. Узнавъ о битвѣ Желтовод-

ской, они поспѣшили на помощь Потоцкому, но, или не попавъ на ту дорогу, или не зная мѣста его стана, пришли къ рѣкѣ Тясмину, и стали станомъ неподалеку отъ Чигрина, у Рудаго става. Несмотря что число ихъ простиралось до 5,000, Хмельницкій пошелъ противъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ, жестоко разбилъ, принудилъ положить оружіе, и всѣхъ, кто не успѣлъ обратиться въ бѣгство, связанныхъ привелъ въ Чигринъ. Монахъ и нѣкоторые начальники были казнены: остальные, около 1500, разобраны Козаками въ прислугу.

Воздавъ благодареніе Богу, и оставивъ стражу въ Суботовѣ, Хмельницкій съ 25000 войска Козацкаго и Татарскаго двинулся къ Корсуню.

Его приближеніе взволновало станъ Польскій. Украинцы, бывшіе въ войскѣ Потоцкаго, подняли тревогу. — Намъ не будетъ пощады! — кричали они. — Лучше сдадимся Богдану по доброй волѣ! — Потоцкій и Калиновскій съ трудомъ удер-

живали мятежъ до 16 Мая. Но появленіе войскъ Хмельницкаго возобновило тревогу, и страхъ овладѣлъ не только рядовыми, но и нѣкоторыми военачальниками. Одного изъ захваченныхъ въ плѣнъ Козаковъ, Микиту Галагана (Языка) начали пытать о числѣ войска Козацкаго. — Сами узнаете — отвѣчалъ Козакъ — худо-ль, добро-ли нашимъ, когда 50,000 Татаръ и безъ числа Козаки нападутъ на васъ. Еще-же и Хана нѣтъ. Лучше уходите съ миромъ, пока не напали на васъ. — Обманъ Галагана удался. Едва только Татары и Козаки въ одеждѣ Татарской съ крикомъ: — алла, алла! — бросились на станъ Польскій и овладѣли первымъ валомъ; Поляки вырвались изъ укрѣпленій, и обратились въ бѣгство. Галаганъ велъ ихъ, и завелъ на болота и трясины. Онъ заплатилъ за это жизнію, но Поляки не могли уже сомкнуться въ боевой порядокъ, и разбѣжались по чащѣ. Напрасно Потоцкій заклиналъ ихъ именемъ вѣры и короны остановиться;

напрасно угрожалъ карой: чуя гибель, Поляки думали объ одномъ спасенiи, думали каждый о себѣ, и шли на гибель. Украинцы отдѣлились отъ нихъ, и стали подъ знамена Хмельницкаго; а Хмельницкiй между-тѣмъ послалъ часть своего войска въ лѣсъ, перекопавъ рвами и обложивъ деревьями дороги, другiе отряды разставилъ на выходахъ изъ лѣсу, и самъ началъ гнать Поляковъ съ тылу въ чащу. Не имѣя ни силъ, ни времени сопротивляться, безпрерывно утопая съ лошадями и повозками въ тинѣ болотъ, топяхъ и трясинахъ, обстрѣливаемые съ боковъ, поражаемые сзади саблями и спицами, Поляки не сражались, а падали, или умирая отъ немочи и ранъ, или сдавались, и прося пощады. — Нѣтъ пощады! — былъ отвѣтъ, — и Поляки гибли.... Потоцкiй, Калиновскiй, Графъ Синявскiй, Донгоѳъ, Пржiемскiй, многiе другiе вельможи и нѣкоторые рядовые взяты въ плѣнъ. Прочiе всѣ пали, а такихъ было, какъ говорятъ иные, до 40,000. Добыча раздѣлена

между Козаками. Плѣнные отданы Татарамъ. Потоцкій просидѣлъ недѣлю верхомъ на пушкѣ.

Пославъ отряды въ Каневъ Черкасы, Койдакъ и другіе Поднѣпровскіе города, занятые Поляками, Хмельницкій вступилъ въ Бѣлую церковъ. Съ кликами радости принялъ народъ счастливаго побѣдителя, и призналъ его Гетманомъ славнаго Войска Запорожскаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпра сущей Украины. Войско его увеличилось до 40,000, — и Владиславъ Король Польскій, шедшій на помощь своимъ, принужденъ былъ возвратиться назадъ. Оставалось отомстить за себя. Чаплицкій былъ схваченъ и приведенъ къ Гетману. Онъ просилъ милости, — и получилъ; Хмельницкій велѣлъ обрить ему голову, усы, которыми онъ хвастался, и бороду, которую носилъ онъ въ подражаніе отца своего покровителя, Станислава Конецпольскаго, — и отпустилъ на волю.

V.

Счастливый успѣхъ Хмельницкаго возбудилъ упавшій духъ народа Украинскаго. Настала година мести. Польскіе Старосты, Польскіе судьи, Шляхтичи, Уніаты, гарнизоны, Жиды, всѣ, кто прежде безнаказанно угнѣталъ и губилъ его, всѣ гибли. Села пылали. Вражья кровь лилась потоками. Клики озлобленія и побѣды мѣшались съ воплями страдальцевъ винныхъ и невинныхъ. Такъ Украина возвращала себѣ потерянное благоденствіе, спасала попранную вѣру, ликовала пиръ своего возстановленія.

Воеводою Русскимъ былъ тогда Князь Іеремія Вишневѣцкій. Прежде ревностный Грекороссіянинъ, онъ сдѣлался еще болѣе ревностнымъ Уніатомъ, а потомъ и Католикомъ, и по обычаю всѣхъ Уніатовъ и Католиковъ, имѣвшихъ силу и случай, сталъ угнѣтать Украинцевъ, особенно Козаковъ, принуждая къ Уніи. Онъ вырывалъ у нихъ глаза, вѣшалъ ихъ,

сажалъ на колъ, рѣзалъ, морилъ голодомъ, мучилъ всѣми ужасными муками медленной казни. — Пусть чувствуютъ, что умираютъ! — говорилъ онъ, — и часто онъ самъ присутствовалъ при казняхъ, будто радостью его очей была кровь православныхъ и радостью слуха ихъ вопли и стоны. Звѣрство его не знало предѣловъ.

Не знало предѣловъ и мщеніе народа. Вишневѣцкій съ войскомъ и дворнею ушелъ въ Польшу. А между тѣмъ вся западная Украина наполнилась толпами вольниковъ, губившихъ враговъ Православія. Около Канева Лисенко съ Вовгуревцами сдиралъ кожи съ Уніатовъ и Жидовъ; вокругъ Кіева бѣдовалъ Харченко; на Подолѣ буйствовали толпы гайдамакъ съ Остапомъ Павлюкомъ и Морозенкомъ; на Волыни падала подъ ударами дружины Ганжи Польская шляхта; Чорнота, Калитъ, Ворончепко, Лобода, Бурлай, Полкожуха, Небаба, Нечай, Тиша съ дружинами проникали въ глубь Польши. Всѣхъ грознѣе, всѣхъ ужаснѣе была

кравчина Максима Кривоноса и Пульяна: разсѣявшись по Волыни и Подолю, она усыпала свой путь пепломъ и обливала кровью, не зная пощады ни къ женамъ, ни къ дѣтямъ и старцамъ. Разбитый подъ Звяголемъ воинами Вишневецкаго, Кривоносъ положилъ 6000 изъ нихъ на полѣ битвы подъ Полоннымъ; потомъ въ Умани и Ладыжинѣ принесъ въ жертву своему мщенію цѣлую толпу Жидовъ и Уніатовъ; и по взятіи Бара совершилъ столь же кровавую тризну надъ 3000 Уніятовъ и 15,000 Жидовъ. Напрасно Вишневецкій преслѣдовалъ его, напрасно сражалъ, — Кривоносъ продолжалъ лить потоками кровь и разносить повсюду пламя. Лисенко попался первый въ руки Вишневецкаго. Полунагой, покрытый безчисленными ранами, калѣка, съ обожженными глазами, онъ тронулъ своимъ видомъ сердце безжалостнаго Князя; онъ, казалось, былъ недостоинъ казни, и брошенъ въ тюрьму. Двѣ недѣли лежалъ онъ въ ней лишенный пищи

и свѣта, — и долежалъ нечаяннаго избавленія. Его дружина, не предполагая, что онъ еще живъ, пылая только однимъ мщеніемъ за погибель своего храбраго вождя, ворвалась въ Немировъ, гдѣ умиралъ онъ, и возвратила его къ жизни. Можно предполагать, какія слѣдствія имѣлъ этотъ случай.

VI.

Наконецъ Войска Польскія подъ начальствомъ Владислава Князя Острожскаго, Александра Конецпольскаго и Николая Остророга выступили противъ мятежниковъ, — и въ то же время Конвокаціонный сеймъ послалъ къ Хмельницкому Коммиссаровъ требовать мира и вѣрности Польшѣ.

Хмельницкій самъ желалъ этого, и писалъ къ Владиславу еще 2 Іюня, прося у него мира, освобожденія народа Украинскаго отъ угнѣтеній и возстановленія прежнихъ правъ его; но это письмо не

застало уже Владислава въ живыхъ: еще 10 Мая онъ умеръ въ Меречѣ. Говорятъ, что собственный его духовникъ, подкупленный Примасомъ, умертвилъ его.

Условія, предложенныя Хмельницкому посольствомъ Польскимъ были слишкомъ жестоки, — и Хмельницкій съ презрѣніемъ отвергнулъ ихъ; Комиссары начали грозить оружіемъ и силой, — и Хмельницкій, обнародовавши новый Универсалъ, которымъ убѣждалъ вооружаться всѣхъ, кто можетъ и умѣетъ владѣть саблей, выступилъ въ походъ. Около 5000 Татаръ съ Карабчей-Мурзою соединились съ нимъ неподалеку отъ Пикова.

Поляки готовились не на бой, а на свадебный пиръ. Латы и збруя воиновъ блистали серебромъ и золотомъ, шлемы были украшены драгоцѣнными перьями; кони покрыты богатыми коврами и сѣдлами; и 100,000 повозокъ слѣдовало за войскомъ, въ которомъ реестровыхъ воиновъ было не болѣе 36,000. Это войско стало станомъ у Пилявы. О непріятелѣ

не думали, надѣялись твердо на побѣду. Одинъ только Вишневѣцкій, дознавшій силу Козаковъ личнымъ опытомъ, опасался неудачи, и, провѣдавъ, что Хмельницкій послалъ къ Хану просить помощи, убѣждалъ Князя Острожскаго поспѣшно двинуться противъ Запорожцевъ и сразиться съ ними прежде ихъ соединенія съ Татарами. Воевода Брацлавскій Адамъ Кисель, Полякъ по службѣ, Украинецъ по роду и вѣрѣ, предлагалъ напротивъ помедлить военными дѣйствіями, испытать еще разъ мирныя предложенія; говорилъ, что возобновленіе войны зависѣло не столько отъ Хмельницкаго сколько отъ буйства Козаковъ и чрезмѣрности требованій Комиссаровъ, что Хмельницкій, предложивъ миръ самъ, конечно приметъ его на условіяхъ необидныхъ для Рады. Со слезами просилъ Кисель Вишневѣцкаго забыть месть мятежникамъ и вспомнить объ отчизнѣ. Вишневѣцкій остался непреклоненъ. — Забуду, какъ свое добуду! — говорилъ онъ, и пригото-

влялся къ выступленію. И вотъ слухъ о приближеніи Хмельницкаго достигъ стана. — Время потеряно! — кричалъ онъ, и въ ярости убилъ своего вѣрнаго оруженосца, принесшаго ему вѣсть, что Козаки уже соединились съ Татарами, и что Хмельницкій овладѣлъ двумя замками неподалеку отъ Пилявы. Новый вѣстникъ, объявившій, что самъ Ханъ съ огромною ордою быстро спѣшитъ къ Пилявѣ, разочаровалъ самоувѣреннаго Князя Острожскаго. Онъ увидѣлъ тогда свою опрометчивость, молчаніемъ отвѣчалъ на упреки Вишневѣцкаго, и велѣлъ своему войску отступить за Случь къ Константинову. Вишневѣцкій сразился съ Козаками на берегахъ Случи, собственными руками умертвилъ Максима Кривоноса, но разбитый Морозенкомъ бѣжалъ въ свою очередь. Козаки преслѣдовали Поляковъ, отняли у нихъ многоцѣнный обозъ, заняли ихъ у Константинова, овладѣли этимъ городомъ, и заставили Поляковъ бѣжать къ Збаражу. И здѣсь они оставили ихъ

не надолго. Едва только Поляки успѣли осѣсть въ этомъ городѣ, Хмельницкій съ Ханомъ явился готовый на битву, и снова обратилъ въ бѣгство своихъ враговъ. Городъ сдался; 60 пушекъ и богатая добыча золотомъ и тканями досталась Козакамъ; плѣнные вельможи отданы Татарамъ. Отсюда Хмельницкій направилъ свой путь ко Львову, и осадилъ его въ началѣ Октября. Не смотря на храбрую защиту его Христофоромъ Арциссовіемъ, недостатокъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ скоро принудилъ Ляховъ подумать о переговорахъ. Козаки и Татары, получивъ богатую контрибуцію, отошли къ Замостью. Впрочемъ Хмельницкій, убѣждаемый Адамомъ Киселемъ, не спѣшилъ военными дѣйствіями, и послалъ на Сеймъ пословъ съ предложеніемъ мира. Замѣчательно то, что Поляки милостиво обошлись съ этими послами: столь страшна была уже для нихъ сила Козацкая. Медленно и неудачно тянулась осада Замостья: лѣниво осаждалъ Хмельницкій,

ожидая вѣсти мира; храбро отражалъ Комендантъ его Людовикъ Вейеръ, Эльбингскій Кастелянъ нападенія Татаръ и Козаковъ. Наконецъ Хмельницкій получилъ отъ Киселя письмо, съ вѣстью объ избраніи Королемъ Польскимъ брата Владиславова Кардинала Іоанна Казимира, — и, удовольствовавшись данью 20,000 злотыхъ, снялъ осаду, несмотря на гнѣвъ Крымцевъ и ропотъ Козаковъ. Кисель увѣрилъ Хмельницкаго, что Король хочетъ непремѣнно возстановить спокойствіе въ республикѣ, прекратить пагубную гражданскую войну, которая грозитъ бѣдою всѣмъ отъ Турокъ и Татаръ, и потому будетъ неслишкомъ разборчивъ въ выборѣ условій. Киселю можно было повѣрить: онъ любилъ родину не менѣе своего долга. Одно только приводило Хмельницкаго къ сомнѣнію, — Вишневѣцкій, заклятый врагъ Козаковъ, незадолго до избранія сдѣланъ Предводителемъ войскъ, и уже успѣлъ своими крамолами охолодить пріязнь Хана къ Хмельницко-

му; но Гетманъ зналъ также, что Іоаннъ Казиміръ — врагъ Вишновѣцкаго; — и когда Посолъ Короля Смяровскій пріѣхалъ съ предложеніемъ мира, когда Хмельницкій прочелъ дружелюбное письмо Короля, и узналъ, какую важную роль играли его Послы на Сеймѣ, что даже съ ихъ помощію Іоаннъ Казиміръ избранъ былъ Королемъ, — его недовѣрчивость исчезла: онъ обѣщалъ Королю миръ, и съ торжествомъ возвратился въ Украину.

Близъ Кіева Митрополитъ Сильвестръ, преемникъ Петра, и важнѣйшее Духовенство встрѣтило Хмельницкаго и его сподвижниковъ. Колокольный звонъ будто въ Великій день и звуки трубъ мѣшались съ кликами восторженнаго народа. — Слава Богдану, избавителю нашему! — восклицали толпы. — Миръ Христіанству! — отвѣчалъ имъ Хмельницкій, — и единодушное искреннее благодареніе Всевышнему, благословившему мечь Хмельницкаго во славу Креста, из-

лилось изъ устъ всѣхъ. Давно, давно Кіевъ не видалъ такого торжества; давно молитва Православныхъ не возносилась къ престолу Вседержителя съ такой радостью; давно войско Запорожское незнавало такой славы! За долго-ль оно было вмѣстѣ со всей Украиной покорной рабыней аристократовъ Польскихъ, ихъ воли, ихъ прихотей, ихъ крамолъ и козней!

VII.

Такъ начался для Хмельницкаго и Украины 1649 годъ.

Вѣсть о побѣдахъ Богдана разнеслась по всему Востоку Европы. Князь Трансилванскій, Господари Молдавскій и Валахскій, разные владѣтели ордъ Татарскихъ прислали къ нему первые Пословъ, поздравляли съ благополучнымъ окончаніемъ войны, предлагали союзъ и дружбу, препровождая вмѣстѣ съ тѣмъ богатые дары. Вскорѣ потомъ явились и По-

слы Султана: онъ слалъ къ нему булатную саблю, каѳтанъ, опушенный горностаемъ, булаву, осыпанную драгоцѣнными каменьями и жемчугами, а Козакамъ 40 мѣшковъ съ серебренными Турецкими левами, приказавъ Хану Крымскому и Пашѣ Силистрійскому помогать Хмельницкому войсками; тогда-же заключилъ Гетманъ договоръ съ Турціею, очень выгодный для Украины.

Переяславль, гдѣ Хмельницкій принималъ всѣхъ этихъ Пословъ, зашумѣлъ скоро новою радостью; то былъ бракъ Гетмана съ его прежней любовницей, похищенной у него Чаплицкимъ. Ихъ вѣнчалъ Коринѳскій Митрополитъ Іосаѳъ. Цѣлую недѣлю продолжались свадебные пиры. Толпы веселаго народа не оставляли большую загородную площадь, что близь кладбища, ни днемъ ни ночью: они пили, пѣли, веселились, славили Хмельницкаго и за его славу и за его вино. Свидѣтелями этой радости народной были новые Послы — Послы Царя Московскаго.

Гетманъ встрѣтилъ ихъ верхомъ за городомъ, и великолѣпно принялъ. Тѣ Посланцы были: Василій Михайловъ и Григорій Унковскій. Они привезли Гетману Царскую добрую Грамоту и дары соболями, и отвезли Царю дары Хмельницкаго — лошадь и лукъ Турецкій. Съ ними поѣхалъ и Чигринскій Полковникъ Ѳедоръ Вешнякъ просить у Царя покрова Войску и всей Украинѣ.

Наконецъ въ Февралѣ мѣсяцѣ прибыли въ Переяславль и Послы Польскіе, изъ коихъ главный былъ Воевода Кисель. Съ громомъ пушекъ и звуками трубъ принялъ ихъ Хмельницкій. Іоаннъ Казиміръ присылалъ ему: булаву, осыпанную сафирами, пурпуровую хоругвь съ бѣлымъ орломъ и вензелемъ (или именемъ) Королевскимъ и Грамоту на достоинство Гетмана. Хмельницкій старался всячески угодить Депутатамъ, ласкалъ ихъ, дарилъ, ежедневно увеселялъ пирами и разными играми. Здоровье пили изъ золотыхъ пугаръ, и молодая жена Хмельницкаго, у-

крашенная драгоцѣнными парчами, каменьями и клейнотами, сама подчивала Пословъ и мужа трубками. — Богъ дастъ, — говорилъ Хмельницкій — я замирюсь съ добрымъ Королемъ: тогда жена сваритъ намъ борщу, и забудемъ былое за дружнимъ столомъ. — То былъ старый обычай — поминать сѣмейное замирье борщемъ за дружнимъ столомъ.

Казалось, миръ будетъ проченъ: такое дружелюбіе соединяло Гетмана съ послами; но такъ ластятся другъ ко другу два пса, — и охаживаютъ другъ друга, и мирны какъ агнцы; увидите, они взгрызутся. Скоро Хмельницкій собралъ Войсковую Раду, и она, послѣ многихъ споровъ и распрей, обругавъ пословъ Польскихъ, согласилась предаться Королю съ тѣмъ, что-бы возстановлены были всѣ стародавнія права и вольности Козаковъ, что-бы комплектъ реестровой кравчины состоялъ изъ 40,000, чтобы Жиды и Іезуиты всѣ до одного были изгнаны изъ

Украйны, что-бы Унія была уничтожена; что-бы во всемъ воеводствѣ Кіевскомъ должности были въ рукахъ однихъ православныхъ; что-бы Митрополитъ Кіевскій былъ Членомъ Сената; и наконецъ, что-бы Чаплицкій былъ выданъ Радѣ, а Вишневѣцкій удаленъ отъ начальствованія Войскомъ. Кисель убѣждалъ Хмельницкаго смягчить требованія Рады, но Рада осталась непреклонна. Поляки не приняли предложенныхъ условій, и переговоры окончились тѣмъ, что военныя дѣйствія отсрочены до Троицына дня.

VIII.

Еще 17 Января — Іоаннъ Казиміръ короновался въ Краковѣ; еще въ Февралѣ Войска Польскіе, порученные Фирлею, Лянцкоронскому и Остророгу, выступили въ походъ.

Возмущенія въ Барѣ и Тарнополѣ, куда Король для усмиренія бунтовщиковъ послалъ Фирлея, были поводомъ къ

начатію войны до исчеченія срока перемирія; впрочемъ до Іюня время протекло въ частныхъ сшибкахъ.

Наконецъ рушилъ и Хмельницкій съ Татарами. Все войско его простиралось до 300,000. Эта ужасная рать, какой, по словамъ Лѣтописцевъ Польскихъ, не видано было со временъ Атиллы и Тамерлана — 13 Іюня осадило Збаражъ, гдѣ 10,000 войска Польскаго было заперто съ Фирлеемъ, Вишневѣцкимъ, Конецпольскимъ и другими военачальниками. Два мѣсяца длилась осада. Храбро нападали на осажденныхъ Козаки и Татары, — отважно, отчаянно защищали себя Ляхи; но осаждающіе могли продлить осаду, сколько будетъ нужно, будучи богаты военными и съѣстными запасами, между тѣмъ какъ осажденные съ каждымъ днемъ терпѣли большій недостатокъ, и въ томъ и въ другомъ: голодъ заставилъ ихъ питаться лошадьми, собаками, кошками, печеной землей, вареными кожами. Зараженный зловоніемъ тру-

повъ воздухъ родилъ моръ. Ляхи гибли; Ляхи требовали у Хмельницкаго снятія осады. Онъ соглашался; онъ писалъ къ Фирлею: — нежелаю крови Христіанской, ни гибели невинныхъ, но долженъ исполнять требованіе Рады: она согласна на снятіе осады, лишь бы ей выданъ былъ Вишневѣцкій, Конецпольскій, и другіе Вельможи, заклятые враги Козачества и Православія. — Осада длилась. Ляхамъ оставалась одна надежда, — помощь Короля; но Король былъ еще далеко, Король и не думалъ спѣшить, Король не забылъ своего медленнаго важнаго Кардинальскаго шага. Сыскался охотникъ, отвѣчавшій своей головой, что сыщетъ средство увѣдомить Короля о бѣдѣ Збаражской. Настала мрачная, глухая ночь. Грозныя тучи нависли надъ Збаражемъ. Кое-гдѣ только тускло блестѣли подобно блуждающему огню маяки Козацкіе, и на Востокѣ сверкала по временамъ сухая молнія. Будто подколодная змѣя ползъ черезъ валы, пробивался сквозь

полисады, вился вокругъ шапцевъ юный Полякъ. Малѣйшій шорохъ его останавливалъ; малѣйшая тишь его подвигала впередъ. То былъ Посланникъ Збаражскій. Ночью онъ ползъ, на день укрылся подъ сухими листьями. На другую ночь онъ опять ползъ, и днемъ снова исчезалъ въ листьяхъ. Онъ счастливо добрался до Короля.

Въ день Св. Іоанна Крестителя, благословенный Нунціемъ Папскимъ Іоанномъ де Торресомъ, подъ сѣнію хоругви имъ освященной, съ 20,000 войска Іоаннъ пошелъ противъ Хмельницкаго; молитва и посты были его вожатаями, его утѣхой. Въ половинѣ Августа онъ приближился къ Зборову. Пущенное на стрѣлѣ письмо изъ стана Козацкаго увѣдомило осажденныхъ въ Збаражѣ о его приходѣ, — и осажденные съ большимъ мужествомъ стали обороняться отъ натиска Козаковъ и Татаръ.

Едва только вѣсть о приближеніи Короля достигла Збаража, Хмельницкій

и Ханъ, оставя часть войска для поддержанія осады, выступили на встрѣчу новаго воинства. Счастье помогло имъ. Туманнымъ утромъ, въ то самое время, когда Король переправлялся чрезъ болота, они напали на него, отбили обозъ, и окружили его воиновъ совсѣхъ сторонъ. Король былъ въ опасности; Балдуинъ Оссолинскій спасъ его цѣною своей жизни. Битва длилась цѣлый день. Къ ночи Козаки и Татары совершенно овладѣли положеніемъ стана Поляковъ. Несчетное множество ихъ погибло во время строенія окоповъ. На утро должна была разразиться ужасная сѣча. Военачальники Польскіе, страшась, что ихъ храбрость не устоитъ противъ огромной силы враговъ, еще болѣе страшась мятежа въ станѣ, по которому пронеслась молва, будто Король думаетъ бѣжать со всѣми Вельможами и оставить ихъ на произволъ ярости непріятельской, не знали, что предпринять. Оставалось одно — убѣдить къ миру Хана, который когда-то былъ у

Поляковъ въ плѣну и получилъ свободу по милости Владислава IV. Король, для предотвращенія смятеній въ войскѣ, не смотря на ненастье, объѣхалъ станъ, увѣряя солдатъ, что по наступленіи утра, онъ съ ихъ помощію надѣется разбить врага; и потомъ послалъ къ Исламу плѣннаго Татарина съ письмомъ, предлагая миръ и союзъ. Наступило утро. Татары устремились на станъ, а Козаки на городъ. Не смотря на первыя неудачи, и тѣ и другіе успѣли овладѣть многими укрѣпленіями, и Хмельницкій развилъ свое знамя на главномъ валу стана Польскаго... Ханъ не слалъ Королю отвѣта... Поляки получили его только въ полдень, будучи уже приведены въ самое жалкое положеніе... Битва прекратилась. Ханъ соглашался на миръ, обѣщалъ склонить къ миру и Хмельницкаго, который съ своей стороны писалъ къ Королю о своемъ желаніи окончить брань, лишь-бы только Козаки и народъ Украинскій во-

обще были обезпечены въ правахъ и спокойствіи.

Среди лагерей трехъ войскъ, гдѣ еще во множествѣ разбросаны были жертвы раздора, гдѣ не смотря на строгія запрещенія громъ орудій прерывалъ по временамъ стоны умиравшихъ, начались переговоры; и наконецъ заключенъ миръ, по которому Польша обязалась платить Хану ежегодно по 30,000 злотыхъ, выдавъ тотчасъ такую сумму за два прежніе года, Козакамъ вмѣстѣ съ забвеніемъ всего былаго предоставлены всѣ прежнія права, число реестровой конскрипціи положено 40.000, рѣка Горынь назначена предѣломъ между Украиной (Гетманщиной) и Польшей, Жиды и Уніаты должны быть выведены отовсюду, гдѣ имѣютъ право жить Козаки, и Митрополиту Кіевскому дано право засѣдать въ Сенатѣ.

Збаражъ, гдѣ Поляки подкрѣпляемые въ мужествѣ храбрымъ Фирлеемъ не преставали сражаться съ голодомъ, мо-

ромъ и Козаками, между которыми отличался воинственный Джеджелей, — Збаражъ, покрытый трупами, обнесенный трупами, освободился отъ осады.

Войска Козацкія, бившіеся съ Радзивиломъ въ Литвѣ, воротились во свояси.

Враги разстались дружелюбно. И миръ сталъ на Украинѣ.

На долго-ли?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

IX.

Договоръ Зборовскій былъ слишкомъ тягостенъ, если не для державы Польской, то для Дворянства и Духовенства Католическаго, которыя въ силу его лишались почти всѣхъ правъ, дотолѣ употребляемыхъ ими во зло по волѣ во всей Украинѣ. Сеймъ утвердилъ его только по необходимости, только изъ боязни, что продолженіе войны тягостной и кровопролитной доведетъ и державу и подданныхъ до гибели совершеннаго раззоренія. Надобно было покориться обстоятельствамъ. Впрочемъ ни Дворяне ни тѣмъ болѣе Духовенство не переставало роптать на Короля и Канцлера Оссолинскаго, за Зборовскія статьи; ругали, пи-

сали пасквили, — и только благоразуміе великодушнаго Политика Адама Киселя удерживало Поляковъ отъ явнаго раздора съ Хмельницкимъ. Назначенный Воеводою Кіевскимъ и Депутатомъ въ Украину для приведенія въ исполненія договора, Кисель уѣхалъ, — и все пошло иначе. Пріѣздъ Митрополита Кіевскаго Сильвестра Коссова для занятія мѣста въ Сенатѣ, возмутилъ все Польское Духовенство. Гордые рабы Папы торжественно объявили, что оставятъ свои мѣста, если займетъ его межъ ними врагъ преемника Св. Петра, что Король не имѣетъ права вносить въ договоры условія, противныя законамъ церкви. Всѣ убѣжденія смириться остались тщетны Митрополитъ, безпрерывно оскорбляемый, долженъ былъ наконецъ опасаться и за жизнь, и возвратился въ Кіевъ. Между тѣмъ помѣщики Польскіе, думая жестокостью поддержать свою власть въ Украинскихъ помѣстьяхъ стали по прежнему утѣснять народъ, и къ Хмельницкому нерѣдко являлись Ко-

заки безъ ушей и носовъ, умоляя о защитѣ. Мятежи возобновились. Козаки и безъ того недовольные на Хмельницкаго за то, что онъ многихъ изъ нихъ исключилъ изъ реестровъ, дабы ограничить число реестроваго войска 40-омъ тысячъ, помогали мятежникамъ. Ни Хмельницкій ни Ляхи не могли ихъ усмирить. Впрочемъ будучи самъ обиженъ оскорбленіемъ Митрополита, Хмельницкій озвалъ Раду, и по ея согласію послалъ Депутатовъ въ Польшу съ запросомъ: какъ хочетъ Сеймъ исполнять Зборовскій договоръ? Сіи Депутаты должны были въ силу Зборовскаго договора требовать у Сейма уничтоженія всякой Уніи, подтвержденія власти Хмельницкаго по той сторонѣ Днѣпра съ тѣмъ что-бъ ее не имѣлъ надъ крестьянами тамошними ни одинъ Шляхтичъ, что-бъ водворившіеся тамъ Шляхтичи работали какъ поселяне, и чтобъ наконецъ 10 Эпископовъ въ полномъ собраніи Сената поклялись въ исполненіи всего этаго, а для вѣрности да-

но было-бы четыре паладина по выбору Гетмана заложниками, — и въ такомъ случаѣ Гетманъ обѣщался платить Королю ежегодно по 1,000,000 злотыхъ. Впрочемъ Хмельницкій предугадывалъ отказъ, и опредѣлилъ Депутатамъ ограниченіе, по которому Поляки должны были означить земли Козакамъ, гдѣ-бы имъ никто не мѣшалъ, чтобъ Король и 12 главнѣйшихъ Сенаторовъ поклялись на всегда хранить Зборовскій миръ, чтобы 3 изъ нихъ даны были Гетману заложниками и наконецъ чтобъ оставлена была Унія. И этого одного было-бы довольно къ возобновленію войны. Новыя обстоятельства ускорили разрывъ.

Хмельницкій не переставалъ продолжать сношенія съ Ханомъ, Султаномъ и Царемъ и заботиться объ укрѣпленіи городовъ и устроеніи войска въ военное положеніе. Польское Правительство узнало это, и съ своей стороны, опасаясь внезапнаго нападенія Козаковъ, стало помышлять о сопротивленіи, особенно ко-

гда Хмельницкій задумалъ вступить въ родственныя связи съ богатымъ и сильнымъ Господаремъ Молдавіи Василіемъ Лупулой посредствомъ женитьбы сына своего Тимоѳея на его дочери (Иринѣ, Роксанѣ), и купить себѣ это родство если не добрымъ словомъ, то доброй саблей.

Хмельницкій началъ дѣло, а войско Польское подъ начальствомъ Короннаго Гетмана Потоцкаго двинулось къ Каменцу Подольскому, и стало въ окопахъ. Переговоры пошли худо. Не смотря на участіе, принимаемое Султаномъ въ пользу Хмельницкаго, гордый Господарь не согласился на предлагаемый бракъ. Надобно было взяться за оружіе. 16,000 Козаковъ подъ начальствомъ Носача, Пушкаря и Дорошенка и 20,000 Татаръ вторглись въ Молдавію. Скоро Сорока, Сутчава и Яссы были разграблены. Господарь удалился въ Хотинъ, а оттуда въ лѣса, и просилъ помощи у Короннаго Гетмана Потоцкаго; но Коронный Гет-

манъ отвѣчалъ Лупулъ: — тебѣ бѣда, и мнѣ была: я провѣдалъ Татарскій плѣнъ, и боюсь Хмельницкаго. — Молдавія была на краю гибели: только 20,000 червонныхъ, выданныхъ Татарами и согласіе на бракъ могли остановить военныя дѣйствія. Возвращаясь домой, Козаки ограбили Бендеры.

Этотъ успѣхъ оружія Козацкаго вооружилъ еще болѣе Сеймъ противъ Хмельницкаго. Депутація Козацкая не могла надѣяться на успѣхъ; ея требованія почтены оскорбленіемъ власти, и ни ограниченіе ихъ, ни убѣжденія Киселя не были въ силахъ потушить общаго озлобленія Дворянъ и Духовенства; тѣмъ болѣе что безпрестанно доходили новыя извѣстія о мятежахъ крестьянъ въ Украинѣ, кои часто оканчивались кровопролитіемъ. Боязнь быть какъ прежде побѣжденными силой Запорожской одна заставляла Поляковъ длить переговоры, но и эту боязнь тушила злоба. Возобновленіе военныхъ дѣйствій становилось отчасу вѣр-

нѣе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Поляки узнали, что будто Хмельницкій, великолѣпно принявъ Посла Султанскаго Ада Чауса, привезшаго ему въ даръ саблю и хоругвь, склонился на его предложеніе поддаться Султану, хотя и отвергнулъ предложеніе помощи въ дѣлѣ съ Поляками.

Сеймъ объявилъ посполитое рушенье, и Король бѣдный войскомъ и деньгами рѣшился прибѣгнуть къ Папѣ, прося у него денежной помощи противъ Козаковъ. Но послику Иннокентій X вмѣсто помощи прислалъ Іоанну Казиміру только свое благословеніе, то должно было прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ. Собрали пожертвованія съ вельможъ и со всего Дворянства, наложена новая подать на народъ, и наборъ и устроенія войска пошли довольно удачно. Не остался, говорятъ, въ дому ни одинъ Шляхтичь, и седьмого человѣка на войну вывели изо всего народа. Военныя дѣйствія положено начать до наступленія весны, дабы не

дать Козакамъ времени приготовиться къ отраженію, а между тѣмъ для прикрытія границъ посланъ Полевой Гетманъ Калиновскій. Поляки впрочемъ не упускали изъ виду и средствъ помириться съ Хмельницкимъ, но Хмельницкій не хотѣлъ слушать иныхъ условій, кромѣ Зборовскихъ. Маковѣцкій поѣхалъ къ Митрополиту Кіевскому съ письмомъ Короля, въ которомъ онъ повелѣвалъ ему увѣщевать Козаковъ смириться предъ нимъ. — Если же не захотятъ Козаки предаться доброю волѣ моей, то не захочу и я оставить ихъ Украины безъ огня и меча, и вѣрное мое войско обратитъ ихъ жилища въ пепелъ. — Таковъ былъ смыслъ письма Королевскаго. Сильвестръ отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, и послалъ Маковѣцкаго въ Чигринъ къ Гетману. — Насъ разсудитъ Богъ, — отвѣчалъ Хмельницкій; но Хмельницкій уже начиналъ бояться силы Поляковъ.

Онъ обнародовалъ письмо Короля, надѣясь чрезъ это ополчить подъ свои

знамена болѣе воиновъ; но счастіе уже начало отвращать отъ него свое лице. Храбрый, отважный, но благоразумный и осторожный до Зборовскаго мира, казалось, онъ не искалъ ничего болѣе какъ одной любви народной; казалось, забывая о себѣ, помышлялъ объ одной славѣ войска и благоденствіи Украины. Но то обнаружилъ онъ, когда возвеличенный славнымъ окончаніемъ войны съ Поляками, вступилъ въ переговоры съ державами всего Востока Европы, какъ державный властелинъ. Соблюдая дотолѣ всѣ обычаи народные, храня во всей строгости власть ограниченную, какою могъ онъ пользоваться какъ Гетманъ, во всемъ соображаясь съ мнѣніемъ Рады и Козаковъ, почтенныхъ довѣренностью и любовью народа, онъ самъ заслужилъ довѣренность и любовь; но гордый силой, которая привела въ трепетъ Польшу и Молдавію, онъ началъ выказывать высокомѣріе и власть самодержца предъ Панами молодцами, которыхъ долженъ былъ почитать

товарищами, дѣлалъ распоряженія безъ согласія Рады, часто въ противность ея волѣ, рѣже и рѣже сталъ созывать ее,— и такимъ поведеніемъ вооружилъ противъ себя прежде Старшинъ, потомъ Козаковъ. Не думая уже о любви народной, думая только о власти, онъ забылъ и правила благоразумной осторожности, которыя ввели его на его великое поприще. Самонадѣянность заступила ихъ мѣсто. Самонадѣянность заставила его отказаться отъ помощи, предложенной Султаномъ; самонадѣянность заставила его не мирнымъ словомъ а саблей и казнію потушить мятежъ въ войскѣ, которымъ начался 1651 годъ; самонадѣянность должа была или згубить его, или обратить къ прежней осторожности, давъ ему урокъ раскаяться. Хуже всего была для Хмельницкаго дружба, которою почтилъ онъ Выговскаго, того самаго, котораго взялъ онъ въ плѣнъ на битвѣ Желтоводской. Выговскій былъ лучшимъ, единственнымъ другомъ его, Войсковымъ его писаремъ,

совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ, — и Выговскій-же былъ недругомъ почти всѣхъ Старшинъ, Выговскій былъ недругомъ чести и совѣсти.

Козаки вооружались на Ляховъ, но не всѣ становились подъ знамена Хмельницкаго, а выбирали отдѣльныхъ вождей. Единодушіе, возстановленное на время Хмельницкимъ, имъ же самимъ было разрушено: его паденіе было главною причиною неудачи военныхъ дѣйствій Козаковъ, сколько его сила съ противной стороны, искусно возбужденная на время Іоанномъ Казиміромъ, была причиной успѣховъ войска Польскаго.

X.

Военныя дѣйствія начались частными схватками.

Первый выступилъ противъ Поляковъ Даніилъ Нечай, Полковникъ Брацлавскій. Проникнувъ въ глубь Польши съ 3000-ною дружиной этотъ храбрый

вождь предавалъ тамъ все огню и мечу. Воевода Брацлавскій Станиславъ Ланцкоронскій послалъ къ нему Депутатовъ прося его прекратить мятежъ. Нечай не только съ презрѣніемъ отвергъ его просьбу, но и приказалъ умертвить Депутатовъ. Это раздражило Воеводу. Вспомоществуемый Калиновскимъ, онъ вышелъ противъ Нечая, гналъ его до Краснаго, сразился на Запусты Спасовы, сразилъ, убилъ, и разсѣялъ его дружину.

Войско Польское раздѣлилось на двѣ части. Одна пошла внизъ по Днѣпру и овладѣла Шаргородомъ и Ямполемъ. Другая двинулась вверхъ по Богу къ Винницѣ. Этотъ городъ былъ защищаемъ Полковникомъ Богуномъ. Узнавъ о приближеніи Ляховъ, онъ изрубилъ ледъ на рѣкѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны были переправляться чрезъ нее Ляхи, и, давъ слабо подмерзнуть, прикрылъ льдяную кору соломой. Не предполагая такой засады, Поляки прямо поскакали чрезъ рѣку, и многіе погибли. Не смотря на это,

Калиновскій осадилъ Винницу, взялъ и укрѣпился въ ней.

На помощь Богуну подоспѣлъ Уманскій Полковникъ Глухъ съ 20,000 Татаръ. Оставивъ въ Винницѣ обозъ и часть пѣхоты, Калиновскій выступилъ въ поле съ 20,000. Сѣча вскипѣла. Калиновскій, жестоко разбитый, потерявъ обозъ, артилерію и до 5000 пѣхоты, обратился въ бѣгство. Винница снова досталась въ руки Козаковъ. Богунъ съ отборною дружиной пошелъ вслѣдъ за Ляхами, еще разъ жестоко разбилъ, принудилъ бѣжать въ Баръ, а потомъ изъ этого города, худо укрѣпленнаго, къ Каменцу.

XI.

Іоаннъ Казиміръ, ѣздившій на поклоненіе Журавицкой Божіей Матери, поспѣшилъ къ своимъ войскамъ, между тѣмъ какъ отовсюду стекались подъ знамена Коронаго Гетмана Потоцкаго новыя дружины, набираемыя не столько

на счетъ республики, сколько на счетъ вельможъ, особенно заклятаго врага Козаковъ Князя Іереміи Вишневѣцкаго.

Калиновскій, получивъ повелѣніе какъ можно скорѣе присоединиться къ главной арміи, стоявшей подъ Владимиромъ, поспѣшилъ укрѣпить Каменецъ, и потомъ отправился къ Соколю, куда между тѣмъ переведена главная квартира, и гдѣ былъ уже Король. 18,000 Козаковъ и 2000 Татаръ его преслѣдовали, выдержали нѣсколько битвъ, и на сраженіи подъ Зборовымъ жестоко разбили его. Остальные Козаки, которыхъ, говорятъ, было до 70,000, взяли Панёвцы и потомъ осадили Каменецъ. Раздоръ между старшинами былъ причиною того, что осада пошла неудачно; а гарнизонъ Каменецкій съ такимъ успѣхомъ отражалъ нападенія, что Козаки хотѣли изрубить нѣкоторыхъ полковниковъ, казнили вѣроломнаго Суходила, и, не надѣясь на удачу, начали грабить окрестныя селенія, оставивъ подъ Каменцемъ не болѣе 10,000

товарищей. Хмельницкій приказалъ снять осаду, и, расположивъ по Литовскимъ границамъ три полка — Кіевскій, Черниговскій и Нѣжинскій—и Нагайскихъ Татаръ съ Орели и Самари, кое-какъ успѣлъ собрать подъ свои знамена до 100,000 Козаковъ охочекомонныхъ и реестровыхъ, и двинулся къ Збаражу двумя путями — вверхъ по Збручу чрезъ Сатановъ и Сколатовъ и по старому Брацлавскому шляху на Баръ и Константиновъ. Эти города со многими другими преданы огню и мечу.

Король, узнавъ о дѣйствіяхъ Козаковъ, пошелъ къ нимъ на встрѣчу съ Буга на Стырь, и на правомъ берегу Стыри на противъ Берестечка, тыломъ къ рѣкѣ расположился станомъ.

Хмельницкій шелъ медленно, поджидая Хана. 21 Іюня они имѣли свиданіе на Брянкѣ, и выслали къ Берестечку передовой отрядъ, 10,000 Татаръ, для занятія выгоднаго мѣста для укрѣпленій. Думая воспользоваться темнотою, этотъ

отрядъ въ тотъ-же вечеръ устремился на аванпосты Польской арміи. Ихъ дикій вой, внезапно раздавшійся вдоль передовой линіи, взволновалъ весь станъ. Король, изумленный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, не зналъ что предпринять противъ врага, котораго силы были вовсе неизвѣстны. Потоцкій приказалъ выступить отрядамъ Александра Конецпольскаго и Юрія Любомирскаго. Татары сомкнулись, сразились, сразили; но, окруженные съ тылу отрядомъ Вишневѣцкаго, съ большимъ усиліемъ смогли прорваться сквозь ряды Поляковъ, и бѣжали съ поля битвы, потерпѣвъ большой уронъ.

На другой день Ханъ поспѣшалъ на помощь своимъ, и сразивши отрядъ Поляковъ, гнавшихъ его Татаръ, занялъ возвышенности Сташовской горы противъ стана Польскаго. 29 Іюня Радзивилъ, Янъ Сапѣга и Михаилъ Чарторійскій выступили противъ Хана. Татары ловко отразили ихъ нападеніе. Король отрядилъ противъ нихъ еще четыре полка. Поляки

съ трехъ сторонъ окружили Татаръ, стѣснили, принудили сомкнуться въ карре, но сразить не могли. Потерявъ лучшихъ наѣздниковъ, они отступили, оставивъ Татаръ въ ихъ позиціи. Къ вечеру вслѣдъ за остальными отрядами Крымцевъ явились и Козаки съ Хмельницкимъ.

Въ тотъ-же вечеръ у Короля собрался совѣтъ: рѣшено сразиться не медля.

Къ утру громъ пушекъ и звукъ трубъ раздался по долинѣ. Король, всю ночь не смыкавшій глазъ, всю ночь молившійся объ успѣхѣ и раздавая приказы, выѣхалъ передъ строемъ, приготовляя войско къ битвѣ. Онъ принялъ самъ начальство надъ главнымъ Корпусомъ; правое крыло поручилъ Коронному Гетману Николаю Потоцкому, лѣвое — Полевому Гетману Мартыну Калиновскому. Строй прикрыли пушками. За строемъ по берегу Стыри лежалъ укрѣпленный станъ, и по валу его уставлена была непрони-

цаемая фаланга копій. Всего войска было около 300,000.

Противъ праваго крыла Польскаго войска по горѣ и отлогости, полумѣсяцемъ стояли Татары; противъ войскъ Короля и Калиновскаго растянулись Козаки, прикрывъ таборъ рядами и пушками.

Солнце взошло, и потухло въ туманѣ, облегавшемъ густою пеленою поле битвы. Оно было уже высоко, когда Хмельницкій началъ стрѣльбу и вылазки. Онъ думалъ завлечь этимъ Поляковъ въ частныя схватки, привести ихъ въ безпорядокъ, продлить день и уже вечеромъ напасть на Поляковъ всѣми силами. Король угадалъ эту хитрость, подъ смертною казнію запретилъ воинамъ выступать изъ строя, и даже повелѣлъ снести со Стыри всѣ мосты, опасаясь, можетъ быть, нападенія съ тылу; впрочемъ Хмельницкій продолжалъ вылазки до полудня. Военачальники Польскіе думали уже отложить сраженіе до слѣдующаго дня. Одинъ Вишневѣцкій думалъ другое, рѣшительно объ-

явилъ, что всякое замедленіе будетъ пагубно, и убѣдилъ наконецъ Короля начать битву.

Сигналъ поданъ. Поляки двинулись. Калиновскій выступилъ на Казаковъ; за нимъ Король къ Сташовской горѣ на Татаръ; за Королемъ отрядъ войска Потоцкаго къ югозападному склону этой горы. Сразивъ передовыя укрѣпленія Козаковъ, Калиновскій заставилъ ихъ строй подвинуться къ табору. — Татары долго и стойко отражали нападенія Поляковъ. Побѣда уже клонилась на ихъ сторону, когда Поляки грянули изъ пушекъ прямо на ставку Хана. Исламъ видѣлъ паденіе трехъ тѣлохранителей своихъ; Исламъ видѣлъ какъ ядро, убивъ Мурзу, пало у самыхъ ногъ его, устрашился, и убѣжалъ. Вслѣдъ за нимъ бѣжали почти всѣ Татары, оставивъ на полѣ битвы множество сѣделъ, сабель, повозокъ, даже Ханскую палатку, хоругвь и серебренный позолоченный барабанчикъ, которымъ сзывали особъ свиты Хана.

Король, пославъ нѣсколько отрядовъ конницы для преслѣдованія Татаръ, обратилъ всѣ силы свои на Козаковъ.

Окруженные съ трехъ сторонъ Поляками, стѣсненные съ тылу табором, за которымъ тянулись болота, Козаки мужественно отражали нападенія враговъ. . . .

Хмельницкаго уже не было съ ними. Боясь чрезъ бѣгство Хана проиграть сраженіе, столь рѣшительное, онъ поспѣшилъ къ нему вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ Выговскимъ и не большимъ отрядомъ тѣлохранителей, съ тѣмъ что-бы уговорить его возвратиться къ Стыри. Хмельницкій настигъ Хана подъ Ожегувцами, но всѣ просьбы, всѣ обѣты остались тщетны. Ханъ, вѣроятно, подкупленный Поляками, приказалъ только 20,000 Татаръ выступить; но отраженные Поляками они бѣжали; и Выговскій, бывшій съ ними, можетъ быть желая избѣгнуть гнѣва Ханскаго удалился въ Паволочь. Оскорбленный новой неудачей, Ханъ

грозилъ Хмельницкому выдать его Полякамъ въ замѣнъ Мурзъ, плѣненныхъ имъ; поступалъ съ нимъ жестоко, обидно, какъ съ плѣнникомъ; и, казнивъ за самовольство нѣкоторыхъ Козаковъ, бывшихъ съ Хмельницкимъ, заставилъ другихъ разбѣжаться. Гетманъ остался одинъ въ рукахъ Татаръ, презрѣнный, униженный, въ зависимости отъ воли Ислама, въ ожиданіи быть преданнымъ въ руки Ляховъ, или покрайней мѣрѣ, убитымъ на плахѣ безчестнаго злодѣя. Вотъ до чего довела его самоувѣренность, высокомѣріе, властолюбіе! вотъ какою платой былъ онъ принужденъ купить любовь къ отчизнѣ, которую промѣнялъ было на любовь къ себѣ! И то не былъ еще конецъ кары. Хмельницкій искалъ спасенія въ молитвѣ и деньгахъ: огромною цѣной купилъ онъ себѣ свободу; но лишь только приготовился къ выѣзду отъ Хана, какъ получилъ горькую вѣсть, что Козаки, озлобленные пораженіемъ и бѣгствомъ его къ Хану, подняли мятежъ, и его казнію

думають искупить свою недолю. . ; .
Хмельницкій выѣхалъ въ Чигринъ, успѣлъ помощію лазутчиковъ схватить начальника дружины мятежниковъ. То былъ обозный Мартынъ Сулима—другъ Гетмана. Хмельницкій пожалѣлъ его, не казнилъ, а заключилъ въ темницу, и вскорѣ возвратилъ ему свободу; но это великодушіе—было-ли оно искреннее или притворное—не усмирило бунтовщиковъ.

Разсѣявшись на малые отряды, они стали разбойничать, и нѣсколько разъ разбиты были Іоанномъ Радзивиломъ, между тѣмъ какъ онъ опустошалъ Козацкія поселѣнія по Случи и Сѣверному Бугу и подвигался все ближе къ Днѣпру. Другой отрядъ мятежниковъ умертвилъ наказнаго Атамана Адама Гордѣенка, и внезапнымъ вторженіемъ въ Крымъ еще болѣе озлобилъ Хана противъ Хмѣльницкаго.

Гдѣ былъ тогда Хмельницкій? чѣмъ занятъ былъ онъ? . . . Но онъ не возвратился къ Стыри. Джеджелей, ко-

торому Хмельницкій поручилъ начальство надъ войскомъ, принужденъ былъ окопаться съ Козаками въ таборѣ. . . . Дождь лилъ ливмя всю ночь. Козаки, забывая усталость, гибель своихъ собратій и бѣду имъ грозившую, продолжали неутомимо работы, пока окончили. Къ разсвѣту валъ и ровъ были готовы. Поляки двинулись на Козаковъ. 40 орудій неустанно громили таборъ. Козаки защищались отчаянно. Джеджелей воодушевлялъ ихъ своимъ примѣромъ. 4 Іюля съ небольшимъ отрядомъ охотниковъ онъ устремился на одинъ Польскій редутъ, разбилъ гарнизонъ его защищавшій, и овладѣлъ двумя пушками. На другой день взгрохотало ужасное побоище. Козаки, оставляя таборъ, врывались въ ряды Ляховъ, и стѣсняемые врагами падали одинъ за другимъ. . . Не долго и таборъ могъ быть ихъ защитой: Поляки оступили его со всѣхъ сторонъ. Всѣ хитрости Джеджелея отозвать ихъ на одну сторону остались напрасны. По-

гибель готовилась всѣмъ. Джеджелей собралъ Раду, и предложилъ Козакамъ смириться предъ Ляхами. — Нѣтъ! Мы сразимъ или погибнемъ: не стыдомъ, а костьми враговъ покроемъ свои головы! отвѣчали Козаки. — Кто-же, если-вы погибнете, кто останется тогда защитникомъ родины? — возразилъ Джеджелей. — Поднялся говоръ. Готовы были уже склониться на предложеніе Джеджеля. Не согласился одинъ Богунъ. — Богъ спасетъ насъ и нашихъ! — говорилъ онъ. — Не станетъ насъ, нашу смерть отомстятъ родичи. — И посланецъ Казимира, прибывшій съ требованіемъ сдаться, отосланъ съ гордымъ отвѣтомъ, что Козаки сдадутся только мертвые, или заставятъ Короля возобновить Зборовскій договоръ.

Грозная, бурная ночь налегла надъ полемъ битвы. Думая воспользоваться непогодой, Богунъ, заступившій мѣсто Джеджеля, съ отрядомъ лихачей вздумалъ пробраться къ Полякамъ и незапнымъ нападеніемъ сразить ихъ. Вождь Польскій

Ланскоронскій затѣялъ то-же противъ Козаковъ. Въ то самое время, когда Козаки ринулись на Короля, и подъ грозу грома и зарево молній бились вокругъ самой ставки его, Ланцкоронскій зашелъ къ табору съ тылу и поражалъ Козаковъ. И тамъ и здѣсь дрались отчаянно. Наконецъ Богунъ, жестоко раненый, потерявъ болѣе 1500 храбрыхъ товарищей, возвратился въ таборъ. Ланцкоронскій принужденъ былъ отступить въ свою очередь. Ожесточенные Козаки погнались вслѣдъ за нимъ, многіе погибли въ болотахъ, оставшіеся въ живыхъ излили свою месть надъ плѣнными: однихъ сожгли, другихъ посадили на колъ, раненыхъ закопали вмѣстѣ съ убитыми близь вала съ сѣвера, составивъ изъ этихъ могилъ крѣпкій редутъ.

12 Іюля Ланцкоронскій двинулся къ нему. Богунъ привязанный къ сѣдлу выступилъ между тѣмъ снова на Короля, снова былъ отбитъ еще съ большимъ урономъ, устремился на Ланцкоронскаго,

опять отбить, и бѣжалъ. Козаки, которыхъ оставалось не болѣе 30,000, лишенные предводителя взволновались.—Старцы покинули насъ! — говорили они. — Съ нами нѣтъ Хмельницкаго! — Они жалѣли не напрасно. Одинъ Хмельницкій былъ между Козаками искуснымъ Полководцемъ; онъ одинъ умѣлъ дать сраженіе если не славно, то выгодно; другіе старшины Козацкіе могли хвалиться личной храбростью и отвагой, но не искуствомъ военнымъ. . . Напрасно Джеджелей, принявшій снова начальство надъ Козаками, старался ихъ усмирить и привести въ порядокъ. Смятеніе отчасу увеличивалось. Поляки не переставали громить таборъ пушками. Козаки ударились въ бѣгство. Только горсть самыхъ отважныхъ стала неподвижно, храбро отражая нападенія враговъ. Потоцкій рѣшился предложилъ имъ прощеніе, — они его не приняли, — и всѣ пали. Одинъ изъ нихъ бросился въ лодку и три часа избѣгалъ ружейныхъ выстрѣловъ. Все оружіе его

состояло въ косѣ. — Не боюсь смерти! умру Козакомъ! — кричалъ онъ, и палъ подъ ударами. Всѣ Козаки, не успѣвшіе укрыться, были убиты. Таборъ достался Ляхамъ.

Стырьское дѣло лишило Украину по крайней мѣрѣ 50,000 воиновъ. Остальные бѣжали. Потоцкій и Калиновскій съ 20,000 пошли вслѣдъ за ними.

Король думалъ идти въ Кіевъ, куда приближался уже Радзивилъ; но Дворяне убѣдили его возвратиться въ Варшаву, и сами себѣ испросили отпускъ для отдыха.

Такъ кончилась битва, ославившая Хмельницкаго. . . . . .

XII.

Между тѣмъ Радзивилъ, жестоко поразивъ Козацкія силы Небабы, Горкуши и Антона Ватага подъ Гомелемъ, Лоевымъ и Любечемъ перешелъ чрезъ Припеть, и еще сразившись съ ними подъ Чернобылью, поспѣшно пошелъ къ

Кіеву. Кіевляне, провѣдавъ о приближеніи врага, сдѣлавшаго страшнымъ имя свое во всей Сѣверовосточной Украинѣ, смутились. Пораженіе при Берестечкѣ заставляло ихъ отчаеваться въ успѣхѣ. Полковникъ Горлица возбуждалъ Раду вооружиться; но его просьбы и убѣжденія стоили ему жизни: его обвинили въ измѣнѣ, въ намѣреніи погубить городъ, и предали казни. Мирнымъ, покорнымъ пріемомъ Кіевляне думали задобрить Радзивила. Митрополитъ, знатнѣйшее Духовенство и Дворянство вышли къ нему на встрѣчу со крестами и знаменами, и умоляли пощадить первопрестольный городъ, Христіанство и невинный народъ. Поляки вѣжливо обошлись съ Духовенствомъ, но обобрали достояніе гражданъ подъ предлогомъ отбора оружія, умертвили всѣхъ сопротивлявшихся ихъ лихоимству, и наконецъ предали городъ пламени. Пожаръ, вспыхнувшій вечеромъ въ день Успенія Богородицы, длился два дни. Нѣсколько церквей въ томъ числѣ св.

Власія, св. Василія и Соборная Богоро-дицкая, ратуша, лавки, пивоварни, хлѣбн гостинные дворы содѣлались добычі огня. Болѣе всего потерпѣлъ Подолъ. В то самое время, когда воины Радзивил пользуясь смятеніемъ народа продолжал грабежъ, Джеджелей съ дружиной явил въ Кіевъ, напалъ на грабителей, многих сразилъ, но стѣсненный Радзивилом принужденъ былъ со стыдомъ отступит Большая часть его дружины пала, и сам онъ едва едва спасъ жизнь.

Оставивъ Кіевъ, онъ возвратился н встрѣчу Потоцкому, который прибли-жался къ Днѣпру, съ небольшимъ во скомъ. Хмельницкій вышелъ также пр тивъ Потоцкаго, и соединился съ Дже желеемъ у Трилѣсья. Тутъ получи вѣсть, что Потоцкій взялъ уже Паволоч гдѣ тогда умеръ Іеремія Вишневѣцкі Войско Козацкое простиралось до 50,00 Соединенными силами Хмельницкій и Джеджелей легко могли разбить Поля-ковъ; и тѣмъ труднѣе постигнуть причину,

заставившую Хмельницкаго промѣнять вѣрную побѣду на вѣрный уронъ, и, оставивъ Джеджелея въ Трилѣсьѣ, идти подъ Кіевъ. Что влекло его туда?

Джеджелой, лишившись помощи Хмельницкаго, сдѣлалъ новую ошибку, раздѣливъ свою дружину на двѣ части, изъ которыхъ одну послалъ въ Фастовъ, а съ другой укрѣпился въ Трилѣсьѣ.

Потоцкій осадилъ Трилѣсье, и требовалъ сдачи. Козаки не согласились, и упорно защищали себя. Даже женщины помогали Козакамъ и сражали враговъ, кто косою, кто рычагомъ. Поляки грянули на нихъ всѣми силами, сразили, и предали Трилѣсье пламени. Козаки бѣжали. Несчастные граждане собирались толпами, одни вокругъ пылающихъ жилищь, другіе вокругъ Поляковъ, прося ихъ сжалиться надъ ихъ бѣдствіями, пощадить, покрайней мѣрѣ, ихъ самихъ и спасенное отъ огня ихъ достояніе; но вопли и моленія остались тщетны. Огонь и мечь враговъ не пощадилъ никого, ни-

чего. Они оставили Трилѣсье только тогда, когда вмѣсто города осталось одно дымящееся пожарище, покрытое трупами.

Джеджелей выступилъ снова на Поляковъ. — Смерть или побѣда! — кричалъ онъ въ отчаяніи, и, не давъ Потоцкому, шедшему къ Фастову, устроить войско въ боевой порядокъ, устремился на него. Вскипѣла ужасная, убійственная битва. Козаки шли не на побѣду, а на смерть, — ею хотѣли они наконецъ искупить свой позоръ, и по трупамъ враговъ проложили себѣ путь къ побѣдѣ. Потоцкій обратился въ бѣгство, поспѣшивъ увѣдомить Радзивила, что-бы онъ явился къ нему на помощь. Козаки овладѣли обозомъ, но, ослѣпленные удачей, забыли о Фастовѣ. Потоцкій окольнымъ путемъ достигъ этого города, взялъ его, и, казнивъ плѣнныхъ Козаковъ, пошелъ къ Василькову, куда Радзивилъ повелъ скоро 9000 войска.

3 Сентября войска Польскія соеди-

вилось. Рѣшено было дѣйствовать соединенными силами.

Хмельницкій, которому вездѣ не удавалось, принужденъ былъ подумать о мирныхъ переговорахъ. Послѣ долгихъ споровъ, взаимныхъ обидъ и стычекъ, назначенъ съѣздъ въ Бѣлой церкви. Давно-ли Хмельницкій, гроза Поляковъ, пировалъ съ товарищами въ этой Бѣлой церкви, послѣ побѣды Корсунской? Прошло три года, и какъ жестоко измѣнились обстоятельства! Гдѣ его слава? Гдѣ его гордость и отвага? — Депутаты Польскіе — Адамъ Кисель, Юрій Лелива-Хлѣбовичъ, Корвинъ Гонсѣвскій и Михаилъ Косаковскій — вступили въ Бѣлую церковь въ сопровожденіи 500 всадниковъ; и въ то-же самое время Мартынъ Сулима, незадолго до сего прощенный Хмельницкимъ, снова поднялъ противъ него знамя бунта. — Хмельницкій хочетъ насъ продать Ляхамъ въ рабство! — говорилъ онъ на вольной Радѣ, и, осудивъ съ ея согласія Хмельницкаго на смерть, по-

слалъ 12 Депутатовъ къ Потоцкому съ требованіемъ возобновить Зборовскій договоръ. Эта дерзость принята худо. Сулима вышелъ на Поляковъ. Сначала счастье польстило ему, но не надолго. Его дружина была разбита. Дерзкій Сулима не посмотрѣлъ на это, съ горстью копниковъ бросился въ средину войскъ Польскихъ, раненъ, взятъ въ плѣнъ, — и только это спасло Хмельницкому жизнь.

28 Сентября Хмельницкій явился къ Потоцкому, со слезами просилъ у него прощенія — вотъ до чего унизило его честолюбіе, и присягнулъ хранить миръ, по которому число реестровыхъ Козаковъ уменшено до 20,000 съ дозволеніемъ жить въ одномъ Воеводствѣ Кіевскомъ; всѣ сношенія его съ Татарами должны быть прекращены; Уніаты и Жиды остались въ Украинѣ на прежнихъ правахъ, и Хмельницкій, отрекаясь отъ всякихъ сношеній съ какими бы то ни было державами, долженъ быть покорнымъ во всемъ волѣ короннаго Гетмана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

XIII.

Болѣе 150,000 юныхъ, отважныхъ сыновъ православія легло на поляхъ битвъ въ два года, и Украина вновь страдала подъ ярмомъ деспотовъ, какъ страдала послѣ Полтора-Кожуха, изнеможенная, ограбленная, разоренная, усѣянная могилами и пожарищами; и Жидъ звучалъ снова своими злотыми у вратъ храма православнаго, а бродникъ Ляхъ своей саблей надъ головою нищаго селянина и безоружнаго Козака. Если-бъ по крайней мѣрѣ Украина терпѣла и повиновалась вся за одно, горюя однимъ горемъ, молясь одной молитвой, одушевляясь одной надеждой, какъ бѣдовала одной бѣдой; но и того не было: пламя межусо-

бій разливалось по всюду. Такъ встрѣтила Украина 1652 годъ. А Хмельницкій? Ужели онъ молча, равнодушно взиралъ на бѣды отчизны, на зарево раздоровъ?

По смерти Потоцкаго, не многимъ пережившаго свою Бѣлоцерковскую славу, Хмельницкій въ память ему правилъ тризнаву казнію Козаковъ, возмутившихся на Ляховъ, и пировалъ съ Ляхами будто съ друзьями своего сердца. Таковъ-же былъ онъ и съ Султаномъ, и съ Ханомъ, и съ Королемъ Шведскимъ, и съ Царемъ Русскимъ. Всѣхъ ихъ ласкалъ онъ обѣтами, дарами; обѣтами и дарами ласкалъ онъ и старшинъ войсковыхъ. И хитрость Хмельницкаго не осталась безъ успѣха. Султанъ обѣщалъ ему помощь; Король Польскій слалъ ласковыя грамоты; Царь Московскій позволилъ жителямъ Заднѣпровской Украины переселяться въ южныя земли Бѣлогородскаго вѣдомства; даже заговоръ, третій заговоръ Мартына Сулимы, окончился для Хмельницкаго счастливо.

Сильный любовью народной этотъ мятежникъ, успѣвъ освободиться отъ плѣну Польскаго, вздумалъ въ третій разъ попытаться на жизнь Хмельницкаго, и на вольной Радѣ осудивъ его на смерть предложилъ избрать Гетманомъ сына его Тимоѳея. Пылкій, отважный Тимоѳей казался Сулимѣ юношей довѣрчивымъ, неопытнымъ, слишкомъ честолюбивымъ, — юношей, который, если не отъ недостатка любви къ отцу то отъ страсти властвовать вдастся легко въ сѣти, для него приготовляемыя. Впрочемъ Рада положила скрывать отъ Тимоѳея тайну заговора и объявить ему, что избираетъ его Гетманомъ только на время, для окончанія войны съ Ляхами, на которую отцу его не льзя будто рѣшиться, ибо онъ обязанъ миромъ Бѣлоцерковскимъ. Имѣя уже 10,000 всадниковъ подъ своимъ знаменемъ Сулима послалъ къ Тимоѳею депутацію и съ нею просьбу и присягу отъ имени всего войска. Оба акта красиво написанные на пергаминѣ, изукращенномъ гер-

бами полковъ, были вложены въ ящикъ наполненный серебромъ и золотомъ. Тимоѳей ласково принялъ Депутатовъ, съ радостью по видимому услышалъ содержаніе актовъ, поцѣловалъ ихъ, и взявъ за руку старшаго Депутата Антона Семенвира (Рубана) сказалъ ему: — Не забуду Мартына; какъ не забылъ и онъ меня. — Тимоѳей написалъ къ Сулимѣ письмо, въ которомъ просилъ его къ себѣ на свиданіе для окончательныхъ переговоровъ о дѣлѣ, прибавивъ, что нелучше-ли предварительно увѣдомить Гетмана о ихъ выборѣ, дабы онъ не имѣлъ никакого подозрѣнія на сына въ злоумышленіи противъ него, хотя впрочемъ безъ сомнѣнія онъ согласится на ихъ желаніе. Сулима пріѣхалъ, обласканъ Тимоѳеемъ; но на другой день безъ лѣваго уха и правой руки отосланъ къ Хмельницкому вмѣстѣ съ актами. — Я не виноватъ предъ тобою; — сказалъ Богданъ Сулимѣ, когда его ввели къ нему окровавленнаго, окованнаго, но все еще грознаго, самонадѣ-

яннаго. Сулима гордо взглянулъ на Гетмана, и вымолвилъ: — кончай! — Его казнили.

Этотъ случай совершенно измѣнилъ обстоятельства. Тимоѳей, воспользовавшись присягой, заставилъ Сулимовцевъ повторить ее на вѣрность своему отцу, и съ ихъ помощію, привелъ къ повиновенію всѣхъ другихъ мятежниковъ.

Хмельницкій могъ вздохнуть покойнѣе. Онъ опять былъ мирный Гетманъ войска, если не привержонпаго къ нему, то по крайней мѣрѣ покорнаго. Надобно было только поддержать искусно эту покорность.

Случай былъ, — Хмельницкій поспѣшилъ имъ воспользоваться.

XIV.

Господарь Молдавскій, услышавъ о Берестечскомъ сраженіи и Бѣлоцерковскомъ мирѣ, отказался отъ своего согласія на бракъ своей дочери съ Тимоѳеемъ,

и посланнымъ его отвѣчалъ, что дочери Князя не пригодно быть женою сына мятежника. Съ согласія Султана Хмельницкій далъ знать Господарю, что если доброе слово не имѣетъ его, то 100,000 брачныхъ гостей готовы посѣтить Молдавію. Угрозы не произвели желаемаго дѣйствія. Хотя и самые Молдаване требовали отъ Господаря согласиться на бракъ, какъ на средство спасти Молдавію отъ разоренія, и даже стращали его выдать Козакамъ, но Василій Лупула остался непреклоненъ, прибѣгнулъ къ помощи Поляковъ, — и Калиновскій съ 10,000 войска явился на Бугѣ у Батога.

Остерегаясь еще нарушить миръ съ Поляками, Хмельницкій писалъ къ Калиновскому, что-бы онъ не почиталъ его виновнымъ, если свадебные гости, идущіе съ его сыномъ въ Молдавію, нанесутъ ему неудовольствіе, что онъ вовсе не желаетъ прекратить миръ съ Республикою ни нарушать Бѣлоцерковскихъ условій; но не можетъ запретить сыну отыски-

вать законное право. Калиновскій пренебрегъ совѣтомъ Хмельницкаго оставить равнину, имъ занимаемую, и въ три дня, а, по другимъ въ три часа погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Сынъ его Самуилъ, бѣжавшій съ немногими воинами былъ настигнутъ Козаками въ Бубновкѣ, и палъ подъ ихъ ударами.

Татары устремились въ Польшу, угрожая гибелью самой Варшавѣ; межъ тѣмъ какъ народъ Украинскій, счастливый удачнымъ началомъ похода Козаковъ началъ вымѣщать свою месть на Шляхтичахъ и Жидахъ, а Хмельницкій выступилъ къ Каменцу съ сильнымъ войскомъ, выжидая конца бракосочетанія Тимоѳея съ дочерью Лупулы. Онъ ждалъ недолго. Гости брачные шли не напрасно: Лупула ласково встрѣтилъ Тимоѳея, и великолѣпно отпраздновалъ сватьбу.

XV.

Успѣвши въ одномъ, Хмельницкій началъ думать и о другомъ — о Польшѣ,

о рѣшительномъ отторженіи Украины отъ ея власти. Обстоятельства благопріятствовали.

Возвратясь въ Чигринъ, Хмельницкій послалъ къ Королю Пословъ, что-бы оправдать своего сына, который, по его словамъ, вступилъ противъ воли въ сраженіе съ Калиновскимъ, лишавшимъ его земли, воды и травы, чего и самъ Богъ не отнимаетъ ни у злыхъ ни у добрыхъ,— впрочемъ, — прибавлялъ Хмельницкій, — если Козаки съ Тимошемъ какъ веселые люди, простерли слишкомъ далеко свою оборону, то да проститъ ихъ Ваше пресвѣтлое Королевское Величество. — Это посольство возвратилось безъ отвѣта. Хмельницкій выслалъ новое, прося у Короля Комиссаровъ для подтвержденія мира. Комиссары скоро явились, и явились съ требованіями, которыхъ только и ждалъ Хмельницкій. Комиссары именемъ Короля требовали, что-бы Хмельницкій, желая получить милость и прощеніе, отказался отъ всякой связи съ Татарами, и

далъ-бы въ этомъ заложникомъ сына своего Тимоѳея. Хмельницкій вынулъ свою саблю изъ ноженъ, и отвѣчалъ Комиссарамъ: — Сынъ мой не рабъ Короля, ни мы Козаки не рабы Короля. Вы Ляхи ищете погубить меня, — и я не могу отступить отъ Татаръ. Если вы хотите помѣряться съ нами въ полѣ, выходите; и если мало для васъ Бѣлой церкви, вспомните о Зборовѣ. Еще Богъ насъ не покинулъ. —

Этотъ отвѣтъ, сказанный въ присутствіи всей Рады, возвратилъ вполнѣ ея расположеніе къ Хмельницкому. Объявлено посполитое рушенье. Не смотря на нѣсколько бунтовъ и мятежническія воззванія Гладкаго и Гуляницкаго, оно было объявлено не напрасно.

Весною 1653 года военныя дѣйствія начались. Стеѳанъ Чарнецкій съ 15,000 войска вторнулся въ Украину, взялъ и предалъ огню и мечу Липцы, Липовецъ, Погребище и нѣкоторыя другія мѣстечки. Хмельницкій выслалъ противъ него

храбраго Богуна, который сошедшись съ нимъ у Монастырища, сразилъ его и обратилъ въ бѣгство.

Не такъ счастливы были дѣйствія Козаковъ въ Молдавіи. Стафанъ Бурдуцъ Великій Логофетъ, подкрѣпляемый Воеводою Волошскимъ, Рагоціемъ и Поляками, взбунтовалъ большую часть Молдавіи, объявилъ себя Господаремъ, и изгналъ Василія Лупулу. Василій прибѣгнулъ къ помощи зятя своего Тимоѳея Хмельниченка. 8000 Козаковъ вошли въ Молдавію, и Василій возвратилъ себѣ Господарство. Однако не на долго. Соединенныя полчища Волоховъ, Трансилванъ, Поляковъ и Молдаванъ восторжествовали надъ Козаками. Василій бѣжалъ въ Чигринъ а оттуда въ Крымъ нанимать у Хана войско; и Тимоѳей заперся въ Сутчавѣ. Отчаянно защищались Козаки, но потерявъ своего вождя, убитаго ядромъ, они принуждены были здать крѣпость, послѣ трехмѣсячной обороны, съ тѣмъ, что-бы имъ позволили свободно возвра-

титься на родину съ трупомъ Тимоѳея. Василій уже спѣшилъ къ нимъ на помощь съ Татарами и Козаками, но было уже поздно. Онъ не возвратилъ себѣ Господарства, а его наемники разорили пограничныя Молдавскія земли и возвратились домой съ богатою добычей.

Хмельницкій, еще не зная о дѣлахъ Молдавіи, послалъ Пословъ къ Царю Московскому. 1653 года 22 Апрѣля эти Послы (Кондратій Бырляй и Силуянъ Мужиловскій) явились въ Москвѣ, и снова просили Царя принять войско Запорожское подъ свою высокую руку, объявя Боярамъ, что, испытавъ неправды отъ Поляковъ, Козаки не хотятъ съ ними мира, не хотятъ быть и рабами Султана Агарянина, хотятъ быть подданными Царя православнаго, да щититъ онъ ихъ отъ Католиковъ, и держитъ въ крѣпости своей ихъ давнія права и вольности. — Въ послѣдній разъ — прибавилъ Бырляй Боярамъ — въ послѣдній разъ идемъ съ преклоненною головою подъ милостивую

десницу Вашего Царя. Доселѣ мы хранили съ вами праведный миръ, не жалѣли своей крови, защищая землю вашу отъ нападенія Татаръ, были вѣрными волѣ Царя и своей молитвѣ, да приметъ насъ въ свою власть; но если и теперь будетъ отказъ, — то Рада будетъ думать иное. —

Царь наконецъ рѣшился принять участіе въ дѣлѣ Козацкомъ, и немедленно послалъ къ Польскому Королю въ Львовъ великолѣпное посольство. 20 Іюля Послы явились къ Іоанну Казимиру, и 7 Августа выѣхали безъ всякаго успѣха. На другой день Король выступилъ въ походъ на Козаковъ, разославъ предъ симъ универсалы по всей Украинѣ, которыми увѣдомлялъ народъ, что онъ отправляется обозрѣвать свои владѣнія, и совѣтовалъ Козакамъ и мѣщанамъ быть въ покоѣ и надѣяться на него, если межъ ними возникнетъ междоусобіе.

Это воззваніе не только осталось безъ успѣха, но еще болѣе заставило

Козаковъ вооружаться. Хмельницкій съ 70,000 выступилъ противъ Короля, соединился за Бугомъ съ Ханомъ, и расположилъ свои войска по лѣвому берегу Днѣстра отъ Смотрича до Жванчика.

Подъ Жванцемъ завязалось дѣло. Малочисленное войско Короля, состоявшее только изъ 15,000, было совершенно разбито, ударилось въ побѣгъ, и Королю приходилась такая-же бѣда, какъ подъ Зборовымъ. Окруживъ его у Жванчика, Хмельницкій послалъ къ нему Пословъ, требуя мира. Король принужденъ былъ согласиться на переговоры, и въ то-же время началъ сношенія съ Ханомъ. Крамолы и золото сдѣлали свое. Ханъ предался на сторону Ляховъ, заключивъ съ ними договоръ, по которому обязался помогать Королю въ случаѣ войны съ Царемъ Московскимъ, а Король возвратить во власть Татаръ Царство Астраханское.

Хмельницкій отступилъ, но ему уже не нужна была помощь Хана.

XVI.

По возвращеніи Пословъ изъ Лемберга, Царь собралъ въ Грановитой Палатѣ совѣтъ изо всѣхъ Духовныхъ и свѣтскихъ властей. Этотъ соборъ положилъ уважить просьбу Козаковъ, — и ближній Бояринъ Василій Васильевичь Бутурлинъ, Окольничій Алферьевъ и Думный Дьякъ Лопухинъ съ большою свитою 3 Октября отправились въ Украину.

1 Января 1654 года это посольство встрѣченное Полковникомъ Павломъ Тетерею, въѣхало въ Переяславль; 6 явился туда Хмельницкій; 8 онъ собралъ народную Раду, и предложилъ Козакамъ поддаться подъ высокую Руку Царя Православнаго. — Кромѣ Его Царскія Высокія Руки благотишнѣйшаго пристанища мы не найдемъ; а буде кто съ нами не согласуетъ теперь, тотъ куды хочетъ — вольная дорога. —

— Волимъ! — воскликнули Козаки. — Волимъ подъ Царя Православнаго! —

На другой день народъ далъ присягу.

Изъ Переяславля Послы поѣхали въ другіе города Украины; а Хмельницкій озвалъ тайную Раду объ условіяхъ подданства, и 17 Февраля послалъ къ Царю Алексѣю Михайловичу отъ себя и войска Полковника Тетерю и Генеральнаго Судью Богдановича, съ Грамотою, прося въ ней подтвержденія привилегій, данныхъ Королями и Князьями на вольности Козаковъ общенародныя и церковныя, и оказанія новыхъ милостей, обѣщая вѣчно Его Величеству по вѣрѣ служить и крови своей не щадить. . . .

Козаки, которыхъ оставилъ Хмельницкій у Днѣстра, разоривъ Студеницу, Яругу и Сороку, и обративъ въ пепелъ предмѣстіе Каменца, разсѣялись по Подолью, грабили и жгли за одно съ Татарами, забывшими про свой договоръ съ Королемъ; но, узнавъ о дѣлѣ Переяславскомъ, поспѣшили домой, и подъ начальствомъ Атамана Поликарпа Тухи высту-

пили на Хмельницкаго, требуя отъ него разрыва съ Царемъ. Туха утонулъ. Его сообщники присягнули Царю.

Миръ возстановился въ Украинѣ, и она подъ имененмъ *Малой Россіи* сдѣлалась областью Царства Русскаго.

„Тлужчились сердца людей, и страны спустошались, и по отрункахъ градовъ зросли могилы; и по отрункахъ благъ выквилъ новый квитъ блага знову."—

Лѣтописъ.

1645-1657

И егда тако ста за Царемъ Русскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ тая Украина Малая Россія, той Король Лядскій Янъ Казимѣръ горко плакавше, жалибно Богови молился, же ему отовсюду недоля идетъ: отъ полудня Ханъ, отъ полуночи Король Швецкій, а отъ всхода Царь и Гетманъ. Обаче Королю на душу пришло ще разъ по Украинѣ долю спытаты; и разосла унѣверсалы, посольство и козачество запевняя быти до нихъ щедрымъ и милостивымъ, вольности и привилеи дать, а бы они ему въ вѣрѣ служили, отъ Царя Московскаго отступили. Токмо никто листовъ его тѣхъ у-

нѣверсалныхъ не послыши, а до Царя Московскаго въ вѣрѣ пребыли. Токмо и послушалъ одинъ Полковникъ Богунъ, да и сей егда до него отъ Короля Комиссаровъ до уговору прислано и съ золотомъ и съ булавою, отвергъ тую Унѣю съ Польщею, а Царю Московскому присяглъ. То Король сталъ оббираться, а Царь себѣ. И война зарѣзалась.

Первое дѣло въ Литвѣ зашло, идеже Хованскій Князь, да Серебряный Князь войскомъ Московскимъ ластовали; а Бутурлинъ съ Гетманомъ въ Малой Россіи, да Шереметъ; а самъ Царь до Смоленска потягнулся. Того осада девять недѣль длилась, и Царь городъ взялъ, и бывщаго въ осадѣ при Царѣ Козацкаго Полковника Золотаренка Василія обдарилъ да обласкалъ; а другій Золотаренко храбрый весьма и Ляхамъ мстивый самъ по себѣ съ Литвою зѣло бился. Опослѣжды вся тая Литва за Москвою стала, токмо та бѣда сталась, же храброго Полковника Ивана зъ мушкета ранено и

убито. Его-же тѣло мертвое до Корсуня привезено, и егда въ церкву, имъ-же Золотаренкомъ построеную, привезено, то съ черницами, иконами и народомъ и тѣломъ мертвымъ спалено церкву его. А убито Ивана и церковь запалилъ Органистъ Хома и вольно сознался. Убито-жъ Ивана въ городѣ въ старомъ Быховѣ.

Тимъ часомъ егда Царь на Короля Яна нападалъ Украину мстячи, и Король Швецкій въ Польшѣ бѣдовалъ, Генерала Виттемберха на Позень насылалъ. И Король Янъ Хана Исламъ Гирая просилъ, деньгами его купить хотяще, токмо той Исламъ въ Бакчисараѣ въ Крыму сидѣлъ, а Татарове Польщу грабили. Егда-же Ханъ Исламъ Гирай помре, невольницею Русскою отруенъ будучи, яко-бы по наговору Хмельницкаго, а Мугамедъ Гирай на Ханскій столъ опосля сѣлъ, то и его Король окупать сталъ, во 100,000 злотыхъ Польскихъ кованныхъ окупилъ.

Тогда-же Ханъ Крымскій Мугамедъ Гирай орды подъ Каменецъ поведше съ

Лядскою армѣею съ Коронымъ Гетманомъ Станиславомъ Потоцкимъ ополчился, и подъ Бѣлую церковь двигнулъ; а подъ тою-же Бѣлою церковью Хмельницкій да изъ Бутурлиномъ стоялъ изъ Москвою; и егда про тое провѣдалъ, Гетмана наказного Антона Томиленка послалъ. А Ханцы Ордипцы да Лядское войство подъ Умань пошли; а съ Томиленкомъ срѣтясь, при немъ-же Полковники Зеленскій да Богунъ да Гоголь были, на голову Козаковъ побили, и Козаки къ Умани уступили, а егда Татарове и Ляхи Умань оступили, то Хана самаго на жизній нѣкій Козакъ посягнулъ, до его пришелъ, яко-бы тайну повѣдать; а колоть хотяще да отняли, а его самого повѣсили; а Татарове и Ляхи безопасно Умань оступили. Оступивше Умань, чрезъ три дни штурмами и Гарматами и всякими нападеніями доставали, обаче достать не могли, и прото-же Хмельницкій къ Умани идетъ, отъ Умани отошли, яко бы на срѣчу ему; а съ Хмельницкимъ Шереметъ да Ромодановскій

Князи были. И егда сѣча зарѣзалась, межъ Ставпщами и Охматовымъ, то Москва и Козаки первѣе до Дрижиполя оступили, а послѣжды егда порядкомъ станомъ стали, Ляховъ и Татаръ три дни отражали съ боемъ отважно. Первѣе Татары въ обозъ было уже увалились, обаче Козаки Ляховъ и Татаръ оглоблями изъ саней такъ поразили, что мерзлымъ ихъ трупомъ аки валомъ обозъ окидали; токмо Козаки въ великой тѣснотѣ безъ воды, дровъ и пищи такожде были; и въ той день болѣе 15,000 отъ Ляховъ и Татаръ пало. А на другій день битва до ночи была, и Козаковъ съ полторы тысящи пало, а Татаръ и Ляховъ вдесятеро; уже и Лядкой пѣхоты мало что осталось. Въ третій же день Хмельницкій обозъ устроивше, проломомъ на Ляховъ ударилъ, зъ обсады тако вышелъ, и Хана въ побѣгъ обратилъ, а Поляки сами бѣжали; а Хмельницкій собравсь съ Томиленкомъ да съ Полковниками, что были въ Умаши, и съ Охматова и съ Букъ

иншыхъ Козаковъ, супротивъ Ляховъ выдти хотяще, вѣсть провѣдалъ же ни Ляховъ ни Орды нѣту, бо далече въ побѣгѣ была, да и поворотилъ до Бѣлой Церквы. А тое было зимою въ началѣ року Господня 1655; а на Маккавей року 1654 еще было затмѣніе солнца такое, же день по темнотѣ былъ яко нощь. И въ томъ-же року егда Гетманъ еще подъ Хвастовымъ съ Бутурлиновомъ стоялъ, Козакамъ милость прислалъ жалованье, копейками золотыми въ чверть червонца, да кому мѣдными одной цѣны съ сребными, да и таляри битые съ печатью Царскою.

А на восень Хмельницкій воротился на Ляховъ, подъ Слонимомъ Ляховъ а съ ними бывшого Польскаго Коронного Гетмана Станислава Потоцкого разбилъ, и его и другихъ Ляховъ въ плѣнъ побралъ; а въ тое время Хана тутъ не было; и после Хмельницкій зимою къ Каменцу пошелъ, хотя его добыти. Не мало двѣ недѣли прошло, какъ Каменцу

бѣда доходила. Егдабъ не измѣна Козака, злотыми окупленнаго, тобъ Каменецъ за Хмельницкимъ былъ.

А после Хмельницкій ко Львову наступилъ, и семъ седмицъ въ осадѣ держалъ. И тымъ часомъ Данилка Выговского до Люблина посылалъ, идеже и Москва и Козаки великіи скарбы набрали, и кусокъ Животворящаго креста Господия достали, и Гродню опановали, и земли многіи спустошили. Токмо Львовъ, егда бѣда пашла и выслано договорщиковъ, откупился; а Хмельницкій подъ Замостье пошелъ, яко тое и въ 1648 року сталось. Тамо четыре седмицы осада шла: обаче и Замостье окупилось; а Козаки въ Польщѣ богатыи добычи взяли, за Вислою рѣкою даже корысти набравше и земли спустошивши, и домой повернули. Царь-же въ той часъ Вильну взялъ, а Король Швецкій Краковомъ заобладалъ; и Королю Яну бѣда приходилась, въ Шленскъ въ Глогаву убѣглъ и тамо Богови молился. Хмельницкій же

подъ Варшаву ити гадалъ, да вѣсть провѣдалъ, же Татары въ Украинѣ бѣдуютъ, отошелъ.

Егда-же осенью 1655 року Хмельницкій съ Москвою до дому приверталъ, то на Озерной съ Ханомъ стрѣтивсь. И битва жестокая аки подъ Охматовымъ прилучилась. И Татаръ Козаки на голову побили; а Ханъ Козаковъ на разговоръ съ собою просилъ. И Хмельницкій деколько Солтановъ и Мурзъ въ залогъ вземше самъ съ немногими старшинами до Хана пришелъ. Ханъ же сидящій на земли его стрѣтилъ, и Хмельницкій ему тутъ же привѣты поклавъ, и ропдъ богатый подарилъ. Обаче Ханъ ропдъ взомши оземь бросилъ и сталъ Хмельницкаго корить, и ворчалъ для чего-де ты подъ Царя пошелъ, и ему присягу учинилъ, а прежъ того себѣ все отъ Хана и Татаръ помочь опевнялъ. На что ему Хмельницкій такъ промовлялъ: за тобою де Ханомъ зрада и бѣда, а за Царомъ правда, и Царю вольно служить, же онъ и вѣру

Православную щитить, и помочь на всякое правое дѣло дастъ. А Исламъ Гирай нетакъ: и егда подъ Берестечкомъ стали, на великій уронъ и шкоду Козаковъ оставивъ, бѣжалъ; а послѣжды той-же Ханъ на мене съ Королемъ утоворъ учинилъ, и Московское Государство воевать и Астрахани и иныхъ земель доставать. Тако-жъ Татаро на войнѣ мимо мене Гетмана передомъ на миръ Ляховъ имали, и тѣмъ Козаковъ Ляхамъ въ ненависть подали, и претили на добрыхъ кондиціяхъ миръ съ ними уговорить; да подводили Козаковъ подъ Зборовомъ, чтобъ самого Короля взяли и Татарамъ отдали, чего мы и на мысли не имѣли, токмо Шляхту отъ озлобленія Малороссійскаго народа воротить и гордость ихъ смирить, а себѣ древніи вольности достать; и Козаки сами за помощію Бога нижъ Татарскою побѣдителями были, понеже Татаръ первѣе токмо 4000, альбо 6000 было, и тѣ всѣ одеждой и яспромъ въ ту войну зѣло обогатились, и Козаки

Татарамъ воляли на килканадцать миль межъ Днѣпромъ и Молочною водою мѣсто для Кочевій имѣти, также и Асланъ городокъ состроити, обаче Татаре не токмо тамъ, но и на морѣ и Днѣпрѣ гдѣ и ногою неволько было имъ ступать безопасно проѣзжають. И егда Ханъ Исламъ Гирай увидѣлъ Татаръ домой съ добычми многими ворочающихся, то и самъ позавидѣвши того, до Хмельницкого пришелъ въ помощь не прошенъ токмо желая Христіанъ воюющихъ на корысти собѣ имать. — Тогда Ханъ Гетману стращалъ, споминая Батыевы силы, не токмо Русскіи и Польскіи, но и Венгерскіи. Моравскіи и Нѣмецкіи земли поволавшаго. А Хмельницкій ему на то отказалъ, же тѣ Татары не сіи Татары, и иныхъ уже нѣтъ, а иныя данники Царя, а иныхъ Козаки бить въ волѣ и въ силѣ. — И по такой множайшей бесѣдѣ, Ханъ огнѣвался, и Хмельницкому отказалъ, же узнаетъ како презирать си-

лу Татарскую; и Хмельницкаго отпустилъ, а своихъ Мурзъ отобралъ.

И Ханъ пошелъ, и Хмельницкій своимъ шляхомъ; и Московскаго войска много отъ морозу вымерло, а и самъ Бутурлинъ до Кіева дошедъ Богу душу отдалъ.

И тогда Хмельницкій до Чигрина воротивсь, и до Царя писалъ, благодарилъ, же онъ помогъ ему Гетману сподъ ига Лядскаго Украину свободити, и обѣщавалъ, ежели время часъ дастъ, свободить и подъ Его Высокую Руку Полѣсье, Покуть и Волынь покорити, и умолялъ Царя Малую Россію при старыхъ вольностяхъ въ непремѣнной милости оставить.

И опослѣжды егда Царь съ Ляхомъ во ничто приведеннымъ помирился съ помогою Легата Папежскаго Алгаретта, на томъ же бы не починалъ войны до уговора мира настоящаго, а завоеванными

мѣстами владѣлъ, то Хмельницкій до Короля Польского писалъ, жебы Комиссаровъ ему для границы положенія прислалъ, то въ началѣ 1657 Комиссары наслали, и границу положили быти ненарушимо завсегда:

— Смотря на полночь отъ Днѣстра до вершины Горыни, а отъ вершины Горыни до Припети, и чрезъ Припеть до Быхова, чрезъ Днѣпръ по надъ Сожемъ ажъ до Уѣзду Смоленского подъ Рославлемъ; и паки смотря на полдень къ Черному морю отъ устья Днѣпра на Очаковъ до Лиману, дабы Малороссійскимъ купцамъ Днѣпромъ и Днѣстромъ свободный былъ проѣздъ въ море; а оттолѣ смотря по Западу по Богу до Кодыми и до Днѣстра и Днѣстромъ чрезъ Могилевъ до Подоля, а отсолѣ прямымъ дуктомъ землею паки до вершины Горыни и Днѣпра. —

Тако свободился народъ Русскій зподъ ига Лядского Египетского.

И того-жъ 1657 року Августа 15 дня Хмельницкій помре. Свидѣтельствують, же по злобной враждѣ Полякі Хмельницкого желая умертвить подослали якогось велькородного и знатного Шляхтича якобы дочь его пошлюбить, и сей притворно ее заручивше, по отъѣздѣ Хмельницкого опровожаючого отруилъ.

ПРИПИСКИ КЪ ЛѢТОПИСИ.

1.

О состояніи народа Украинскаго до 1648.

— Крестьяне — говоритъ Бопланъ — находятся въ самомъ жалкомъ состояніи: они привуждены три дня въ недѣлю ходить на барщину, и за землю, смотря по величинѣ участка, давать Господину нѣсколько четвериковъ хлѣба, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, цыплятъ и гусей. Оброкъ сей сбирается около Пасхи, Духова дня и Рождества. Сверхъ того, они возятъ дрова на Господкій дворъ и исполняютъ тысячи другихъ изнурительныхъ и несправедливыхъ требованій, не говоря уже о денежномъ оброкѣ, о де-

сятинѣ съ овецъ, свиней, меду и со всѣхъ плодовъ; по прошествіи же трехлѣтія, они отдаютъ третьяго вола. Однимъ словомъ все, что только ни понравится Господамъ ихъ, крестьяне принуждены уступать; а потому и неудивительно, если сіи несчастные не имѣютъ у себя, какъ говорится, ни кола, ни двора. Но это еще не все: Помѣщики, отнимая имѣніе у крестьянъ, располагаютъ произвольно и жизнію ихъ. Такъ неограничены вольности Польскаго Дворянства! Оно блаженствуетъ будто въ раю, а крестьяне мучатся какъ въ чистилищѣ. Если-же судьба пошлетъ имъ злаго Господина, то участь ихъ тягостнѣе галерной неволи. —

Это подтверждаетъ и Каховскій Annal. Pol. Cliamct. 1.

Не столько сами владѣльцы притѣсняли въ то время крестьянъ, сколько ихъ прикащики, арендаторы и старосты. — Вельможи Польскіе, — говоритъ одинъ Лѣтописецъ — находясь въ отдаленіи отъ своихъ помѣстій, не обращали

вниманія на бѣдствія народа. Ослѣпленные подарками старостъ и арандаторовъ Жидовъ, они могли дойдти до того, что ихъ мазали по кожѣ собственнымъ жиромъ, дарили отнятымъ у ихъ собственныхъ рабовъ. — И. М. Р. 1,220.

Срав. Лубенскаго, Errata Julii Belli. 226.

— И пусти нивы были, и пусти сельбищи. Во области Іуды сталъ Господень храмъ. Іуда продавалъ причастіе Духа Святаго, Іуда продавалъ крестъ спасенія. — *Стар. Лѣт.* съ 1500 по 1709.

— Въ 1640 Баядуръ Гирей выслалъ на Украину около 100,000 Татаръ, и такъ была велика ихъ надежда на успѣхъ, что они взяли съ собой женъ и дѣтей, и цѣлое лѣто оставались въ окрестностяхъ Черкасъ, Умани и Винницы. Въ томъ же году по Днѣпру выше къ Кіеву и по сей сторонѣ за Переяславомъ бродили толпы гайдомакъ Польскихъ, сняли жатву, и скотъ увели въ Подоль. Народу нѣкуда было дѣваться: съ степей на

ходили Крымскіе и Бѣлогородскіе и Бендерскіе Татары, и Лѣсняки Волоскіе, а съ Запада Ляхи. — *Шафонскій.*

— Народъ уходилъ, кто куды зналъ, и нигдѣ же ничесого не улучалъ доброго. Поляки своего для зиску и прихоти были вельми всѣмъ тяжки, же заледвѣ кто по наказу нахалъ, и ничесого не малъ добра — *Дзѣвовичъ.*

— Польскіе Комиссары, опредѣлявшіеся вмѣсто Гетмановъ, несноснымъ образомъ разоряли Украину: отнимали у Козаковъ подъ предлогомъ содѣянныхъ ими преступленій лучшую ихъ добычу на охотѣ и рыбной ловлѣ; если-же и покупали оную, то по низкимъ цѣнамъ; разсылали ихъ съ письмами, заставляли чистить лошадей, смотрѣть за собаками, топить печи, сметать всякую нечистоту съ дворовъ; поставляли надъ ними Шляхтичей Полковниками. Сіи послѣдніе удерживали жалованье ихъ, назначенное Королемъ и Рѣчью посполитою по 30 злотыхъ въ годъ, принуждали бѣднаго Коза-

ка ходить въ Запорожье чрезъ дикія поля съ ястребомъ, орломъ или собакою, которыхъ посылали въ дворъ какому либо Пану, жившему въ отдаленномъ городѣ. Жиды не дозволяли имѣть Козакамъ для домашняго употребленія не только медъ, горѣлку, пиво но даже и брагу. Сыновья реестровыхъ Козаковъ обязаны были заниматься панщиной. *Лѣт. Истор. Общ. И. М. Р.* 1220.

Дѣти — жаловались современники — во младенчествѣ умираютъ безъ крещенія или очищенія отъ грѣховъ; совершенно возрастіе живутъ внѣ законного брака, а что всего больше безъ исповѣди и причастія Св. тайнъ, лишаются временной и купно вѣчной жизни; мертвецы наши погребаются безъ подобающихъ Православной церкви обрядовъ. . . Не довольно, что знаменитый народъ Русскій доведенъ до такой великой бѣды и толь тяжкого угнѣтенія, будучи Богъ вѣсть за что гонимъ, лишили насъ еще и . . . . свободы. — *Мал. Лѣт. Туманскаго.*

— Храмъ Святой Софіи и другіе въ Кіевѣ были опустошены; монастырь Выдубицкій ограбленъ Уніатами. Они завладѣли церквями Новгорода-Сѣверскаго, Стародуба, Козельска и пр. И. М. Р. 1. 220.

— Многіе храмы Православные были запечатаны; иные обращены въ синагоги. Ризы иконъ и сосуды переливали въ манеты. — *Дзѣвовичъ*.

О ремесленникахъ и купцахъ Украинскихъ того времени говорить нѣчего: и ремесла и торговля были въ рукахъ Жидовъ. Козаки, кои занимались ими, были ограблены, и умерли. Одни только Кошевые Запорожцы могли безпрепятственно продолжать свою торговлю; но то была торговля особенного рода: гдѣ не шли къ нимъ и отъ нихъ блестящіе кругленики, тамъ помогали блестящія сабли. Изъ договора Хмельницкаго съ Султаномъ, 1649, видно что Запорожцы въ то время на корабляхъ и галерахъ вели

свою торговлю; слѣд. у Запорожцевъ были корабли и галеры.

Дворянство. — Русское Дворянство — говоритъ Бопланъ — походитъ на Польское, и повидимому стыдится исповѣдовать иную вѣру кромѣ Католической, которая ежедневно обѣтаетъ въ немъ новыхъ приверженцевъ, не смотря на то, что всѣ вельможи и Князья ведутъ свой родъ отъ Русскихъ. —

Это говоритъ и Шевалье (Hist. de la Guerre des Cos. 39).

Многіе изъ военачальниковъ Польскихъ, сражавшихся противъ Хмельницкаго были Украинцы

Священники и монахи были въ ужасномъ положеніи: одни въ неволѣ у Жидовъ, другіе въ презрѣніи, — всѣ въ рубищахъ и питались подаяніемъ.

За мятежъ Барскій 1639, Жиды по волѣ старостъ вывели на площадь монаховъ, якобы зачинщиковъ мятежа, и публично наказали кіями. *Шафонскій.*

2.

Кравчина Запорожская.

Трудно сказать слово правды объ устройствѣ и распорядкѣ войска Запорожскаго около 1648 года: вѣроятно, что оно не имѣло ни того ни другаго. Гоненія, претерпѣваемыя народомъ въ Украинѣ городской и полковой, заставляли его бѣжать въ Запорожье. Вотъ когда получила полную независимость и правильное устройство. Кравчина Запорожская. Она отдѣлилась тогда совершенно отъ войска, и не завися отъ Комиссаровъ, насылаемыхъ Королемъ въ Полки, управлялась Кошевыми Атаманами и Кошевымъ судомъ, имѣя столицею Сѣчь Хортицкую. Раздоры Кравчины были причиною построенія нѣсколькихъ новыхъ Сѣчей.

Главнѣйшія изъ нихъ въ послѣдніе годы царствованія Владислава IV были: Хортицкая, Тешлыцкая и Никитинская.

Вотъ что говорятъ *Лѣтописи* и преданія о *Сѣчи* этого времени: — то была крѣпость, обнесенная рвомъ и валомъ, котораго вершина вѣнчалась частоколомъ. Ея форма встарину была трехугольная и осміугольная. Вокругъ Сѣчи расположены были шанцы, рогатки, западни, берлоги для стражи, маяки, могилы, служившія вмѣсто маяковъ, а иногда и шанцевъ. Козаки укрѣпляли свою Сѣчь пушками и всѣмъ чѣмъ могли, чѣмъ умѣли; и Миллеръ сказалъ не вовсе правду, что dieses Volk seine Vertheidigung nicht so sehr in dergleichen aeusserlichen Hülfsmitteln, als in seinen eigenen Leibes und Gemüthskraeften setzet (Nachr. von den Zaporog. Cosaken 136). Во внутренности Сѣчи была церковь и башня изъ дикаго камня, служившая каланчею. Близь башни выстроенъ былъ станокъ (домъ) Кошеваго, а неподалеку вокругъ него курени Чиновниковъ Кошеваго суда, Стражи и Рядный курень. Знамя Кошеваго выставлялось на башнѣ, когда онъ былъ въ Сѣчи,

и снималось, когда онъ оставлялъ ее. Каждая Сѣчь имѣла почти всегда своего особеннаго Кошеваго.

Хортицкая Сѣчь, на о. Хортицѣ ниже пороговъ. Лербергъ говоритъ, что она, будучи укрѣплена въ 1620 ненадолго осталась обитаемою, поелику де Бопланъ, бывшій на о. Хортицѣ въ 1639 году, совѣтуетъ завести на немъ поселеніе, qui servirais de Sentinelle à l'encontre des Tartares. Едвали такъ. I. Бопланъ ни въ 1639, ни въ другое время не былъ на о. Хортицѣ, а говоритъ о немъ по расказамъ. II. Совѣтъ Боплана завести поселеніе на о. Хортицѣ сказанъ на угадъ.... Можетъ быть, Бопланъ желалъ возвратиться въ Украину, и нарочно украшалъ свою книгу подобными совѣтами, не забывъ между прочимъ объявить и о количествѣ слободъ, построенныхъ въ Украинѣ будто бы имъ самимъ, и о томъ, что въ Украинѣ города и крѣпости основаны по его планамъ, что даже вся Украина заселена большею частію въ его

глазахъ. Говоря такъ, говорилъ ли онъ правду? Я думаю, нѣтъ. Бопланъ, вѣрно, хотѣлъ ими только обратить на себя вниманіе Короля. III. Вывода Лерберга ничто не подтверждаетъ кромѣ словъ Боплана. Гораздо вѣроятнѣе, что Запорожцы имѣли жилища на о. Хортицѣ и прежде и послѣ Боплана, а если оставляли то на короткое время.

Ташлыцкая Сѣчь. Время ея основанія мнѣ неизвѣстно. По словамъ Симоновскаго, вольные Гайдомаки составя изъ себя особенную дружину выбрали Адама Тешлыка Атаманомъ и, удалившись за р. Саксагань, построили Тешлыкъ; но когда, но гдѣ именно? Есть р. Ташлыкъ впадающая въ Синюху. Есть протокъ Тышлыкъ впадающій въ Днѣпръ ниже Хортицы. Въ пѣснѣ Тешлыкъ названъ Вольнымъ, а его жители вольными Коротайцами.

Никитинская Сѣчь — иначе Микитинъ Рогъ, Микитинъ перевозъ, Микитина застава — на правомъ берегу Днѣ-

ѣпра противъ Каменнаго Затона, въ семи верстахъ выше Покровскаго, гдѣ нынѣ Никополь. По словамъ Шафонскаго, оно древнѣе Хортицкой. По сказанію Дзѣзовича, она построена во время возобновленія Койдака Ѳедоромъ Линчаемъ, по имени коего и Козаки его назывались Линчаевцами. Во время войнъ Хмельницкаго съ Поляками, она два раза раззорена была Татарами.

Можетъ быть, въ это время были и еще нѣкоторыя Сѣчи; но о нихъ нѣтъ ни въ лѣтописяхъ ни въ преданіяхъ никакого помину.

Кромѣ Сѣчей, Запорожская Кравчина имѣла *окопы*. Одни изъ нихъ были постоянныя, небольшія крѣпости, обнесенныя валомъ и рвомъ: такія были по берегамъ Днѣпра до самаго Лимана, также на Бугѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Другіе строились въ военное время, и только въ военное время снабжались гарнизонами: къ нимъ причислять должно и мо-

гилы, окруженные валомъ и рвомъ, гдѣ ставились пушки.

3.

Раданъ, Харкевичъ и Вронскій.

Въ то самое время, когда Хмельницкій билъ Поляковъ подъ Корсуномъ, въ Исторіи Руссовъ является нѣкто Генеральный Асаулъ Раданъ. Лице презанимательное. Повѣсть о немъ еще занимательнѣе.

— Раданъ оказалъ себя ревностью въ исполненіи плановъ Гетмана. Очистивъ отъ Поляковъ и Жидовъ Черниговъ съ окрестными мѣстами и Стародубъ, онъ двинулся съ своей ватагой къ Новгороду-Сѣверскому. Хорунжій сего повѣта, изъ Поляковъ, Харкевичъ, присоединился къ нему близь Гремяча съ 100 Козаковъ и оповѣствовалъ ему, что въ замкѣ Сѣвер-

скомъ стоитъ тамошній Воевода *Янъ* Вронскій. Занявъ безо всякаго сопротивленія городъ, Раданъ подступилъ къ замку, въ наилучшемъ оборонительномъ порядкѣ бывшему. Кромѣ пушекъ всюду стоявшихъ, огромныя колоды висѣли надъ скатомъ горы, коими осажденные защищались. Тщетно Раданъ шелъ къ замку на огонь, сей еще болѣе вредилъ. То Раданъ воспользовался подземнымъ ходомъ къ Деснѣ изъ замка ведшимъ, для снабженія онаго водою. Открывъ ночью сообщеніе съ онымъ и отрядивъ туда нѣсколько отборныхъ Козаковъ, началъ онъ производить фальшивый приступъ со стороны воротъ замка. Непріятель, занятый обороною, не помышлялъ о потаенномъ ходѣ. Козаки вступаютъ въ замокъ и явленіемъ своимъ наносятъ страхъ врагамъ многочисленнымъ: пущенная ими ракета еще болѣе увеличиваетъ мужество въ ихъ товарищахъ. И сіи вламываются во врата, и мстятъ смерть братій. Воевода выходитъ съ отборной дружиной на баш-

ню, проситъ пощады, обѣщавъя открыть скарбницу и магазейны. Ему даруютъ жизнь. Вронскій сходитъ съ башни окруженный воинами Радана, и зритъ Харневича близь церкви Соборной Воскресенской. Тогда не въ силахъ удержать гнѣва восклицаетъ: умри, предатель! стрѣляетъ въ него изъ небольшаго пистолета, въ рукавѣ платья спрятаннаго про запасъ. Козаки мстятъ за сіе. Вронскій и прочіе плѣнники падаютъ. —

4.

Статьи, предложенныя Хмельницкому по смерти Владислава по средствомъ Адама Киселя были, какъ говоритъ Рудавскій:

1. Козаки должны освободить плѣнныхъ Польскихъ дворянъ.

2. Отступить отъ Татаръ и присягнуть на вѣрность Республикѣ.

3. Оставить Койдакъ по прежнему.

4. Выдать виновниковъ бунта.

5. Выдать Сенату письмо Короля къ Барабашу.

Gesch. der Ukr. 149. — Истр. Мал. Рос. 1. 250-251.

5.

Переговоры съ Султаномъ 1649.

Вмѣстѣ съ другими Послами принималъ въ Переяславлѣ Хмельницкій и Пословъ Султана.

— Главнымъ изъ нихъ, полномочнымъ — говоритъ Кониссксій — былъ Османъ-Ага. Онъ желалъ убѣдить Хмельницкаго ввѣриться съ Украиной покровительству Султана, и его именемъ предложилъ ему сдѣлать Гетманство наслѣдственнымъ. И вотъ что Хмельницкій отвѣчалъ Османъ-Агѣ: — не отказываюсь отъ союза и дружбы съ Императоромъ;

готовъ содержать съ нимъ миръ; но не могу подступить подъ его покровительство безъ предварительнаго совѣщанія съ народомъ и общественнаго приговора. Потомственное же достоинство меня не льститъ: оно противно правамъ и обычаямъ нашимъ, возстановленнымъ мною въ отчизнѣ съ пожертвованіемъ великаго числа воиновъ. —

Къ этому же времени относятъ и торговый договоръ съ Султаномъ. Онъ помѣщенъ въ спискѣ на Польскомъ и Русскомъ языкахъ въ Собр. Госуд. Грам. III. 444-447. Вотъ его содержаніе:

I. Позволяетъ Султанъ Козацкому войску и народу ихъ свободное плаваніе на Черномъ и Бѣломъ морѣ ко всѣмъ портамъ и островамъ, и по всѣмъ рѣкамъ, ведя по волѣ торги.

II. Освобождаетъ Султанъ купцовъ войска Запорожскаго и народа его отъ пошлины, мыта и подати на 100 лѣтъ, если не на 100 то хотя на 50, или по крайности на 30.

III. Позволяетъ Султанъ имѣть имъ въ городахъ и портахъ на Черномъ и Бѣломъ морѣ домы для складки товаровъ, жить и торговать безъ пошлины на 100 лѣтъ.

IV. Намѣстникъ войска будетъ жить въ Стамбулѣ съ почтеніемъ и безопасно, обязываясь ходатайствовать о правосудіи обиженнымъ Козацкимъ купцамъ; а намѣстникъ Султана въ портовомъ городѣ своемъ, выдавая пашпорты Козакамъ для свободнаго проѣзда на галерахъ и корабляхъ куда захотятъ, взимая за пашпортъ не болѣе червонца, и въ его присутствіи начальникъ корабля учинитъ присягу, что Султану не измѣнитъ; намѣстникъ Султана обязанъ право сіе на Турецкомъ языкѣ каждому выдать съ подписью и печатью.

V. Для удержанія своевольныхъ людей отъ нападеній на морѣ съ дозволенія Султана, войско заложитъ нѣсколько портовъ ниже пороговъ до устья Буга.

VI. Если бъ Козакъ свободно на морѣ нападалъ, надъ тѣмъ судъ чинить при намѣстникѣ Султанскомъ.

VII. Если бъ съ Дону выѣхали для разбоя, то съ Турецкими галерами вмѣстѣ ловить и наказывать, помогая другъ другу, чтобы море всегда было свободно.

VIII. Если галера Козацкая въ чемъ нарушитъ право Султана, то начальника наказать, а сама свободна будетъ.

IX. Если галера или корабль Козацкій разобьется на берегѣ Султанскомъ, то спасенное наслѣдникамъ отдать.

X. Касательно долговъ купеческихъ право и судъ немедленный одинаково и Козакамъ и Туркамъ.

XI. Галеръ и кораблей Козацкихъ, ихъ людей, товаровъ и орудія Султанъ не употребитъ, обѣщая свободный входъ и выходъ по волѣ.

XII. Умретъ купецъ въ землѣ Султана, на морѣ и сушѣ, имѣніе наслѣдникамъ принадлежитъ; и хотя бы что кому

отказалъ или записалъ при смерти, недѣйствительно.

XIII. Невольниковъ Христіанскихъ у Турокъ и Турецкихъ у Христіанъ свободно выкупать; а если невольникъ Турецкій или Христіанскій на галеру бѣжалъ, то его выдать. —

Иные считаютъ этотъ актъ неапокрифическимъ.

6.

Козаки въ Литвѣ, 1649.

Въ то время какъ Хмельницкій поражалъ Поляковъ подъ Збаражемъ и Зборовомъ, его товарищи терпѣли бѣды въ Литвѣ. Хотя они въ числѣ 10,000 — какъ говоритъ Энгель — подъ начальствомъ Полковника Гладкаго и причинили тамъ великія раззоренія въ 1648 году около Висницы, Бреста и Кобрина, но встрѣтили потомъ сильное сопротивленіе отъ

Полковниковъ Паца и Воловича, также Князя Януша Радзивила (Hist. de la guerre des Cos. 77. Kor. Pols. III, 821). Они были отражены отъ Слуцка Сосновскимъ, потеряли въ Чериковѣ 1500; поражены въ Быховѣ и Пинскѣ, который обращенъ въ пепелъ, а Полковникъ Максимъ Гладкій его защищавшій убитъ; разбиты Радзивиломъ въ Туровѣ, Городнѣ, Мозырѣ. Взявъ Мозырь, Радзивилъ подступилъ къ Бобруйску, и требовалъ выдачи жителей тамошнихъ, помогавшихъ Украинцамъ: но они заперлись въ одной деревянной башнѣ и зажгли ее, предпочитая гибель плѣну. Зима прервала военныя дѣйствія. Весною отрядилъ Хмельницкій въ Литву Полковника Гловача съ 10,000. Онъ напалъ врасплохъ на часть Литовской арміи, зимовавшей въ Заганьи, близь Мозыря, но обращенъ въ бѣгство Радзивиломъ, разбитъ и убитъ. Стефанъ Подобайло, получившій потомъ приказаніе отъ Хмельницкаго укрѣпиться со свѣжими войсками между Днѣпромъ и Сожью, со-

жегъ Лоевъ; Кричевскій съ новымъ войскомъ, соединясь съ Подобайломъ, былъ разбитъ Радзивиломъ у Речицы и Холмича, взятъ въ плѣнъ и умеръ. Вскорѣ 60,000 новаго войска Козацкаго вошло въ Литву, но Зборовскій миръ воротилъ ихъ домой (Bel. Scyt. Cosac. 80. 82. 84-85. Hist. de la guerre des Cos. 80). — Ист. Мал. Рос. I. 273-274.

7.

Граница Украины по Зборовскому миру.

Зборовская граница — сказано въ дѣлахъ Кол. Арх. 1660, N 2 — начинается знаками отъ р. Горыни и Острога; и такъ Острогъ, Заславль, Гуща суть границы отъ Волыни; Меджибожъ, Студеница, Могилевъ, Ямполь, Рашковъ отъ Молдавіи; а упомянутые города лежатъ на Горыни и Бугѣ, Горынь впадаетъ въ

Припеть, а Припеть въ Днѣпръ и не занимаютъ ни Каменецъ-Подольскаго, ни Волыня, ни Подоліи. — Ист. Мал. Рос. I. пр. 254.

8.

Списокъ реестровыхъ Козаковъ.
1650.

Лѣт. Руб. говоритъ о реестрованіи Козаковъ 1650 года слѣдующее:

— Г. Хмельницкій, раздѣливъ Украйну на 15 полковъ, поставилъ въ оныхъ Полковниковъ, списавъ самыхъ выборныхъ или реестровыхъ козаковъ:

Полку	*Полковники*	*Число:*
1. Чигринскаго	Өедоръ Якубовскій	3139
2. Черкасскаго	Иванъ Воронченко	2939
3. Каневскаго	Семенъ Павицкій	3120
4. Корсунскаго	Лукьянъ Мозыра	3492
5. Уманскаго	Іосифъ Глухъ	3330
6. Брацлавскаго	Данило Нечай	2802
7. Калницкаго	Иванъ Өедоренко	6046

8.	Кіевскаго	Антонъ Адамовичь	2080
9.	Переяславскаго	Өедоръ Лобода	2150
10.	Кропивянскаго	Филипъ Джеджелей	2083
11.	Остранскаго	Тимофей Носачъ	1988
12.	Миргородскаго	Максимъ Гладкій	3188
13.	Полтавскаго	Мартынъ Пушкарь	2873
14.	Нѣжинскаго	Прокопъ Шуменко	9083
15.	Черниговскаго	Мартынъ Небаба	9096
		И того	37,889.

Въ семъ росписаніи не видны полки Гадицкій, въ коемъ Полковникъ былъ Гурлай, и Бѣлоцорковскій, гдѣ Гира. — — А войско охотное — прибавляютъ другія Лѣтописи — безъ числа. И при реестрованьи Козаки сильно бунтовались, такъ что Хмельницкій принужденъ былъ всякому волю дать на Козакованье, кто хотѣлъ.

9.

Переяславскій бунтъ 1651.

Лѣтописи не описываютъ его. Одинъ Симоновскій въ своей Козацкой Лѣтопи-

сн расказываетъ объ немъ, и то довольно сомнительно. Онъ говоритъ, что 20,000 Запорожцевъ Низовыхъ нахлынуло на Переяславль, и искало головы Гетмана. Хмельницкій принужденъ былъ долгое время скрываться. Въ Переяславлѣ Запорожцы набрали еще разной сволочи до 5000 и пошли добывать Чигрина; но были отогнаны, и укрѣпились въ Переяславлѣ. Двѣ недѣли Хмельницкій осаждалъ его, взялъ и всѣхъ бунтовщиковъ продалъ смерти. — Уже ли въ самомь дѣлѣ Хмельницкій былъ такъ безчеловѣченъ? Симоновскій иногда любитъ подражать Кониcскому. Покрайней мѣрѣ, засвидѣтельствовать не только правду но и правдоподобіе словъ его въ семъ случаѣ нічѣмъ не можно. Даже у Кониcскаго этотъ бунтъ не описанъ.

10.

Слободскіе полки.

Земли, гдѣ теперь Слободская Украина, были въ половинѣ XVII вѣка почти необитаемы. Кое-гдѣ только среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ возвышались городища Татарскія, а по берегамъ рѣчекъ пограничныя крѣпости Русскія, охранявшія Московское царство отъ нападеній хищниковъ сосѣдей. Первое переселеніе Украинцовъ въ сіи земли было при Михаилѣ Федоровичѣ, въ числѣ 8 или 10 тысячъ. Относительно устройства и управленія ихъ неосталось никакихъ свѣдѣній. Многіе изъ нихъ занимались ловлею звѣрей и стрѣляніемъ дичины, — и эта охота была главною причиной ихъ разселенія на слободы, отъ которыхъ и самые переселенцы получили названіе Слобожанъ. Такъ явилась и слобода Харьковъ, получившая свое названіе

отъ охотника Харька, какъ говоритъ преданіе. Окруженные со всѣхъ сторонъ Татарами, Украинскіе переселенцы должны были быть во всегдашней готовности защищаться отъ ихъ нападеній. Нужда заставила ихъ учредить изъ себя стражу; и въ соединеніи со стрѣльцами, жившими въ крѣпостяхъ Русскихъ они отбивали таборы Татарскихъ наѣздниковъ. И часты и не маловажны были эти стычки; но особенное вниманіе заслуживаетъ одна изъ нихъ, первая, заставившая Татаръ надолго отказаться отъ прежнихъ старинныхъ стойбищъ своихъ, и снискавшая переселенцамъ покровительство Царя Михаила. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ въ семъ случаѣ Кондратій Сулима. Онъ въ 1640 году сдѣлалъ нападеніе на Татаръ у р. Межи, и полонивши одного изъ Хановъ Татарскихъ Аксака, разбилъ и прогналъ Татаръ въ степь на р. Донъ.

Въ 1650-1651 году совершилось второе переселеніе Украинцевъ. Они заня-

ли слободами земли отъ вершины р. Сулы по р. Вырѣ, Крыгѣ, Локнѣ, Пслу, Ворсклѣ, Мерлѣ, Удахъ, Лопани, Харькову, Можѣ, Коломаку, Донцу, Осколу и пр.

Въ послѣдующіе годы число ихъ увеличилось, и въ 1660 году они образовали изъ себя три полка, названные Черкасскими Слободскими. Сіи полки были: Сумской, Ахтырскій и Харьковскій. Область Сумскаго полка занимала земли, принадлежащія нынѣ Сумскому и Лебединскому уѣздамъ Слободско-Украинской Губерніи, кромѣ того часть Роменскаго уѣзда Полтавской и Суджанскаго Курской Губерніи. Рѣка Псёлъ была границей его отъ области Ахтырскаго полка, простиравшейся до р. Можи. За сею рѣкою начинался полкъ Харьковскій, занимавшій Харьковскій, Валковскій, Зміевскій, и Изюмскій уѣзды Харьковской Губерніи. Они поступили въ вѣдомство Бѣлогородскаго разряда и платили Государю по Бѣлогородскому окладу оброкъ

съ винокуренія, винопродажи и съ другихъ хозяйственныхъ заведеній.

Въ каждомъ полку жители были раздѣлены на три разряда:

1. Сѣмейства военнослужилыхъ Козаковъ и ихъ свойственниковъ. Изъ нихъ способные выбирались въ реестровые Козаки.

2. Сѣмейства Козаковъ Компанейцевъ, кои должны были помогать служилымъ во всѣхъ надобностяхъ конной службы и во время похода доставлять имъ провіантъ.

3. Сѣмейства неопредѣленныхъ въ службу. Они остались жить на земляхъ принадлежащихъ Полковникамъ и полковымъ Старшинамъ въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ.

Судъ и Старшину полковую составляли во всякомъ полку, кромѣ Полковника: Обозный, Судья, Асаулъ, Хорунжій, Писарь и Перначникъ.

Каждый полкъ раздѣлялся на Сотни. Сначала во всякомъ полку было 5 сотенъ.

Кромѣ городовъ, мѣстечекъ и слободъ, Слободскіе полки имѣли свои крѣпости. Полковые города были всѣ укрѣплены.

11.

Мятежъ Тухи. 1654.

Поликарпъ Туха былъ Запорожскій Атаманъ, неизвѣстно какой Сѣчи. Онъ пользовался дружбой Хмельницкаго, всегда былъ первый противъ мятежниковъ, возстававшихъ на него, и столько же уменъ, сколько храбръ и грубъ. Онъ былъ увѣренъ, что Хмельницкій ищетъ независимости Украины а себѣ верховной власти, что Хмельницкій обманываетъ и Султана, и Хана, и Короля, и Царя, обѣщая быть каждому вѣрнымъ и покорнымъ, и радовался этому, называлъ Хмельницкаго — какъ говоритъ Симоновскій — преемникомъ Св. Владиміра, Великимъ Кня-

земъ Украинской Россіи. Съ 1649 года Туха былъ неотлучно при Тимоѳеѣ Хмельниченкѣ, и во время осады Сутчавской сильно раненъ. Но то была — говоритъ Симоновскій — рана тѣлесная, рана же сердечная ждала его въ Украинѣ. Когда вѣсть о присягѣ Царю дошла до него, когда получилъ онъ приказъ присягать, Туха вознегодовалъ. — Умру, а останусь Козакомъ! — говорилъ онъ, — и поднялъ мятежъ. Подъ его знаменемъ скоро стало до 7000. Войско Хмельницкаго встрѣтило его на р. Тясмени. Воины Туха почти всѣ пали на мѣстѣ битвы. Самъ Туха бросился въ рѣку и утонулъ. —

12.

Договорныя статьи между Царемъ и Козаками 1654.

Одинъ списокъ (со списка) этихъ статей напечатанъ въ Собр. Госуд. Грам.

III. 507-510; другой (съ подлинника) въ Ист. Мал. Рос. I. пр. 323. Вотъ содержаніе оныхъ:

1. (2-й спис.) Вначалѣ изволь Твое Царское Величество подтвердити права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ было въ войскѣ Запорожскомъ. Чтобъ ни Воевода, ни Бояринъ, ни Стольникъ въ суды войсковые не вступался; и гдѣ три Козака, два третьяго судятъ. — Быть почелобитью.

2. (2-й спис.) 60,000 войска чтобъ всегда полно было. — Быть по челобитью, а реестръ Царю за подписью Гетмана доставить.

3. Шляхтѣ, присягнувшей Царю, при своихъ вольностяхъ быть, и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирать. Суды земскіе и градскіе чрезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ изберутъ, исправлены быти имѣютъ, какъ и прежде сего; такожъ Шляхта, кои казну имѣли по крѣпостямъ на мастностяхъ тогда и нынѣ, либо чтобъ имъ поплачено

или на частностяхъ довладѣти дано. — Быть по челобитью.

4. (2-й спис. а по 1-му первая). Чтобъ въ городѣхъ Урядники изъ нашихъ людей были бы обиралы на то достойные, кои должны будутъ подданными Царя исправляти или уряжати и приходъ належащій вправду въ казну Царь отдавати. — Быть по челобитью; а быти Урядникамъ, Войтамъ, Бурмистрамъ, Райцамъ, Лавникамъ, и доходы денежные, хлѣбные и всякіе на Царя сбирать имъ и отдавать тѣмъ кого Царь пришлетъ, а сіи надъ сборщиками будутъ дѣлать правду.

5. (2-й спис.) На булаву Гетманскую Староство Чигринское. — Быть по челобитью.

6. (2-й спис.) Сохрани Боже смерти Пана Гетмана, чтобъ войско Запорожское само межъ себѣ Гетмана избирали, и Царя извѣщали. — Быть по челобитью.

7. (2-й спис.) Чтобъ имѣній Козацкихъ никто не отнималъ, ни земель, ни пожитковъ съ тѣхъ земель; вдовы послѣ

Козаковъ осталыя и дѣти такія же вольности имѣли бы. — Быть по челобитью.

8. (2-й спис.) Писарю Войсковому 1000 злотыхъ для подписковъ (по 1-му для подписокъ) и мельницу. — Быть по челобитью.

9. (2-й спис.) Всякому Полковнику по мельницѣ, Быть по челобитью.

10. (2-й спис.) Судьямъ Войсковымъ по 300 злотыхъ и по мельницѣ, Писарю Судейскому 100 злотыхъ. — Быть по челобитью.

11. (2-й спис.) Асауламъ Войсковымъ и Полковымъ по мельницѣ. — По челобитью.

— Сіи статьи: 8, 9, 10, 11, въ 1-мъ спискѣ помѣщены въ статьяхъ 2 и 3 списка 1-го; изъ нихъ во 2-й находимъ жалованье Писарю и Хорунжему полковому 50 злотыхъ, Хорунжему Сотскому 30 злотыхъ и Бунчужному Гетманскому 50 злотыхъ. —

12. (2-й спис. по 1-му четвертая) На подѣлку снаряду войсковаго и на пушка-

рей и на всѣхъ людей работныхъ у сна-ряду просимъ Царскою милостиваго призрѣнія, яко о зимѣ тако и о станахъ; и на Обознаго арматнаго 400 злотыхъ, а Хорунжему арматному 50 злотыхъ. — По челобитью.

13. (2-й спис.) Права данныя Князьями и Королями духовнымъ и мирскимъ людямъ чтобъ ни въ чемъ нарушены не были. — По челобитью; а Митрополиту Кіевскому быть подъ благословеніемъ Патріарха Московскаго, хотя въ права Духовныя вступать онъ не будетъ.

14. (2-й списокъ, по 1-му 5-я) Пословъ добрыхъ принимать, а что бы имѣло противу Царя, то Царя извѣщать. — Приговорили такихъ задерживать, и безъ указу не отпускать. Съ Турскимъ Султаномъ и Польскимъ Королемъ безъ Государева Указу не ссылаться.

15. (2-й спис) Какъ во иныхъ земляхъ дань вдругъ отдается зволили бы есма и мы, чтобъ цѣною вѣдомо давать

отъ тѣхъ людей, которые Царю належать. — Быть какъ сказано въ ст. 4.

16. Быть Урядникамъ войска права и вольности смотрѣть имъ.

17. (2-й спис.) Что-бъ на вѣчныя времена Царь намъ на хартіяхъ писанныя привилеи съ печатьми вислыми далъ; а когда то одержимъ, мы сами межъ себя смотръ имѣти будемъ, и кто Козакъ тотъ будетъ вольность Козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую Царю отдавать, какъ и прежде сего; также и на люди всякіе, которые Царю подданные, на какихъ правахъ и вольностяхъ, имѣютъ быть. — Быть по челобитью.

18. (2-й спис. въ 1-мъ 6-я) Митрополиту и всѣмъ духовнаго чина людямъ на маетности ихъ, которыми нынѣ владѣютъ, дать жалованную Грамоту.

19. (2-й спис. по 1-му 7-я.) Чтобъ Царь изволилъ рать свою вскорѣ къ Смоленску послать. — Указалъ Царь и

Бояре приговорили войска повести по просухѣ.

20. (2-й спис. по 1-му 8-я). — Царскаго Величества ратные люди всегда на рубежѣ для Украины обереганья есть и впредь стоять учнуть.

21. (2-й спис. по 1-му 9-я.) Обычай тотъ, что всегда войску платили, проситъ и нынѣ Царя на Полковника по 100 ефимковъ, на Асауловъ полковыхъ по 200 золотыхъ, на Асауловъ Войсковыхъ по 400 золотыхъ, на Сотниковъ по 100 золотыхъ, на Козаковъ по 30 золотыхъ. — Гетманъ Бутурлину говорилъ, что войско жалованья у Царя просить не будетъ, говорилъ при Судьѣ и при Полковникѣ, и имъ нынѣ о томъ говорить недоведется. Жалованье назначится по смѣтѣ доходовъ.

22. (2-й спис. по 1-му 10.) — На Донъ къ Козакамъ Государево повелѣніе послано будетъ буде Крымскіе люди задору никакого не учинятъ, и на нихъ не ходить; а буде задоръ учинятъ, и въ то

время Государь укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

24. (2-й спис. по 1-му 11-я). Кодакъ городъ чтобъ Царь изволилъ какъ кормами такъ и порохомъ къ наряду построити; также и на тѣхъ кои за порогами Коша берегутъ милость бы показалъ. — Указъ будетъ.

Іюля 1 дня 1654 года Царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ титулъ свой писать: Всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ.

ПѢСНИ, ДУМЫ И ПРЕДАНІЯ,

поясняющія сказанія Лѣтописцевъ.

1.

Переписка Барабаша съ Ляхами.

Поляки — говорятъ Лѣтописцы — искали разрушить самобытность войска Запорожскаго, "поруйновать Козаковъ до изводу", и нашли себѣ въ этомъ дѣлѣ помощника въ Барабашѣ, который — по словамъ Вуйковича — за деньги радъ былъ продать все, кромѣ своей алчности къ стяжанію, заставлявшей его недорожить ни совѣстью, ни честью, ни клятвой. За деньги Барабашъ продалъ себя Ляхамъ, и хотя по требованію Рады послалъ къ Владиславу жалобу на угнѣтенія, претерпѣваемыя народомъ въ

Украинѣ, и, пусть и поздно, показалъ Радѣ отвѣтъ Владислава: — „Понѣважъ вы воины есте и маете у себе мушкеты и шабли, то что вамъ стать за себе и за свои вольности возбраняетъ, а я помогать вамъ не въ силахъ, будучи обурѣваемъ патриціанствомъ и ихъ факціями"; — но то была только личина. Въ тайнѣ Барабашъ велъ съ Поляками переписку иного роду, и писалъ къ нимъ однажды: — Придите, и мстите; а на меня будьте надежны. —

Эта переписка, будучи обнаружена, могла обнаружить и замыслъ Поляковъ поруйновать Козаковъ до наводу; она была Хмельницкому лучшею помогой для возбужденія Козаковъ къ возстанію. Какъ Писарь Войсковой, Хмельницкій могъ если не знать эту переписку вполнѣ, то угадывать ея содержаніе, и, воспользовавшись случаемъ, овладѣлъ ею.

— Для новорожденнаго младенца въ его фамиліи — говоритъ Конисскій — надо было имѣть при крещеніи воспріем-

ника. По сему упрошенъ Хмельницкимъ Барабашъ. И онъ со всей свитою отправился изъ Чигрина въ Суботово; а тамъ, по совершеніи пиршества, на коемъ уподчиванъ Барабашъ и штатъ его, Хмельницкій, снявши съ соннаго его съ руки перстень, съ перначемъ и шапкой съ кокардой изображенными, достоинство Барабаша означающими, отправился съ ними ночью къ женѣ Барабаша, показалъ ей знаки мужніе и требовалъ его именемъ нужныхъ писемъ изъ кабинета. Жена отворила кабинетъ, и пр.

Иначе расказываетъ объ этомъ Дума (Зап. Ст. II. 1. 9-11).

Дума.

— Прошелъ день годины, какъ встала тревога по Украинской землѣ. И никто не хочетъ выдти на защиту вѣры Христіанской; только и вышли Барабашъ да Хмельницкій да Климъ Бѣлоцерковскій. Они выступили къ Королю, и просили

универсаловъ. Король написалъ универсалы, и далъ Барабашу въ руки. А Барабашъ только ихъ взялъ, три года Козакамъ о нихъ знать не давалъ.

И задумалъ Хмельницкій просить его кумомъ въ городъ Чигринъ; попросилъ, славно угостилъ. И какъ сталъ Барабашъ пить да гулять, сталъ ему Хмельницкій такъ говорить:

— Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія письма скрывать. Дай ихъ мнѣ хоть почитать.

— Къ чему-бы тебѣ, Панъ кумъ, эти письма знать? Дачи мы не даемъ, въ Польское войско не йдемъ. Не лучше-ли мирно съ Ляхами намъ жить, чѣмъ лугами блудить, комарей своимъ тѣломъ кормить? —

Понялъ Хмельницкій, и сталъ Барабашу еще лучшихъ напитковъ подносить. Пилъ Барабашъ, и упился, и спать на постель завалился.

А Хмельницкій ключи у него отобралъ, Чуру въ Черкасы послалъ, велѣлъ

ключи Паньи Барабашевой подать, Королевскихъ писемъ просить.

Пріѣхалъ къ ней Чура, и такъ говоритъ: — Панья Барабашова! Сталъ у насъ Панъ твой гулять, велѣлъ тебѣ письма Короля намъ отдать.

— Что за бѣда съ моимъ Паномъ случилась, что задумалъ съ Хмельницкимъ гулять? Иди, иди, бери письма Короля въ ларцѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ.

Скоро Чура письма досталъ, днемъ и ночью въ Чигринъ поспѣшалъ, скоро пріѣзжалъ, самому Хмельницкому письма отдалъ.

А Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманъ, — ключей нѣтъ какъ нѣтъ. Старосту Кричевскаго будитъ, на двухъ коняхъ съ двора ѣдетъ; думаетъ, гадаетъ, какъ-бы Хмельницкаго въ руки прибрать, Ляхамъ отдать. —

Сравнивая сказаніе Кониcскаго съ этою Думой, находимъ вотъ что:

1. Вѣроятнѣе, что Хмельницкій пировалъ въ Чигринѣ, какъ говоритъ Дума, а не въ Суботовѣ, которымъ, владѣлъ тогда Чаплицкій.

2. Ни изъ Лѣтописей, ни изъ преданій не видно, что-бы Козаки носили перстни, тѣмъ менѣе такіе, кои означаютъ достоинство; еще менѣе видно, чтобы перстень могъ быть такой важности, какую приписываетъ ему Конисскій. Гораздо вѣроятнѣе, что Хмельницкій укралъ у Барабаша ключи, какъ говоритъ Дума.

3. Былъ-ли у Барабаша кабинетъ? Что-то странно для 1640-выхъ годовъ. Но пусть и такъ: могъ-ли Барабашъ прятать такъ оплошно столь важныя бумаги? Хмельницкій рѣшившись однажды завладѣть бумагами, и зная что онѣ лежали въ кабинетѣ, какъ говоритъ Конисскій, могъ употребить для этого сотню другихъ средствъ легче, удобнѣе, безопаснѣе, вѣжливѣе. Барабашъ могъ опасаться, что эти бумаги будутъ украдены, и долженъ былъ спрятать ихъ по лучше; очень не-

мудрено, что ему взошло въ голову спрятать ихъ подъ воротами: подобнымъ образомъ Запорожцы всегда скрывали драгоцѣнности. См. Зап. Стар. I. 2. 82-83.

Климъ Бѣлоцерковскій, о которомъ говоритъ Дума, есть вѣроятно, Полковникъ Гира. Староста Кричевскій — не тотъ-ли самой, который былъ посылаемъ Хмельницкимъ въ Литву и разбитъ Радзивиломъ не за долго до Зборской годины? Шевалье говоритъ, что этотъ Кричевскій освободилъ однажды Хмельницкаго изъ плѣна. H. G. C. 82. — Пасторій. Bellum Scyth. Cos. 85. —

2.

Битва на Желтыхъ водахъ.

Пѣсня.

— Или то хмѣль вокругъ тычинъ вьется? Нѣтъ, то Хмельницкій съ Поляками бьется.

Ой, поѣхалъ Хмельницкій къ Желтому броду. Не одинъ Ляхъ тамъ прилегъ головою въ воду.

— Не опейся, Хмельницкій, этой Желтой воды: сорокъ тысячъ Ляховъ знатнаго рода идетъ на тебя.

— Не боюся я Ляховъ, и думать забылъ. На нихъ есть у меня большая отвага.

Еще-же и Орду за собой я веду; и все, враги Ляхи, на вашу бѣду. —

Убѣжали Ляхи, растеряли шубы. Не одинъ Ляхъ прилегъ, оскаливши зубы.

Становили Ляхи дубовыя хаты. Придется бѣдняжкамъ въ Польшу бѣжать.

И бѣжали изъ нихъ кой-какіе полки. Ѣли Ляховъ и псы и сѣрые волки.

Ой, тамъ поле, поле, а по полю цвѣты: не за однимъ Полякомъ зарыдали дѣти.

Ой тамъ рѣчка, рѣчка, черезъ рѣчку плотина. Не одинъ Ляхъ покинулъ по себѣ вдовицу. —

— Зап. Ст. II. 1. 12-14. —

Едва ли эта пѣсня современна событію.

3.

Пилявское дѣло.

Пѣсни.

I.

— Ой, изъ города, изъ Пилявы Козаки выѣзжали; всѣхъ было три табора, всѣ одинъ въ одного.

Что въ первомъ таборѣ, то все реестровые, а въ другомъ таборѣ одни Хоружіи, а въ третьемъ таборѣ одни Куренные.

Идетъ первый таборъ къ Пилявѣ; съ нимъ идетъ Морозенко. Съ другимъ таборомъ идетъ пышный Панъ Харченко. Третій таборъ ведетъ Вовгуря Лисенко.

Третій таборъ ведетъ Вовгуря Лисенко; коня поварачиваетъ, забавляетъ себя; коня поварачиваетъ, молвитъ такія слова:

— Ой, Паны молодцы! будетъ намъ работа: въ городѣ Пилявѣ много охотныхъ ватагъ. —

Вотъ идутъ они день, ночь; въ день Воскресный станомъ стали, по Яцкому рогу станомъ стали, гонца поджидали.

Въ ночь гонецъ пріѣзжаетъ, Лисенка спрашиваетъ, и кланяется ему, и молвитъ такія слова:

— Панъ Гетманъ Хмельницкій посылаетъ тебѣ доброе здоровье. Подъ Пилявой съ Морозенкомъ онъ ужъ станомъ сталъ.

И тебя съ Кравчиною проситъ къ Пилявѣ. — Тогда-то Вовгура Лисенко кожухъ надѣваетъ, изъ станка выходитъ, Козаковъ созываетъ:

— Ой, Паны молодцы! Чтите мою волю: рубите мнѣ дорожку къ Пилявскому полю.

Рубите мнѣ дорожку къ Пилявскому полю: тамъ ожидаетъ насъ Гетманъ Богданъ! —

И тѣ Козаки дорожку рубили, къ городу Пилявѣ станомъ выходили.

Что отъ Роски да отъ Соби Гайчуревскіи грайцы, а отъ вольнаго Тешлика вольные Коротайцы.

А отъ Лысой горы Степняки Гайчуры; а отъ рѣчки отъ Самари Самарскіе лугари.

И всѣ тѣ молодцы по той сторонѣ Буга. . .

II.

Ой, Семуха Бродникъ входитъ въ Немировъ, и въ Немировѣ собираетъ своихъ молодцовъ.

И Немировскіе молодцы въ трубы трубятъ, на коняхъ вороныхъ съ крикомъ бѣгутъ.

Въ ночь пріѣзжаетъ гонецъ, молвитъ такія слова: — ой, вы молодцы Немировцы. Лахи ужъ на этой сторонѣ.

На этой сторонѣ Случи, на этой сторонѣ Случи, подступаютъ къ Пилявѣ, зовутъ Козаковъ.

На этой сторонѣ Случи, на этой сторонѣ Случи, подступаютъ къ Пилявѣ, зовутъ Немировцевъ.

Немировцы молодцы! Идите, спѣшите, Гетмана Хмельницкаго повеселите.

И тогда тѣ молодцы къ Случи спѣшили, къ городу Пилявѣ скоро приходили. —

— Зап. Ст. II. 1. 20-25.

Цѣлыя-ли это пѣсни, или отрывки, какъ-бы то ни было, важность ихъ неоспорима: во всякомъ случаѣ это отрывки изъ Лѣтописи народной памяти.

Разсматривая ихъ въ семъ отношеніи, должно обратить вниманіе на время, лица и событія о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь.

А. Время.

Оно очевидно. То 1648 годъ, та страшная година для Поляковъ, когда они, гонимые Козаками изъ Украины, принуждены были бѣжать за Вислу; та страшная година для Украинцевъ, когда

Вишневцы, сподвижники Князя Іереміи Вишневецкаго, бились съ ватагами Хмельницкаго, когда наконецъ Хмельницкій, не принявъ въ условій мира, предложенныхъ Адамомъ Киселемъ, выступилъ къ Пилявѣ, гдѣ ожидали его Ляхи съ Княземъ Владиславомъ Острожскимъ.

Б. Лица.

За исключеніемъ Хмельницкаго: Морозенко, Харченко, Вовгуря Лисенко и Сеиуха Бродникъ.

1. *Морозенко.* Вотъ лице чрезвычайно любопытное, столько же по недомолвкамъ о немъ нашихъ Лѣтописцевъ, сколько и по любви къ нему народной, — лице вполнѣ народное. Современникъ Хмельницкаго и Пушкаря, современникъ сотни другихъ славныхъ героевъ Козацкихъ, онъ затмилъ собою въ памяти народной всѣхъ ихъ; и въ наше время, когда народъ забываетъ самаго Хмельницкаго, употребляетъ имя Мазепы какъ имя нарицательное, смѣшиваетъ Палія

со Старостою Каневскимъ, Морозенко остается на своемъ мѣстѣ, самимъ собою и Рыцаремъ Запорожскимъ, и сказочнымъ чудакомъ.

Здѣсь я раскажу о немъ только то, что относится ко времени Хмельницкаго. Источники моего расказа, кромѣ Лѣтописей, пѣсни, сказки и статья О. С. Евецкаго.

Молодость Морозенка, какъ молодость всѣхъ рыцарей Козацкихъ неизвѣстна. Изъ его прозванія можно заключить только то, что онъ былъ сынъ какого-то Мороза.

Первые подвиги его были битвы съ Татарами. Вотъ что говорятъ объ этомъ

Пѣсни.

I.

— Изъ за горы, изъ за кручи возы ѣдутъ, скрыпятъ. Передъ ними Морозенко трубку куритъ, идетъ.

— Перестань-же, Морозенко, свою трубку курить. Иди съ нами, Козаками, горѣлочку пить.

— „Нѣтъ милые братья, вино мнѣ не пьется: надъ моей Украиной пребольшая орда вьется". —

Изъ этой пѣсни видимъ, что Морозенко былъ Атаманъ Коша: онъ имѣлъ свою Украину.

II.

— Вокругъ города Бендеръ накопаны шанцы. И поймали Морозенка по вечеромъ, утромъ.

Взяли его Морозенка подъ гордые боки; посадили Морозенка въ темницѣ глубокой.

Посадили Морозенка на столѣ тѣсовомъ; отобрали у него изъ за поаса червонцы.

— Ой, Морозъ, Морозенко, славный Козакъ! По тебѣ, по Морозенкѣ плачетъ вся Украйна.

Не такъ та Украйна, какъ славное войско! — Заплакала Морозиха (мать его) идучи на рынокъ.

И встрѣтила Морозиха трехъ Козаковъ изъ полку: — Старая, ты глупая!

Не плачь, не плачь, Морозиха! Еще твой сынъ не грустилъ. Иди съ нами Козаками, выпей меду, вина.

— Ой, что-то не пьется мнѣ, парни, медъ, вино. Гдѣ-то сынъ мой, Морозенко, мучится въ неволѣ.

— Такъ продавай, матушка, коровъ да воловъ; выкупай своего сына изъ тяжкихъ оковъ!

— Такъ продавай, матушка, быковъ да телицъ; выкупай своего сына изъ сырой темницы. —

Продавала Морозиха коровъ и воловъ; выкупала Морозенка изъ тяжкихъ оковъ.

Продавала Морозиха быковъ и телицъ; выкупала Морозенка изъ сырой темницы. — Зап. Стар. II. 1. 14-18.

И когда воротился Морозенко въ свою Украину — говоритъ преданіе — онъ пошелъ по всѣмъ куренямъ своимъ, ко всѣмъ ватагамъ, сталъ Панамъ молодцамъ молвить такія рѣчи: — Вы-де, молодцы, медъ пиво пьете, а братьевъ своихъ въ неволѣ забыли. Тамъ въ Бендерахъ въ глубокихъ ямахъ, безъ свѣта и воды, безъ хлѣба и вина мучатся они, залитые въ оковы. Лучше прежде въ Бендеры пойдемъ, городъ Бендеры огнемъ займемъ, братьевъ домой приведемъ, и тогда уже дружнимъ кружкомъ медъ, вино разопьемъ. — Спохватились Паны молодцы, коней сѣдлали, къ городу Бендерамъ путь держали. Со всѣхъ сторонъ, съ Днѣпра, со степей, городъ Бендеры зажгли, въ городъ вошли, стали Агарянъ бить и рубить, стали ихъ допрашивать: гдѣ ихъ товарищи въ неволѣ мучатся? Подвели ихъ къ самому берегу Днѣстра, отвалили колоду, ввели въ яму, — въ ямѣ Козаки кружкомъ сидятъ, спятъ — не спятъ, глядятъ — не глядятъ, и на

голосъ дружняго привѣта нѣтъ отвѣта. Вышли Паны молодцы, и только вышли, стали Турокъ бить и рубить, старыхъ малыхъ губить, за братьевъ мстить. —

Когда это было? мы напрасно будемъ допрашивать память народвую. —

Далѣе, когда въ 1648 году Вишневѣцкій казнями Православныхъ возбудилъ злобу Козаковъ, когда толпы ихъ разсѣялись отъ Днѣпра до Вислы, сражая повсюду Поляковъ, Уніатовъ и Жидовъ, Морозенко вмѣстѣ съ Остапомъ Павлюкомъ бродилъ по Подолю, и для забавы обрѣзалъ уши Жидамъ и Уніатамъ. — Обѣщай мнѣ по золотому за тридцать ушей, — говорилъ онъ Хмельницкому; — и, получивъ обѣщаніе, чрезъ мѣсяцъ получилъ отъ него болѣе 1000 злотыхъ. Павлюкъ не довольствовался ушами, — онъ наряжалъ шеи Жидовокъ и Полячекъ „червоными стричками“ т. е. срѣзывалъ у нихъ на шеѣ кожу: и Княгиня Четвертинская была его жертвой.

III.

Ляхи говорять, Турки говорять: Украина плачеть; а Украина не плачеть, съ Морозенкомъ скачеть.

Скачеть Украина, веселится Рада. Морозенко сразилъ Ляховъ и Турокъ: то ихъ услада.

Какъ-же прiѣхалъ Морозенко въ свою Украину: — будуть знать (молвить онъ) и малыя дѣти, какъ ее покину.

Будуть знать и малыя дѣти, будуть и дѣвицы, — ой, дѣвицы бѣдняжечки, какова за нихъ месть.

Такова за нихъ месть, каково мое войско. Узнали и Турки и Ляхи, какъ бѣжать въ тихомолку.

Скрыпка со свадьбы, а струны изъ руты: какъ заиграеть Морозенко, слышно на весь свѣтъ.

Какъ заиграеть Морозенко, запоють Ляхи: они знають Морозенка и по Жванцу. —

Эта пѣсня намѣкаетъ, что при взятіи Морозенкомъ Бендеръ, тамъ были и Поляки! — Зап. Стар. II. 1. 18-20.

Послѣдній куплетъ напоминаетъ о сраженіи Жванецкомъ, 1653.

Въ другой пѣснѣ воспѣвается походъ Морозенка подъ Сороку: этой пѣсни я не могъ достать.

II. *Харченко* — въ первый разъ встрѣчается около Кіева съ своей дружиной бьющаго Вишневцевъ. Пѣсня называетъ его Гайчурой и пышнымъ Паномъ, и заставляетъ его вести таборъ Хоружихъ. Лицо, можетъ быть, замѣчательное, но мало извѣстное, — вѣроятно Атаманъ гайдомакъ.

III. *Вовгуря Лисенко* — памятенъ и до селѣ народу своимъ варварствомъ. Преданіе говоритъ, что вся Польша страшилась его списа и ножа, и сколько Польша столько же и Украина. Изъ пѣсни видно, что его силы были велики: Козаки съ р. Роси и Соби, Козаки Сѣчи Тешлыцкой, Козаки съ Лысой горы,

Козаки съ р. Самари, — всѣ они принадлежали къ его дружинамъ. Лисенко имѣлъ свой станокъ, слѣдовательно былъ Кошевымъ Атаманомъ, — и вѣроятно въ Сѣчи Тешлыцкой.

IV. *Сёмуха Бродникъ.* Лѣтописи о немъ молчатъ. Изъ пѣсни видно, что онъ взялъ Немировъ, принадлежавшій Вишневѣцкому.

В. Событія.

Повторимъ вкратцѣ, что уже сказано въ Лѣтописи соображаясь со сказаніями пѣсень.

Войско Польское выступило къ Пилявѣ, — и Хмельницкій, пославъ просить помощи у Хана, двинулъ свои рати туда-же. Съ нимъ былъ Морозенко и Харченко. Неподалеку отъ Пилявы Козаки соединились съ Татарами. Хмельницкій, узнавъ огромность войска Польскаго, и боясь проиграть сраженіе, послалъ гонца къ Кошевому Атаману Ли-

сенку и къ Сёмухѣ Бродцику, чтобы они спѣшили съ своими вольными ратниками къ нему на помощь. Лисенко и Сёмуха быстро соединили свои дружины съ дружинами Хмельницкаго, — и Поляки принуждены были отступить.

4.

Битва Слуцкая.

Поляки отступили отъ Пилявы за Случь къ Константинову. Одинъ Вишневѣцкій помедлилъ отступленіемъ, между тѣмъ какъ его дружины руйновали Украину на Горыни, и часть ихъ уже спѣшила къ нему на помощь. Вишневѣцкій сразился съ Максимомъ Кривоносомъ, убилъ его, но былъ разбитъ Морозенкомъ, и бѣжалъ. Въ этой битвѣ палъ храбрый но осторожный рыцарь Козацкій Иванъ Бѣда. Вотъ что говоритъ объ этомъ

— Долго-ль вамъ, Паны, подъ Пилявою стоять? Не пора-ль вамъ, молодцы, двинуть свой таборъ?

Пора тебѣ, Морозенко, свой таборъ двинуть; пора, пора къ Горыни къ Вишневцамъ спѣшить.

Тѣ Вишневцы славные молодцы славно грабятъ Украйну, добрымъ часомъ, счастливымъ часомъ разоряютъ Православную вѣру.

— Не спѣшите, молвитъ Бѣда. — Еще будетъ время погибнуть; будетъ время потѣшить Ляховъ, сложить головы въ полѣ.

— Не спѣшите, — молвитъ Бѣда. — Вишневцы вздумали идти на насъ. — Бѣжитъ гонецъ: — ой, молодцы! Вишневцы уже на этомъ берегу.

На этомъ берегу станомъ стали, зовутъ Козаковъ. Рано дошелъ до Случи Максимъ Рокитнянскій.

Тогда Ляхи какъ стояли такъ и пропали; только одни Козаки въ трубы трубили.

Въ трубы трубили, оплакивали Пана Бѣду, оплакивали Пана Бѣду, погребали его. — Зап. Ст. II. 1. 26-27.

Максимъ Рокитнянскій — вѣроятно Кривоносъ. Если такъ, то онъ на Случи прежде разбилъ Ляховъ, и потомъ самъ былъ разбитъ.

О Иванѣ Бѣдѣ Лѣтописи молчатъ.

5.

Походъ въ Молдавію.

Дума.

— Съ низовій Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, войско Козацкое въ походъ выступаетъ, на коняхъ гарцуетъ, хоругви развѣваетъ. Только Богъ одинъ, только Богъ Святой знаетъ, что дума-

етъ, гадаетъ, что Хмельницкому на помощь помогаетъ.

То время было время чести, славы, Войсковой справы: Козаки тогда на смѣхъ себя не давали, враговъ ногами попирали.

Только Богъ Святой знаетъ, что Хмельницкій думаетъ, гадаетъ. Не знали того ни Сотники, ни Полковники, ни Атаманы Куренные; только Богъ одинъ, только Богъ Святой зналъ, что думалъ гадалъ, что Хмельницкому на помощь помогалъ.

То наши Козаки къ Днѣпру доходили, черезъ три рѣки переходили. Самъ Хмельницкій рушилъ прежде всѣхъ, въ Хотинѣ присталъ, у старшаго Полковника на квартирѣ сталъ, къ Молдавскому Воеводѣ письма писалъ, молвилъ такъ ему:

— Какъ будешь со мною, Панъ Ясновельможный, дѣло вести, что будешь гадать? Или соединишь свое войско съ моимъ, въ одинъ станъ станешь? Или будешь со мною биться? Или будешь по

уставу мириться? Или головы свои на позоръ отдашь? Или пригласишь насъ на пиръ-перемирье, половину Молдавіи въ подарокъ намъ дашь?

И Воевода Молдавскій это прочиталъ, думалъ, гадалъ; къ Гетману Потоцкому письма посылалъ, молвилъ такія слова: —

— Гетманъ Потоцкій! Разумъ твой — разумъ жены. Чѣмъ гоняться тебѣ за пышными пирами, лучше было-бы Гетмана Хмельницкаго съ собой и со мною мирить! Началъ онъ Молдавскую землю Молдавскою кровью поливать. —

И Ляхи изъ Сочавы бѣжали, думали гадали, Василію Молдавскому вѣсть подавали. Тогда Василій Молдавскій въ Яссы пріѣзжаетъ, молвитъ такія слова:

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы! Были когда-то вы очень ясны! Были когда-то вы очень красны! И не будете таковы, какъ придутъ Козаки! —

А Хмельницкій это разузналъ, въ Яссы пріѣхалъ, молвитъ такія слова:

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы? Были когда-то вы очень ясны! Были когда-то вы очень красны! Да теперь не таковы, какъ узнали Козаки! —

Такое-то Панъ Хмельницкій дѣло надѣлалъ: Польшу возмутилъ, Молдавцевъ побѣдилъ, Гетманщину повеселилъ.—

Изъ этой думы узнаемъ:

1. Что Хмельницкій участвовалъ въ этомъ походѣ Молдавскомъ, что отрицаютъ Лѣтописи.

2. Что онъ прибылъ въ Хотинъ, когда онъ былъ уже занятъ Козаками, и сталъ у старшаго Полковника. Легко можетъ быть, что Козаки пошли въ Молдавію двумя дружинами: первая съ Носачемъ, Дорошенкомъ и Пушкаремъ, вторая съ Хмельницкимъ. Походъ этой второй дружины описываетъ Дума.

Пѣсня на взятіе Яссъ поется отдѣльно.

Пѣсня.

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы! Были когда-то вы очень ясны; да теперь не таковы, какъ набѣжали Козаки.

Набѣжали Козаки; набѣжали Ляхи, убѣжали изъ Сотчавы четырьмя путями.

Набѣжали Козаки; набѣжали Волохи, убѣжали изъ Сотчавы на четыре года. —

— Зап. Ст. II. 1. 28-32.

На четыре года, т, е. до того времени, какъ по смерти Тимоѳея Хмельниченка, этотъ городъ вновь достался Молдавцамъ.

Возвращаясь изъ Молдавіи домой, Козаки ограбили Бендеры. Вотъ что говоритъ объ этомъ:

Пѣсня.

— Ой, въ городѣ, въ городѣ Бендерахъ бьетъ ключемъ вода, бьетъ ключемъ вода съ кручи. Собирались всѣ Запорожцы, звали бусурмановъ:

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ противъ Козаковъ стоять; а пригодно вамъ, бусурманы, Польшу покорять!

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ съ Ляхами въ мирѣ быть, а пригодно вамъ, бусурманы, помянуть свою долю.

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ съ Молдавцами мириться, а пригодно вамъ съ Казаками биться! —

Тогда-то на четыре поля Турки выходили, изъ ружей и пушекъ стрѣляли. Тогда-то Козаки молодцы на смерть Турокъ рубили.

И порубивши, взяли Бендеры, просили Гетмана Хмельницкаго: — Гетманъ Хмельницкій! Порадуй насъ! — такъ ему говорили они.

Тогда-то надъ Бендерами налетали орлы, сизые орлы, указывали Козакамъ добычу, указывали Козакамъ славу.

Тогда-то Ляхи изъ Бендеръ бѣжали, Турокъ и Молдаванъ однихъ оставляли,

указывали Козакамъ добычу, указывали Козакамъ славу.

Тогда-то Козаки Бендеры раззорили, набрали славы, — и съ Гетманомъ Хмельницкимъ возвратились домой! —
— Зап. Зтар. II. 1. 33—35.

Изъ этой пѣсни видимъ:

1. Что Бендерскіе Турки и Татары, Бендерщина или Бендерская орда — какъ называютъ Лѣтописцы — были защитниками Василія Лупулы.

2. Что Козаки ограбили Бендеры въ отмщеніе за это.

3. Что Хмельницкій былъ и при взятіи Бендеръ.

4. Что Хмельницкій не всегда позволялъ Козакамъ грабить города, иначе бы и въ этомъ случаѣ Козаки не просили его порадовать ихъ.

Обо всемъ этомъ Лѣтописи молчатъ.

6.

Битва Жванецкая.

Пѣсни:

I.

Ой, изъ города Немирова выходила гроза. Кравчина Запорожская къ Хотину спѣшила.

А въ Хотинѣ добрые люди знали себя, стали за одно съ Польскимъ Паномъ Іоанкомъ.

И не только стали за одно съ Поляками; стали съ ними за одно противъ Хмельницкаго.

Стали съ ними за одно, стали съ ними за одно; просили подъ Жванецъ Пана Болощина.

II.

— Будешь, будешь, Панъ Гетманъ, насъ почитать. Будешь землю Молдавскую добромъ вспоминать.

Будешь, будешь, Панъ Гетманъ знать, какъ землю Молдавскую покорять.

Будешь, будешь, Панъ Гетманъ, знать во что считать, какъ Студенку брать, сына защищать.

Будешь, будешь, Панъ Гетманъ, о томъ Бога молить, какъ подъ Студенцами становиться станомъ!

Выходи, выходи, Панъ Гетманъ, на Жванское поле: твоя-ль будетъ Украина, наше-ль будетъ Подолье?

Выходи, выходи, Панъ Гетманъ, къ Жванскому лѣсу: твоя-ль будетъ Украина, наша-ль будетъ Святая?

Выходи, выходи, Панъ Гетманъ, къ Жванскому лугу: твоя-ль будетъ Украина, наша ль будетъ Яруга?

Посвисни, посвисни, Панъ Гетманъ, какъ свиститъ вѣтеръ: твоя-ль будетъ Украина, нашъ-ли будетъ Хотинъ? —

Вышелъ Панъ Хмельницкій съ кравчиной подъ Жванцы: — прощайся-жъ, Ляхъ, съ Молдавской землей!

Вышелъ Панъ Хмельницкій подъ Жванцы съ Ханомъ: — гадай-же, Ляхъ, кто изъ насъ будетъ Паномъ?

Вышелъ Панъ Хмельницкій по Жванскому полю: спекли Ляхи каравай своему Подолью.

Вошелъ Панъ Хмельницкій до Святого лѣса: — другъ мой, Нечай, позови-ка Пана Яна. —

Позвалъ Нечай Ляховъ, будто вѣтеръ. За Днѣстромъ, за горою блеститъ Хотинъ.

Тогда Ляхи узнали, гдѣ имъ станомъ стать, какъ мириться съ Гетманомъ Хмельницкимъ.

— Зап. Стар. II. 1. 35-40. —

Отрывки эти довольно непонятны. Они ведутъ ко многимъ заключеніямъ, но едва-ли всегда справедливымъ. Ограничусь важнѣйшимъ.

1. На сраженіи Жванецкомъ Исламъ былъ съ Бѣлогородскими и Нагайскими ордами. Часть ихъ, Хотинская, вѣроятно, измѣнила Хмельницкому, передалась на сторону Поляковъ: такъ я понимаю пер-

вую пѣсню. Но кто такой Болощинъ? — Въ добрый часъ рѣшатъ другіе.

2. Съ Королемъ Польскимъ подъ Жванцемъ были Молдавцы. Ихъ-то Бандуристъ заставляетъ говорить Хмельницкому рацею угрозъ. Изъ нее узнаемъ, 1) что Хмельницкій имѣлъ намѣреніе завоевать Молдавію (ср. И. М. Р. 1. 334.) отмщая за смерть сына Тимоѳея; 2) что до сраженія Жванецкаго занялъ Подолье, Студеницу, Сороку (Святую, какъ называли Запорожцы), Ягругу, и намѣренъ былъ отъ Жванца идти къ Хотину, брать его.

3. Хмельницкій разбилъ Ляховъ, и Молдаване бѣжали въ Хотинъ: вотъ вѣроятно къ чему относится выраженіе пѣсни, что за Днѣстромъ, за горою блеститъ Хотинъ. Сравни статью Пр. Шармуа въ Жур. Мин. Народ. Просв. 1834. IV. 1—23.

7.

Смерть Хмельницкаго.

Объ этомъ есть двѣ думы, два важные документа, выражающіе въ рѣзкихъ чертахъ характеръ Хмельницкаго по понятію народному. Первая изъ думъ поется за Днѣпромъ, вторая по сю сторону Днѣпра: это обстоятельство дѣлаетъ ихъ еще болѣе занимательными.

Думы.

1.

Ой, пошла тяжелая горе-бѣда по всей Украинѣ, какъ смутно сталось въ городѣ Чигринѣ, что Панъ Гетманъ Богданъ Хмельницкій тяжело занемогъ. Собиралъ онъ къ себѣ всѣхъ старшинъ, Сотниковъ и Полковниковъ, и на Радѣ прощался со всѣми, Бога благодарилъ что оставляетъ Украину въ мирѣ, при-

ближаясь къ смерти; и такъ молвилъ: — Ой вы, Паны молодцы! храбрые Сотники и Полковники! Всѣ вы старшины Козацкіе молодецкіе! Нужно Вамъ Раду озвать, себѣ Гетмана избрать. Я уже крѣпко боленъ, къ смерти приближаюсь, долженъ милосердному Богу отдать свою грѣшную душу. —

Тогда Войсковые Козацкіе старшины, услышавши эти слова, приступили къ Богдану, горько горевали, такъ говорили:

— Уже-ли хочешь, Богданъ, насъ покинуть? Уже-ль хочешь оставить сиротою Украйну, отдать ее на позоръ врагамъ Ляхамъ? Уже-ли напрасна безсчастная Украина Бога молила, что-бъ Его могущая воля отъ ига Ляшскаго освободила ее, не давала ее на позоръ и поруганье невѣрныхъ, надѣлила ее долей? Уже-ль напрасно она Бога молила?

Услышалъ Богданъ эти слова, всей старшинѣ Козацкой такъ говорилъ:

— И Богу вѣдомо, и люди знаютъ, какъ правилъ я Украйной, какъ освобож-

дахъ, отъ ига Ляшскаго. Только Бога молилъ, что-бъ помогъ Онъ мнѣ. Теперь, Паны молодцы, я оставляю вамъ сына на вашу Раду, но не озываю Рады, не хочу своего голоса положить за него. Моего Юрія, пусть онъ и родной мой сынъ, не совѣтую избирать въ Гетманы: онъ и разумомъ слабъ, и здоровьемъ хилъ. Межъ вами есть много Сотниковъ и Полковниковъ, храбрыхъ товарищей. Изберите межъ собою Гетмана, и по его суду и судите и рядите. Только прошу васъ, Паны молодцы, не возмущайте міра въ Украинѣ, управляйтесь разумомъ, стойте всѣ за одно. Тѣмъ и стала страшна сила Козаковъ, что у всѣхъ у васъ, Паны молодцы, была одна и дума и воля. А тебѣ, храбрый Пушкарь, Полковникъ, завѣщаю: кого-бъ Паны молодцы ни избрали себѣ Гетманомъ, всякому говори свою думу, храни міръ въ Украинѣ, чти славу Козацкую! —

И досказавши эти рѣчи, Богданъ Хмельницкій молился Богу, кланялся Коза-

камъ Панамъ молодцамъ, — и успокоился на вѣки.

Ему-же Богдану и слава на вѣки межъ Козаковъ простыхъ и старшинъ, и межъ Царей и селянъ, и межъ Князей. Аминь.

II.

Взгрѣвала сѣдая голова Хмельницкаго, что при немъ нѣтъ ни Сотниковъ ни Полковниковъ: пришолъ часъ умирать, нѣкому утѣшить его. И кликнулъ онъ Ивана Выговскаго, Писаря Войсковаго.

— Иванъ Выговскій, Войсковой писарь! скорѣе бѣжи, письма пиши, что-бъ Сотники и Полковники пришли ко мнѣ, утѣшить меня хоть не много.

То Иванъ Выговскій Войсковой Писарь письма писалъ, ко всѣмъ посылалъ.

И Сотники и Полковники ихъ прочитали, все кидали, скоро-скоро къ Хмельницкому прїѣзжали. Ласково принялъ ихъ Гетманъ, такъ имъ говорилъ:

— Паны молодцы! Думайте, гадайте, Гетмана избирайте; а я старъ, болепъ, не могу быть болѣе Гетманомъ! Хотите, изборите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, или Григорія Костыря Миргородскаго, или Филона Чичая Кропивянскаго, или Мартына Пушкаря Полтавскаго. —

Услышали это Козаки, и горевали, и тяжко вздыхали, молвили такія слова: — Не нужно намъ ни Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорія Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Кропивянскаго, ни Мартына Пушкаря Полтавскаго. Хотимъ сына твоего, юнаго Юрія, рейстроваго Козака.

— Унего, Паны молодцы, разумъ молодъ; онъ не знаетъ обычаевъ Козацкихъ.

— Будемъ при немъ старыхъ людей держать; будутъ они его учить; будемъ его чтить, вспоминая тебя Гетмана, отца, нашего! — Услышалъ это Хмельницкій, и обрадовался, кланялся своею сѣдою головой, слезы лилъ. Скоро послѣ еще больше заболѣлъ Хмельницкій; прощал-

ся со всѣми, и отдалъ свою душу милосердому Богу.

Не черная гроза заволакивала ясное солнце; не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лугѣ. — Козаки Хмельницкаго погребали, по своемъ отцѣ рыдали. —

Здѣсь замѣтимъ:

1. Что послѣдняя Рада Хмельницкаго была 6 Августа, а умеръ онъ 15 Августа.

2. Что лѣтописи, приводя рѣчь Богдана, расписываютъ ее всякая по своему, и всѣ сходны съ думами во всемъ даже въ мелочахъ.

3. Что Антонъ Волочай, Григорій Костырь, Филонъ Чичай и Мартынъ Пушкарь, о которыхъ говоритъ вторая дума, были Полковники. Изъ нихъ Антонъ Волочай — Адамовичъ; Костырь — Лѣсницкій; Чичай — Джеджелей.

8.

Пугачъ.

Нынѣ народъ поминаетъ славу Хмельницкаго такою пѣснею:

Пѣсня.

Сталъ филинъ на могилѣ, и крикнулъ: пугу! Не дасть-ли Богъ Козакамъ хоть теперь отваги.

День и ночь ждемъ, нѣтъ поживы. Давно была! Уже не дождемся Хмельницкаго.

Ой, когда-то мы воевали, и больше не будемъ. Былаго счастья, былой доли по вѣкъ не забудемъ.

Заржавѣли сабли наши, нѣтъ курковъ у ружей. Только сердце Козацкое не боится Турокъ.

— Зап. Ст. II. 1. 46-47. —

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

ЧАСТЬ II.

— III —

****

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ; что-бы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 28 1838 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

Представляя на судъ любителей Украинской Исторіи этотъ новый опытъ моихъ трудовъ, составляющій продолженіе прежнихъ, изданныхъ въ 1833-35 годахъ, долгомъ почитаю означить главнѣйшіе источники, которые имѣлъ подъ рукою при составленіи этой книжки.

1. *Лѣтописи: — Конисскаго, Исторія Руссовъ, — Рогалевскаго, Краткій Лѣтописецъ, — Туманскаго, Лѣтопись, — Дзѣвовича, Лѣтопись, — Рубана, Малороссійская Лѣтопись, — Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ, — Лѣтопись отъ* 1506 *по* 1734, — *Описаніе Малой Россіи отъ* 1340 *по* 1754, — *Фамильная Лѣтопись Квитокъ, — Отрывки изъ разныхъ Лѣтописей, собранные Шафонскимъ.*

2. *Рукописныя Записки: — Описаніе Малой Россіи, Шафонскаго, — Записки о Малой Россіи, его-же, — Евецкаго Записка о Морозенкѣ, —*

Записки и Выписки касательно Слободскихъ Полковъ, Цебрикова,— Описаніе Харьковскаго Намѣстничества,— Разговоръ Хмѣльницкаго съ Байческуломъ въ Царствѣ мертвыхъ, — Выписки изъ Записокъ Миллера о Козакахъ, — Записки Гордона съ замѣчаніями.

Нѣкоторыя изъ сихъ Лѣтописей и Записокъ доставалъ я отъ Г-дъ Помѣщиковъ во время моей поѣздки къ порогамъ Днѣпровскимъ, и особенно обязанъ ГГ. Павловымъ, Райкевичу, Подольскому; другіе доставалъ въ Библіотекѣ Харьковскаго Университета, и въ Харьковской Публичной Библіотекѣ; наконецъ не могу не высказать моей признательности за помощь Г. Цебрикову, владѣющему богатымъ запасомъ разныхъ рѣдкостей по части Исторіи Украины, и радушно позволявшему мнѣ пользоваться всѣми своими сокровищами.

3. *Думы и Пѣсни. Въ* 1-*й Книжкѣ II части Зап. Стар. онъ напе-*

чатаны въ подлинникѣ. Здѣсь помѣщается ихъ переводъ съ замѣчаніями.

4. Преданія большею частію собраны самимъ мною во время моихъ поѣздокъ по Украинѣ. Нѣкоторыя сообщили мнѣ Г. Цебриковъ. Г. Подольская, Г. Есецкій и д.

5. Изъ Иностранныхъ писателей, болѣе всего пользовался я Нѣсецкимъ. Изъ отечественныхъ обязанъ многимъ Бантышу - Каменскому, котораго Исторія Малой Россіи обоихъ изданій должна быть драгоцѣнна для всякаго, кто занимается этимъ предметомъ, по богатству документальному.

6. Акты и Дипломатическія Записки, относящіяся къ событіямъ, расказываемымъ въ этой книжкѣ, можно найдти отчасти въ Исторіи Малой Россіи, отчасти въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ, въ полномъ Собраніи Законовъ, въ Исторіи Уніи и пр.

Въ этой книжкѣ я помѣстилъ сказанія только о тѣхъ лицахъ, ко-

торыя заслужили память народную въ народныхъ пѣснопѣніяхъ, исключивъ впрочемъ жизнеописаніе Мазепы. Надѣюсь въ скоромъ времени издать полное описаніе дѣлъ этого Гетмана. — Равнымъ образомъ отдѣльно изданы будутъ мною и жизнеописанія Брюховецкаго и Дорошенка. —

Что касается до способа изложенія, то я держался и въ этихъ сказаніяхъ того-же правила, какого и въ прежнихъ Лѣтописныхъ опытахъ моихъ: вездѣ, гдѣ только можно было, повторялъ дословно сказанія старыхъ Лѣтописцевъ; довѣрялъ имъ гдѣ онѣ не противорѣчили между собою, а гдѣ противорѣчили, выбиралъ сказаніе того Лѣтописца, котораго считалъ болѣе достойнымъ уваженія. Вообще я разсматривалъ сказанія Лѣтописцевъ какъ преданія, и какъ преданія передавалъ ихъ.

И. Срезневскій.

Харьковъ.
1835.

Запорожская Старина.

Сказанія Лѣтописцевъ

и

Преданія

о лицахъ и событіяхъ въ Украинѣ и Запорожьѣ отъ смерти Богдана Хмельницкаго до смерти Ивана Мазепы.

ВЫГОВСКІЙ И ПУШКАРЬ.

1657-1658.

I.

15 Августа 1657 года умеръ Богданъ Хмельницкій, оставляя своего молодаго, 16-тилѣтняго сына Юрія подъ опекой Войсковаго Генеральнаго Обознаго Носача, В. г. Судьи Лѣсницкаго и В. г. Писаря Ивана Выговскаго, и завѣщая Полковнику Полтавскому Мартыну Пушкарю — кого-бы ни избрали Козаки своимъ Гетманомъ, всякому говорить свою думу, хранить міръ въ Украинѣ, чтить Козацкую славу.

Юрій былъ молодъ; Юрій былъ слабый, немыслящій отрокъ, вѣчный рабъ воли своихъ любимцевъ, хоть и полный самоувѣренности въ свой умъ и силу воли. Таковъ былъ онъ юношей; такимъ встрѣтили его и раннія сѣдины — не горя сѣдины, а разгульной жизни, — и ни личная храбрость, его одушевлявшая хоть и рѣдко, ни сердце склонное отъ природы къ добру, ни та хитрость, которая заслужила ему еще въ дѣтствѣ любовь отца — ничто не помогало ему, когда онъ долженъ былъ защищать самъ себя. Отъ Юрія ничего добраго не могла ждать Украина.

Его старшіе опекуны — Носачь и Лѣсницкій — были такіе-же ничтожные люди, когда-то храбрые, когда-то любимые войскомъ, теперь уже пережившіе самихъ себя, уже искавшіе своего счастія въ томъ, что-бы покойно жить подъ чьей-нибудь защитой.

Оставались два человѣка изъ пяти, стоявшихъ во главѣ Гетманщины того

времени — Выговскій и Пушкарь, свѣжіе силами, полные надеждъ. И вотъ кто были они: —

Выговскій былъ Шляхтичь Польскій, славнаго роду Абданкъ, и служа съ молодыхъ лѣтъ въ войскѣ Короны, всегда отважно проливалъ свою кровь за отчизну, пока судьба указала ему путь въ Украину, пока дала ему саблю Козацкую, и вложила въ его умъ думу— быть на славу Козакомъ, какихъ бывало немного. Въ то время Украина начинала вооружаться противъ Поляковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Поляки выслали противъ него войско съ сыномъ Короннаго Гетмана Николая Потоцкаго, — въ этихъ Польскихъ рядахъ былъ и Выговскій. Поляки были разбиты у Никитина Рока и у Желтыхъ водъ, — въ числѣ плѣнниковъ Богдана былъ и Выговскій. Недолго спустя Выговскій былъ уже Козакомъ, любимцемъ Хмельницкаго, — и участь его была рѣшена. Умъ коварный, умѣнье говорить

красно и увлекательно, нравъ уживчивый, самолюбіе, презиравшее всѣмъ для достиженія предположенной цѣли, открыли новому Козаку путь широкій. Пріобрѣтши любовь и довѣренность Хмельницкаго, онъ быстро возвышался. Битва Желтоводская была 5 Апрѣля 1646 года, — а въ 1651 году Сентября 8 подъ договорными статьями Хмельницкаго съ Королемъ Польскимъ Выговскій подписался уже Писаремъ Войска Запорожскаго, Писаремъ — правителемъ всѣхъ письменныхъ дѣлъ Гетманщины. Съ тѣхъ поръ онъ былъ правою рукою Хмельницкаго, его лучшимъ совѣтникомъ, лучшимъ другомъ, и дѣлилъ съ нимъ вмѣстѣ труды и славу. Онъ уже не былъ Полякомъ, то есть — казался, что не былъ, и участвовалъ въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи къ Державѣ Русской съ такимъ видимымъ усердіемъ, что въ Москвѣ считали его почти столько-же важнымъ какъ самъ Гетманъ Хмельницкій, а Царь Алексѣй Михайловичъ

въ своихъ жалованныхъ грамотахъ Войску Запорожскому не забывалъ его имени ставить рядомъ съ именемъ Хмельницкаго. Послѣ 1654 года Хмельницкій препоручилъ все управленіе дѣлъ Выговскому, и Выговскій могъ самовольно править Украйной, какъ старшій, не опасаясь ни враговъ, ни суда. Онъ зналъ какъ поступать, — умѣлъ употреблять въ свою пользу и деньги, и лесть, и угрозы, и обѣты, умѣлъ однихъ заставить молчать, другихъ заставить говорить, и только сохранялъ видимую покорность къ Хмельницкому. Хмельницкій умеръ, — для Выговскаго отрылось новое поприще, отъ котораго онъ много надѣялся.

Не таковъ былъ Мартынъ Пушкарь, Полковникъ Полтавскій. Храбрый вождь на полѣ битвы, любимый всѣмъ Войскомъ, прославляемый за свои подвиги въ народныхъ пѣсняхъ, онъ былъ столько-же прямодушенъ, сколько и храбръ,— ненавидѣлъ своекорыстія, говорилъ всякому правду въ глаза, выводилъ на

чистую воду всѣ подлые замыслы и дѣла своихъ товарищей, не рѣдко саблею защищалъ свою правду противъ неправды другихъ. Вѣрный сынъ Украины, пылкій какъ юноша въ любви къ ней и къ правдѣ, онъ имѣлъ за себя Войско и противъ себя старшинъ, презиралъ ихъ враждою, и тѣмъ болѣе вооружалъ противъ себя.

Такимъ людямъ, какъ Выговскій и Пушкарь, досталось остаться первыми въ Украйнѣ по смерти Хмельницкаго, править ею, хранить миръ, чтить Козацкую славу. — Они не могли ужиться. Кому-нибудь изъ двухъ должно было сойдти съ поприща, по крайней мѣрѣ замолчать предъ своимъ товарищемъ, если не совсѣмъ погибнуть.

II.

Выговскій провозгласилъ Юрія Хмельниченка Гетманомъ, сталъ управлять Гетманщиной отъ его имени, и

умѣлъ склонить многихъ на свою сторону — кого обѣщаніями, кого страхомъ. Всѣ молчали предъ его волей, — не смолчалъ одинъ Пушкарь. Узнавши о его самовольномъ распоряженіи Гетманщиной, Пушкарь написалъ къ Выговскому: — Не намъ, товарищъ, съ тобою быть гетманами, наслѣдниками славнаго имени Богдана. Если Генеральный Судъ повѣрилъ тебѣ Юрія Хмельниченка, то храни его, а не дѣйствуй за него; остерегай его отъ худаго, а не дѣлай худаго его именемъ. Знай, что и на судью всей Украины есть судьи неслѣпые, ненѣмые, неувѣчные. — Можетъ быть, и прежде Пушкарь и Выговскій враждовали другъ съ другомъ; теперь должна была для нихъ начаться рѣшительная борьба, и она должна была открыть собою длинный рядъ междоусобій, ожидавшихъ Украину по смерти Богдана Хмельницкаго.

Кто знаетъ, что думалъ Выговскій, читая письмо прямодушнаго Пушкаря.

Въ иныхъ обстоятельствахъ онъ, можетъ быть, презрѣлъ-бы имъ; но не могъ презрѣть ими теперь: онъ надѣялся обратить его въ свою пользу. Притворясь оскорбленнымъ, Выговскій прочелъ письмо Пушкаря на первомъ засѣданіи Генеральнаго Суда. Онъ говорилъ, принося жалобу на неправую обиду: — Не какъ Выговскій, простой Козакъ, товарищь Войска Запорожскаго, прошу призору, а какъ опекунъ молодаго Гетмана, какъ избранный всѣмъ Войскомъ быть защитникомъ юноши. Дѣла мои всѣ предъ вашими глазами. Судите меня, и осудите невиннаго, если вамъ любо распрями поминать память вашего покойнаго Гетмана. — Выговскій надѣялся выиграть, и выигралъ: всѣ члены Суда взяли его сторону. Онъ могъ быть еще смѣлѣе.

Недолго спустя Выговскій получилъ позволеніе брать съ собою клейноты Гетмана, когда случай заставитъ его идти на войну; потомъ онъ сталъ

подписываться Гетманомъ »на той часъ Войска Запорожскаго«; наконецъ, удаливъ Юрія Хмельниченка въ Кіевъ будто бы на ученье, провозгласилъ себя Гетманомъ на три года, и началъ самовольно распоряжаться Войсковою казной. — Пушкарю-ли было молчать, и Пушкарь снова написалъ къ Выговскому такое-же ругательное письмо. Онъ писалъ къ Выговскому, что его крамолы довольно понятны, что его желаніе быть Гетманомъ не есть желаніе всего Войска; были и угрозы. Въ то-же время Пушкарь написалъ и въ Генеральный Судъ, извѣщая о дошедшихъ до него слухахъ, будто Выговскій захватилъ въ свое распоряженіе деньги не только Войска, но и лично принадлежащія Юрію Хмельниченку какъ наслѣднику отца (около 1,000,000, по словамъ Лѣтописей) — и окончилъ донесеніе такъ: — Странно, что Судъ ничего этого не знаетъ, или зная, позволяетъ собою шутить, и не помнитъ послѣдней воли Богдана. — Пушкарь

вспомнилъ и о Царѣ Русскомъ, Алексѣѣ Михайловичѣ, и послалъ къ нему въ Москву гонца Мартына Юнковича, извѣщая Его Царское Пресвѣтлое Величество о смятеніяхъ Украинскихъ. — Напрасно. Юнковичь былъ схваченъ и заморенъ голодомъ; а Генеральный Судъ не обратилъ никакого вниманія на донесеніе вѣрнаго сына Украины, если только оно дошло до него. Выговскій продолжалъ самовольничать попрежнему.

III.

Между тѣмъ въ Москвѣ, получивши отъ Кіевскаго Воеводы Бутурлина извѣстіе о кончинѣ Хмельницкаго, ничего не знали о томъ, что происходило въ Малороссіи. Это побудило Государя послать къ Генеральному писарю Выговскому и Старшинамъ выговоръ за неувѣдомленіе его о смерти Богдана. Выговоръ повезъ въ Сентябрѣ 1657 года Полковникъ Стрѣлецкій голова Арта-

мопъ Сергѣевичь Матвѣевъ съ дьякомъ Перфильемъ Оловянниковымъ.

Выговскій оправдывался тѣмъ, что въ самый день смерти Хмельницкаго онъ приказалъ-было ѣхать съ вѣстію объ этомъ тремъ служителямъ въ Москву, но что Старшины стали бунтовать и говорить, будто онъ, желая получить Гетманство, отправляетъ своихъ людей отъ себя, а не отъ всего Войска Запорожскаго, — и вотъ почему, прибавлялъ Выговскій, онъ ограничился извѣщеніемъ Кіевскаго Воеводы Бутурлина и Князя Ромодановскаго, прося ихъ донести обо всемъ Его Царскому Величеству.

Вслѣдъ за Матвѣевымъ прибыли въ Москву Козацкіе Посланники Есаулъ Юрій Миновскій и Сотникъ Ефимъ Коробка съ извѣстительнымъ письмомъ Выговскаго объ избраніи его Гетманомъ и съ просьбою къ Царю отъ всего войска Запорожскаго объ утвержденіи его въ этомъ достоинствѣ. Просьба была принята милостиво, — и Козацкіе Послан-

ники воротились въ Украину съ Царской милостивой грамотой и съ увѣдомленіемъ, что ближній окольничій и Намѣстникъ Ржевскій Богданъ Матвѣевичь Хитрово назначенъ для приведенія къ присягѣ избраннаго Гетмана.

IV.

Въ такомъ положеніи были дѣла на Украинѣ, когда Пушкарь созвалъ вольную Раду, и предложилъ на ней своимъ приверженцамъ обуздать силой оружія самовластіе Выговскаго: — Презрѣнный Полякъ владѣетъ нами: чего добраго! Онъ предастъ насъ опять въ руки Католиковъ, и снова настанетъ для нашей родины страшная година Гетмановъ Остряницы и Полтора-Кожуха. А мы уже-ли будемъ молча ему повиноваться, уже-ли добровольно предадимъ на поруганіе себя, женъ и дѣтей нашихъ, и склонимъ равнодушно наши головы подъ ярмо деспотовъ?—Такъ го-

ворилъ Пушкарь на вольной Радѣ. Согласились собирать дружины.

Предсказанія Пушкаря скоро стали оправдываться. Выговскому нѣчего было сомнѣваться въ полученіи достоинства Гетманскаго, — онъ сталъ думать о другомъ — о княжествѣ, надѣялся получить его съ помощію Хана Крымскаго и Поляковъ, и вошелъ съ ними въ переговоры. Дворъ Польскій обольстилъ его обѣщаніями, и вырвалъ у него клятву передать снова Украину подъ власть Поляковъ. Немного значила клятва Выговскаго, нетрудно было Выговскому забыть о ней; но эта клятва должна была быть для него самаго выгодна, и онъ далъ ее. Онъ готовъ былъ расточать клятвы, и умѣлъ ими пользоваться.

Предсказанія Пушкаря начали оправдываться, — и Пушкарь послалъ къ Царю доносъ съ гонцомъ Яковенкомъ, а самъ между тѣмъ началъ приготовлять дружины.

Грозна была туча, собравшаяся

надъ Выговскимъ; но онъ сумѣлъ предотвратить ее, — покрайней мѣрѣ на время, если не на всегда. Облекши себя личиною вѣрно-подданнаго, онъ извѣстилъ Царя, будто Поляки, соединясь съ Княземъ Ракочіемъ и Ханомъ Крымскимъ хотятъ напасть на Россію; ласково принялъ Боярина Хитрово, поспѣшившаго пріѣхать въ Украину для слѣдствія по доносу Пушкаря; повидимому смиренно каялся во всѣхъ своихъ проступкахъ, даже отказывался не только отъ Гетманства, но и отъ опекунства; — и успѣлъ дотого обмануть Бояръ, что его утвердили Гетманомъ. Въ Переяславлѣ на Радѣ Выговскій поклялся на Евангеліи служить вѣрно Царю Московскому; Митрополитъ Кіевскій Діонисій Балабанъ благословилъ его, и Хитрово вручилъ ему Гетманскую булаву.

А Пушкарь . . . Пушкарь уже выступилъ-было съ своей 20-титысячной дружиной, уже дошелъ-было до Лубенъ; но тутъ встрѣтился съ Бояриномъ Хит-

рово, выѣхавшимъ къ нему по просьбѣ Выговскаго, — и Царскій указъ, повелѣвавшій ему быть въ полномъ послушаніи у Выговскаго, принудилъ его возвратиться въ Полтаву. Презирая личной враждой и помня вѣрность Царю и вѣрность завѣту Богдана Хмельницкаго, онъ смирился, и только вотъ-что написалъ къ Выговскому: — Царь утвердилъ тебя Гетманомъ нашимъ: быть такъ. Я подъ твоимъ началомъ, и буду вѣрно служить тебѣ, — но помни, только до тѣхъ поръ, пока ты самъ не укажешь мнѣ пути идти противу долга присяги.

V.

Клятва вѣрности Царю Русскому и клятва вѣрности Королю Польскому мирились въ коварномъ сердцѣ Выговскаго; его правила чести позволяли ему смотрѣть на обѣ равнодушно и обѣ употреблять въ пользу. Онъ продолжалъ переговоры съ Поляками. Новыя тучи со-

бирались; но онъ надѣялся на себя и на свое счастіе.

Выговскій не могъ скрыть своихъ поступковъ отъ Украинцевъ. Замыслы его немногимъ были извѣстны; но дѣла его заставляли догадываться, что замыслы его злы, — и Украина стала волноваться. Начало тревоги положили храбрые Липчаевцы.

Липчаевцы, подобно Слободско-Украинскимъ Козакамъ, хранили твердо привязанность къ Царю Русскому. Многіе изъ нихъ погибли за это отъ Поляковъ, многіе замучены въ темницахъ Выговскимъ; но духъ, оживлявшій ихъ смѣлую кравчину, не упалъ отъ преслѣдованій. Во имя Царя и родины Липчаевцы не только выступали на Поляковъ, какъ на враговъ православія, но и грабили и разбойничали въ Польшѣ. Несчастія и правота Пушкаря и самовольство Выговскаго привлекли ихъ на сторону перваго противъ послѣдняго. Нѣсколько тысячъ вольныхъ ратниковъ яви-

лись къ нему, предлагая свои услуги, обѣщая истребить Выговскаго и весь родъ его, и всѣхъ друзей его. — Всѣ погибнемъ — говорилъ ихъ Атаманъ Ѳедоръ Линчай, — всѣ погубимъ наши души, но не погубимъ нашей родины, и не попустимъ погибнуть Гетманщинѣ отъ рукъ злодѣевъ. Богъ, Царь, твоя правота и наша сабля спасутъ тебя, — а Выговскаго да не будетъ. — Предводитель нѣкоторой части низовыхъ Запорожскихъ Козаковъ, Кошевой Гетманъ Барабашъ сталъ также на сторонѣ Пушкаря противъ Выговскаго. — Мятежъ народный готовъ былъ вспыхнуть.

Принимая въ Чигринѣ Пословъ Польскихъ, Шведскихъ и Волошскихъ, Выговскій могъ ждать недобраго и изъ Москвы. Пушкарь, не начиная военныхъ дѣйствій, отправлялъ къ Царю доносъ за доносомъ. Выговскій думалъ устрашить Пушкаря, какъ человѣка богобоязненнаго, властію духовною, неблагословеніемъ Митрополита Діонисія; но

отвѣтъ Пушкаря былъ таковъ: — Если Ваша пастырская милость будетъ карать своимъ неблагословеніемъ, то да караетъ она кого-либо, кто служитъ царямъ невѣрнымъ, а у насъ одинъ православный Царь. — Выговскій вздумалъ наконецъ самъ жаловаться Царю на Пушкаря, и съ такою жалобою отправилъ въ Москву Протопопа Максима Филимоновича, извиняясь между прочимъ передъ Царемъ въ томъ, что по причинѣ возмущеній и для охраненія Украины отъ Поляковъ, не можетъ быть самъ въ Москвѣ. Царь началъ уже сомнѣваться въ вѣрности Выговскаго и послалъ въ Чигринъ Подьячаго Якова Портомоина хоть и съ милостивою грамотой къ Гетману, но давъ ему приказаніе наблюдать за его поступками.

Выговскій надѣялся впрочемъ отогнать отъ себя всю бѣду.

Между тѣмъ какъ Пушкаревцы стали открыто бунтовать, Выговскій, пользуясь милостивой грамотой Царя,

послалъ къ нему Полковника Миргородскаго съ просьбою о помощи войскомъ противъ Пушкаря и Барабаша; а самъ велѣлъ Полкамъ Нѣжинскому и Стародубскому выступить противъ Пушкаревцевъ. Когда-же эти полки ослушались его приказа, отказавшись поднять оружіе противъ братьевъ-товарищей,— когда потомъ его наемное войско Сербо-Польское и Татарское при рѣкѣ Грунп и не подалеку отъ Полтавы было такъ разбито Пушкаревцами, что принуждено было обратиться въ бѣгство, оставя въ плѣну у Пушкаря много своихъ вождей и въ томъ числѣ 'Господаря Гадяцкаго Тимошу; тогда Выговскій нашелъ другое средство, болѣе сильное. Искусно распустилъ онъ слухъ, что Царь хочетъ сдѣлать важную перемѣну въ устройствѣ Войска Запорожскаго, убавить число Козаковъ и многихъ обратить въ драгуны, что уже высылаетъ свое войско для занятія Украины, съ тѣмъ что-бы съ его помощію начать свои распоряженія.

Это разглашеніе имѣло свое дѣйствіе. Напрасно Пушкарь разувѣрялъ Козаковъ: они вѣрили болѣе слухамъ для нихъ скорбнымъ, и отставая мало-помалу отъ Пушкаря, приставали все болѣе къ войску Выговскаго. — Почти въ то-же время Пушкарь и Барабашъ получили Царскія Грамоты со Стольникомъ Ольфимовымъ и дворяниномъ Волковымъ, запрещавшія имъ бунтовать, а Ромодановскому велѣно идти въ Украину для возстановленія тишины; между тѣмъ какъ Выговскій ожидалъ въ Гадячѣ Комиссаровъ Польскихъ для послѣднихъ переговоровъ.

Такъ Выговскій устраивалъ свои дѣла, и выслалъ на Пушкаря свою громадную толпу.

VI.

Не время уже было Пушкарю смириться. Онъ зналъ, какъ жестоко Царь обманутъ, предвидѣлъ послѣдствія,

надѣялся на милость Царскую, а можетъ быть уже не надѣялся на свою силу, которая безпрестанно слабѣла, между тѣмъ какъ сила Выговскаго все болѣе расла. — Что будетъ, то будетъ, а мы идемъ, — писалъ Пушкарь къ Царю, увѣряя, что не жалѣетъ своей жизни за Его Величество, и за него поднялъ оружіе.

Города, села, храмы Господни въ Восточной Украинѣ пылали, Татары грабили беззащитныхъ, уводили въ плѣнъ, а Поляки убивали; и наконецъ у Липовки сошлись рати Выговскаго и Пушкаря. Битва была грозная; но Пушкаревцевъ было мало, а Выговцовъ несчетное множество, — храбрость уступила силѣ, Пушкаревцы отступили къ Полтавѣ. Черезъ нѣсколько дней Выговцы осадили Полтаву . . . .

Помолился Пушкарь Богу на побѣду и на погибель, и началъ послѣднее дѣло. Искусно и храбро онъ повелъ его. Во время одной вылазки онъ успѣлъ,

несмотря на малочисленность своего войска, отнять не только пушки и весь обозъ у своего врага, но и Гетманскую булаву; а въ другой разъ обратилъ самого Выговскаго въ бѣгство. Но ни искуство, ни храбрость не помогали. Къ Выговскому подоспѣла новая помощь — 40,000 Татаръ подъ Начальствомъ Карамбея, а въ Полтавѣ умирали отъ голоду; Выговскій приказалъ зажигать окружные хутора и пригородки, а въ Полтавѣ нѣчемъ было тушить домовъ городскихъ, подожженныхъ лазутчиками Выговскаго. Полтава запылала, — и не было возможности ее защищать. У Пушкаря были еще дружины за Полтавой; но онъ не могъ извѣстить ихъ о своей бѣдѣ. Пушкарь собралъ на площади своихъ остальныхъ воиновъ, прощался съ ними, увѣрялъ, что ненаказанный ими Выговскій будетъ наказанъ самимъ Богомъ, принялъ отъ своихъ вѣрныхъ товарищей предсмертную клятву честію умереть за родину, — и грудью

встрѣтилъ вломившихся въ Полтаву Выговцевъ. — Такой сѣчи небыло и не будетъ, какова была эта Полтавская — Августа 19-дня 1656; не будетъ и такихъ храбрыхъ и честныхъ Козаковъ, какъ Пушкарь и его товарищи. — Всѣ они пали; палъ и Пушкарь, изнемогшій отъ ранъ, — и безвѣстная могила приняла остатки этого рыцаря великодушнаго, благодушнаго и неподвижнаго въ вѣрности къ Царю и родинѣ.

Оставались еще дружины, преданныя дѣлу Пушкаря подъ Лубнами и Гадячемъ, и взяли эти города. Выговскій отрядилъ туда Полковника Нѣжинскаго Григорія Гуляницкаго: города осаждены, и подобно Полтавѣ взятые приступомъ преданы огню и мечу. — Нѣсколько сотъ Пушкаревцевъ, стоявшихъ подъ Глуховомъ, также всѣ погибли.

Царское войско съ Княземъ Ромодановскимъ вступило-было въ Украину; но Выговскій поспѣшилъ поблагодарить Царя и извѣстить его, что онъ уже не

имѣетъ нужды во вспомогательномъ войскѣ, — и Ромодановскій получилъ повелѣніе возвратиться.

Выговскій освободился отъ врага соперника, — и могъ теперь безъ препоны продолжать свои замыслы . . . .

Когда нибудь раскажу, что дѣлалъ онъ на Украинѣ послѣ погибели Пушкаря, какъ передался Польшѣ, какъ измѣнилъ Царю Русскому, какъ сдѣлался Сенаторомъ и Воеводою Русскимъ, какъ потомъ бѣжалъ въ Польшу, и какъ наконецъ погибъ отъ рукъ самихъ Поляковъ: Пушкаря не стало; но Пушкаревцы должны были восторжествовать.

Подробности о Выговскомъ и Пушкарѣ взяты мною изъ Разговора Хмельницкаго съ Байческуломъ, изъ Лѣтописи Дзѣвовича, Сказаній о Гетманахъ Малороссійскихъ, изъ Записокъ Шафонскаго. Кое-что дополнено изъ Исторіи Малой Россіи. — Въ концѣ книжки помѣщены Пѣсни въ Русскомъ переводѣ, объясняющія сказанія Лѣтописцевъ: N 1 и 2.

ЮРІЙ ХМЕЛЬНИЧЕНКО.

1658-1680.

I.

Было у Богдана Хмельницкаго два сына, и ни одному не досталось въ удѣлъ быть наслѣдникомъ славы отца. Старшій сынъ, Тимоѳей, храбрый и благородный юноша, погибъ еще при жизни отца; а Юрій, младшій сынъ, и долго жилъ, да нетакъ прожилъ свою жизнь, какъ ждалъ отецъ, какъ надѣялась Украина.

Шестнадцатилѣтнимъ юношей остался онъ по смерти Богдана Хмельницкаго. Ему ничего не недоставало ни денегъ, ни любви народной; недоставало только воли,

характера. Онъ былъ все еще дитя. Онъ объявленъ Гетманомъ; а до времени совершеннолѣтія его назначена опека, и опекунами избраны Войсковой Обозный Носачь, Войсковой Судья Лѣсницкій и Войсковой Писарь Выговскій. Выговскій былъ умнѣе, лукавѣе другихъ, и сдѣлался его любимцемъ, его умомъ и волей. Не довело это до добра: Выговскій отослалъ Юрія въ Кіевъ учиться; а самъ сдѣлался Гетманомъ. Юрій не учился, а гулялъ; не имѣя сильныхъ друзей, не умѣлъ, не могъ самъ ничего предпринять, хоть и сожалѣлъ о потерянной булавѣ; гулялъ, и въ разгульѣ забывалъ свое горе. Такъ прошло два года.

Между тѣмъ Выговскій гетманствовалъ, погубилъ Пушкаря и съ нимъ много подобныхъ ему, вѣрныхъ сыновъ Украины, измѣнилъ Царю, передался на сторону Поляковъ, заключилъ съ ними договоръ въ Гадачѣ 6 Сентября 1658 года, вооружилъ противу себя Украину, — и вотъ-когда уже открылся Юрію случай

явиться на родинѣ лицемъ дѣйствующимъ. Липчаевцы, мстя за смерть Пушкаря Выговскому, рѣшились выбрать Юрія своимъ начальникомъ, надѣясь, что имя его заставитъ многихъ послѣдовать ихъ примѣру, и дастъ имъ счастье отнять у Выговскаго булаву Гетманскую и погубить его, какъ они обѣщали когда-то Пушкарю. Липчаевцы не ошиблись: вслѣдъ за ними къ Юрію пристали многіе Полки Заднѣпровскіе, — и Выговскій принужденъ былъ бѣжать изъ Украины. — Юрій сосредоточилъ на себѣ вниманіе, надежду всей Гетманщины. Онъ долженъ былъ сдѣлаться Гетманомъ, и сдѣлался.

Какимъ Гетманомъ — это зависѣло не отъ него, а отъ его любимцевъ. Къ счастію Украины любимцы Юрія были въ это время Полковникъ Нѣжинскій Василій Золотаренко и Яковъ Самко, »лыцарь Его Пресвѣтлаго Царскаго Величества товарищъ статный«: они были удатные люди, любили Украину, — съ ними и Юрій былъ удатенъ, и любилъ Украину.

Не мудрено, что онъ показалъ себя славнымъ Гетманомъ.

Едва только освободившись отъ Выговскаго, онъ встрѣтилъ новаго честолюбца въ Полковникѣ Переяславскомъ Тимошѣ Цюцюрѣ, который, вооружась предъ-тѣмъ противъ Выговскаго и Поляковъ, призванныхъ имъ въ Украину, такъ счастливо повелъ свое дѣло, что жестоко разбилъ Поляковъ подъ Нѣжиномъ, заставилъ ихъ бѣжать изъ Чернигова и изъ другихъ городовъ Украинскихъ, и, содѣйствуя болѣе другихъ къ освобожденію Украины отъ Поляковъ, вздумалъ искать Гетманства. Юрій не зналъ, что дѣлать, горевалъ, — и сдѣлалъ однако такъ, какъ не ожидалъ и самъ Цюцюря: онъ отрядилъ противъ него Самка, разбилъ и принудилъ отказаться отъ его замысла на обладаніе булавой.

Потомъ, когда Король Польскій старался преклонить Юрія на сторону свою, Юрій опять не зналъ, какъ быть,— принялъ ласково Воеводу Волынскаго, и

обѣщался Королю служить вѣрно; но и этотъ поступокъ Юрія можно было послѣ считать выдумкою недоброжелателей. Честно отпустивши Воеводу Волынскаго, онъ увѣдомилъ о его пріѣздѣ къ нему Царя, а къ Потоцкому писалъ, чтобы онъ немедля вышелъ съ своимъ Польскимъ войскомъ изъ Украины. Когда-же Потоцкій не почелъ нужнымъ послушаться, Юрій и противъ него послалъ войско, и Потоцкаго выгнали насильно, заставивъ его проиграть нѣсколько кровопролитныхъ сраженій.

Оставалось Юрію для полнаго утвержденія въ Гетманскомъ достоинствѣ получить на это согласіе Царя Алексѣя Михайловича. И въ этомъ дѣлѣ сначала Юрій поступалъ противъ своихъ выгодъ, не соглашался ѣхать въ Переяславль къ Князю Трубецкому для присяги Царю, будто боялся Русскихъ, предлагалъ условія присяги, несообразныя съ прежними договорными статьями, которыя признаны были Богданомъ Хмельницкимъ, и вообще,

казалось, не рѣшался сдѣлаться подданнымъ Царскимъ. Но и здѣсь дѣло кончилось не такъ какъ шло, и кончилось совершенно выгодно для Юрія. Въ Переяславлѣ, какъ желалъ Царь, собралась Рада Войсковая, на ней выбрали Гетманомъ Юрія, и 17 Октября 1659 года Юрій присягнулъ въ вѣрности Царю, обязываясь хранить статьи договора 1654 года и новыя статьи, утвержденныя имъ въ дополненіе къ тѣмъ статьямъ. По этимъ новымъ статьямъ Гетманъ, съ согласія всей Рады, обязался — всегда быть готовымъ со всѣмъ войскомъ, куда ни будетъ Его Царское изволенье, — безъ мотчанья посылать полки на Государеву службу, куда Царь укажетъ, — сохранять вѣрность Царю не предаваясь Полякамъ и казня возмутителей, — никогда не ходить на войну безъ повеленья Царскаго, никому не позволяя идти на помощь инымъ Царствамъ подъ опасеніемъ наказанія, — въ Войско не принимать никого кромѣ православныхъ христіанъ, — никого изъ

начальныхъ людей самовольно не карать безъ высланнаго на судъ отъ Царскаго Величества, — бѣглецовъ Русскихъ и Литовскихъ не принимать въ Войско и запрещать переселяться изъ Украины въ Литву, наказывая смертію ослушниковъ, — и пр. Тутъ-же было постановлено, что-бы ни Гетманъ самовольно не выбиралъ и не свергалъ съ достоинства старшинъ Войсковыхъ, ни Гетмана Войско непеременяло безъ указа Царскаго. Въ городахъ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ и Умани положено жить съ ратными людьми Русскимъ воеводамъ, коимъ запрещено вступаться въ Войсковыя права и вольности. — Слѣдствіемъ присяги Юрія было устроеніе Войска Запорожскаго, правильное раздѣленіе на полки и реестрованіе всѣхъ Козаковъ; а Универсаломъ Гетманскимъ подтвержденъ старинный обычай — всѣ важныя дѣла рѣшать на Радѣ и на Радѣ избирать старшинъ не иначе какъ изъ природныхъ Козаковъ, а не изъ новокрещенныхъ ино-

земцевъ. Миръ и тишина водворились въ Украинѣ, строго наблюдалось Правосудіе, а мятежные Уніаты за Днѣпромъ были искусно усмирены. Украина отдохнула, и благословляла Юрія.

Ненадолго — сказалъ-бы всякій, кто зналъ Юрія; ненадолго и было. Возобновились военныя дѣйствія съ Поляками, стихшія было со-времени бѣгства Выговскаго въ Польшу, возобновились ихъ предложенія Юрію искать покровительства подъ Короной Польской, перемѣнились любимцы у Юрія, — и все пошло иначе.

Военныя дѣйствія въ 1660 году начались въ Литвѣ, которая занята была тогда Русскими съ Княземъ Хованскимъ. Полководцы Польскіе Чарнецкій и Сапѣга, разбивъ авангардъ Русскій у Словима, пошли къ Ляховичамъ, разбили здѣсь Хованскаго 28 Іюня, заставили его отступить къ Полоцку, и овладѣли Вильной и большею частію Литвы. Между тѣмъ другое войско Польское съ Потоцкимъ

и Любомирскимъ пошло въ Украину. Сначала-было Шереметевъ съ Русскими и Козаками сразилъ ихъ подъ Дубномъ и угрожалъ Польшѣ; но вѣсти изъ Литвы, вѣсти о союзѣ Татаръ съ Поляками, впаденіе Татаръ въ Украину, возмущенія Козаковъ измѣнили ходъ обстоятельствъ: Русскіе отступили, отдѣлились отъ Козаковъ, потеряли другъ друга, были нагнаны Потоцкимъ у Любартова на Случи, разбиты и преслѣдуемы до Чуднова, гдѣ снова разбиты и гдѣ Шереметевъ утвердилъ присягою постыдный для Русскихъ договоръ, попался въ руки Татаръ, и двадцатилѣтнимъ плѣномъ долженъ былъ искупить позоръ свой и своего войска. Въ то самое время когда Потоцкій имѣлъ дѣло съ Шереметевымъ, Любомирскій сражался съ Козацкимъ войскомъ, которымъ начальствовалъ самъ Юрій; для Козаковъ тутъ было не лучше какъ съ Шереметевымъ, а Юрію была со всѣмъ бѣда Онъ не зналъ какъ быть. страдалъ отъ нерѣшимости, метался во всѣ сто.

ровы, у всѣхъ требуя совѣта и за совѣты награждалъ наказаніемъ, какое въ голову ему приходило — кого приказывалъ оковать и бросить въ темницу, кого посадить на колъ. Онъ рѣшался уже отступить отъ Царя и предаться на сторону Поляковъ; но когда ему Полковникъ Коломій привезъ статьи условій отъ Любомирскаго, онъ приказалъ убить его, и изорвалъ статьи. Наконецъ въ Слободищахъ завязалось рѣшительное сраженіе. Поляки овладѣли Козацкимъ станомъ, и поражали цѣлый день Козаковъ. Юрій дошелъ до отчаянія, далъ обѣтъ постричься въ монахи, если избѣгнетъ погибели; а потомъ рѣшился на то, отъ чего, можетъ быть, волосы стали у него дыбомъ отъ боязни Царской опалы; самовольно пошелъ онъ въ станъ Польскій и предался въ руки Любомирскаго. Разумѣется, его обласкали, оживили его замиравшее сердце обѣщаніемъ милостей Королевскихъ; а потомъ заставили подписать договоръ, подобный Гадяцкому, 18 Сентября 1660 года. Юрій

съ радостію подписалъ его, предавая власти Короля всю Украину и себя, и обязываясь помогать Полякамъ изгонять изъ Украины Русскихъ, — съ радостію, потому-что это примиреніе съ врагами своими онъ отпраздновалъ пиромъ, заставляя батогами Козаковъ пѣть пѣсни и плясать на забаву Полякамъ.

Опять прояснѣло на сердцѣ и въ умѣ слабодушнаго Юрія. Его не тревожило, когда Поляки овладѣли Украиной, когда Іезуиты и Жиды снова, какъ бывало въ годину Уніатской войны, стали руйновать православную вѣру: Юрій сдѣланъ Гетманомъ Заднѣпровской Украины, а любимцу его Мартыпцу обѣщано Гетманство Гадяцкое Восточной Украины. Его не потревожило и счастіе Самка съ Золотаренкомъ и Силичемъ, которые соединили свои войска, привлекли на свою сторону многихъ другихъ Полковниковъ, и изгнали Поляковъ изъ Восточной Украины: Самко былъ Наказной Атаманъ и могъ сдѣлаться Гетма-

номъ; но Юрій не переставалъ надѣяться на Поляковъ, надѣяться, что они успѣютъ раньше или позже овладѣть опять Украиной и дать ему Гетманскую булаву. Прояснѣла душа Юрія до новой бѣды, а бѣды ему ждать было недолго.

И вотъ въ какомъ состояніи была Украина въ 1661 году, когда Царь сталъ помышлять, кого избрать Гетманомъ: — Юрій оставался Гетманомъ Чигиринскимъ подъ властію Польши; въ Понизовьи властвовалъ Иванъ Мартынецъ, ушедшій отъ Юрія, потерявши надежду на Гадяцкое Гетманство; по сію сторону Днѣпра Наказной Атаманъ Самко враждовалъ съ Золотаренкомъ, прежнимъ своимъ другомъ, и оба искали у Царя милости и Гетманской булавы. И всюду въ Украинѣ сражались: Юрій съ Цецюрой, домогавшимся также Гетманства, — Мартынецъ съ Татарами, съ Самкомъ, съ Поляками, — Самко съ Золотаренкомъ и съ Поляками. Всюду сражались, и ни

зима, ни переговоры не прерывали длинной цѣпи битвъ. Тутъ снова началась бѣда для Юрія.

Въ 1661 году зимою Юрій съ своими Козаками и Татарами перешелъ черезъ Днѣпръ къ Трубежу, и осадилъ Переяславль, — Самко встрѣтилъ его, разбилъ и заставилъ бѣжать: вотъ чѣмъ началась бѣда Юрія. Въ Январѣ 1662 года Юрій нанялъ Татаръ, и снова перешелъ за Днѣпръ, — Золотаренко разбилъ Татаръ у Нѣжина и Стародуба, Самко — самаго Юрія у Хотомли и Ирклеева, и опять заставилъ его спасаться бѣгствомъ: часъ-отъ-часу Юрію было хуже. Весною однако Юрій снова явился у Переяславля съ сильнымъ войскомъ, обложилъ его, — но снова разбитъ Самкомъ, и снова бѣжалъ. Юрій готовъ былъ помѣшаться: три не удачи, одна другой хуже, и нѣтъ надежды; а жажда властвовать мучитъ, мучитъ и раскаяніе, что измѣнилъ присягѣ Царю. Рѣшился онъ еще разъ попытать счастія, и, воспользовавшись

битвами Самка съ Татарами, успѣлъ наконецъ овладѣть Переяславлемъ. Удача молніей освѣтила его черную думу: онъ оставилъ въ Переяславлѣ часть войскъ, и пошелъ къ Гадячу. Удача только молніей освѣтила его черную думу: Самко быстро явился подъ Переяславлемъ, взялъ его, бился жестоко и отчаянно, получилъ отъ Ромодановскаго вспоможеніе, напалъ на Юрія, и погналъ его и Татаръ за Днѣпръ къ Каневу. Этимъ дѣло не кончилось: Юрій окопался близь Канева;— Русскіе и Козаки окружили его станъ, овладѣли имъ 16 Іюля, разбили Поляковъ, присланныхъ Королемъ на помоць Юрію, разбили Татаръ, прогнали Юрія, и взяли Каневъ, потомъ Черкасы и другія мѣста. У Юрія нашлась - было еще рѣшимость сопротивляться, и нашлось счастье разбить Русскій отрядъ подъ Бужиномъ; но это былъ на этотъ разъ послѣдній взрывъ молвіи: оставленный Поляками безъ помощи, оставленный любимцами безъ совѣта, безъ соучастія, мучась ожи-

даніями несчастій, не зная что предпринять, онъ вспомнилъ о своемъ обѣтѣ сдѣлаться инокомъ, удалился въ Жидичинскій монастырь, и подъ монашескимъ клобукомъ, ставши изъ Юрія Гедеономъ, искалъ спасенія и утѣшенія въ обманутыхъ надеждахъ въ молитвѣ. Юрій молился, — Юрій, которому было только съ небольшимъ 21 годъ, молился монахомъ. . .

II.

Прошла одна половина жизни Юрія; оставалась другая. Молитвой кончилъ онъ одну, — успѣетъ-ли кончить и другую молитвой!

Не надѣялся Юрій на это: не могъ онъ остаться равнодушнымъ къ булавѣ и бунчуку, хоть и онѣ ему также были къ лицу, какъ власяница и клобукъ. — Отмолившись, утѣшившись, онъ снова задумалъ думу Юріевскую, забывая что онъ уже Гедеонъ.

Инокъ Гедеонъ, онъ началъ свою иноческую жизнь тѣмъ, что переходилъ

изъ монастыря въ монастырь, велъ дурную жизнь, болѣлъ, крамольничалъ, — каялся, и снова предавался прежнему. Сыскались люди, которые заставили его сожалѣть о его добровольномъ вступленіи въ монастырь, завидовать Павлу Тетерѣ, который гетманствовалъ послѣ него въ Заднѣпровской Украинѣ, будучи покорною слугою Поляковъ, между тѣмъ какъ Иванъ Мартынецъ сдѣлался въ 1663 Гетманомъ Восточной Украины, управлялъ самовластно ею подъ зависимостію Царя Московскаго, которому присягнулъ въ Ноябрѣ 1663, и вмѣстѣ съ Русскими сражался противъ войскъ Польскихъ, перешедшихъ черезъ Днѣпръ подъ предводительствомъ самаго Короля. Сыскались совѣтники и помощники, предложившіе ему свои услуги противъ Тетери: голова Юрія помутилась; рука подписала универсалъ, приглашавшій Козаковъ собираться подъ знамена его, подъ знамена Гулявицкаго. уже собравшаго за Юрія толпу Козаковъ, — началось дѣло. Это

было въ концѣ 1663 года, а въ 1664 году . . .

Юрій снова оплакивалъ свою судьбу — въ темницѣ Маріенбургской: оклеветанный Тетерей, мстившимъ ему за его желаніе отнять у него булаву, онъ былъ взятъ Поляками подъ стражу изъ Мошнинской пустыни, въ которой тогда ожидалъ сбора своихъ сообщниковъ, — и поѣхалъ въ Маріенбургъ. Тамъ нашлась тюрьма и для него, и для Гуляницкаго, и для Митрополита Кіевскаго Іосифа Тукальскаго. Такъ прошло еще три года.

Когда Юрій возвратился въ Украину въ 1667 году, вмѣсто Опары, заступившаго мѣсто Тетери Гетманомъ Чигиринскимъ былъ уже, съ 1665 года, Петръ Дорошенко, когда-то бывшій въ числѣ любимцевъ Юрія и подписавшій вмѣстѣ съ нимъ Слободищанскій договоръ 1660 года съ Поляками; а на Востокѣ, по сію сторону Днѣпра все еще владычествовалъ Иванъ Мартынецъ: этотъ оставался вѣрнымъ Царю, заключивъ съ нимъ въ 1665

новыя договорныя статьи; а тотъ на условіяхъ Гадяцкаго договора 1658 года подчинился Польшѣ, но, послѣ Андрусовскаго мира Польши съ Россіей въ 1667 (Января 3), вступилъ въ переговоры съ Русскими, уже прежде сблизившись съ Татарами и Турками, обманывалъ всѣхъ — и Поляковъ, и Русскихъ, и Хана, и Султана, и искалъ быть независимымъ.-Когда-же я буду Гетманомъ? Юрій спросилъ однажды у Дорошенка, — и этого одного вопроса было достаточно, что бы для Юрія прошелъ еще годъ не лучше Маріенбургскихъ годовъ: Дорошенко былъ остороженъ, дорожилъ своимъ гетманствомъ умнѣе другихъ, не могъ не остерегаться Юрія, къ которому имя отца привлекало все еще многихъ; Дорошенко сдѣлалъ Юрія Архимандритомъ, но держалъ при себѣ, не спуская съ него своихъ проницательныхъ глазъ. Не разъ видали молодаго двадцати шести лѣтняго Архимандрита въ слезахъ, какъ дитя, у бунчука Дорошенкова, и недаромъ

говорили, что Архимандритъ Гедеонъ плохой пастырь. Къ чему не доведетъ горе! Юрій былъ тогда уже сѣдъ, и въ 26 лѣтъ казался старикомъ исчахлымъ, поблекшимъ... Юрій былъ добръ отъ природы, малодушенъ и труслквъ еще болѣе, — не мудрено, что его не переставало мучить хоть изрѣдка раскаяніе въ томъ, что онъ измѣнилъ Царю, измѣнилъ присягѣ, данной на Евангеліи — и такой присягѣ, которая дѣлала его Гетманомъ Украины, которая дала ему славу и нарушеніе которой повело его къ тысячѣ бѣдъ. Была однажды въ Чигринѣ торжественная служба; служеніе совершали Митрополитъ Іосифъ и Архимандритъ Гедеонъ; на эктеніяхъ поминали Короля Польскаго, но когда при выносѣ Св. Даровъ, случилось и А. Гедеону поминать власти, онъ помянулъ — Великаго Государя Всероссійскаго.

Прошло болѣе года. Иванъ Мартынецъ дубьемъ былъ убитъ въ Опошнѣ отъ народа; Запорожцы, не смотря на то

что Гетманомъ долженъ былъ быть Многогрѣшный, провозгласили вмѣсто его Гетманомъ Суховія; Суховій соединился съ Ханенкомъ противъ Дорошенка, а потомъ успѣлъ склонить на свою сторону и Юрія. Враги сошлись подъ Стеблевымъ, — Дорошенко одержалъ верхъ, разогналъ воиновъ Суховія, и Хмельницкій снова попался въ руки Дорошенка. Архимандритъ падалъ въ ноги Гетмана, молилъ простить его, — и посланъ окованнымъ въ Константинополь. Въ Семибашенномъ замкѣ сыскалось для него мѣсто такое-же покойное, какъ прежде въ Маріенбургѣ. Тамъ встрѣтилъ онъ 1670 годъ, — тамъ провелъ онъ цѣлые 7 лѣтъ. Чего не надумаешь, сидя въ тюрмѣ! надумалъ и Юрій свое, надумалъ надежду на свое малодушіе: надѣясь склонить Султана въ свою пользу, если приметъ Мугамеданскій законъ, онъ не устыдился сдѣлался отступникомъ—Мугамеданиномъ. Онъ надѣлъ чалму, богатый охобенъ, и вышедши на свѣтъ Божій, сталъ

расхаживать по Константинополю, какъ истый Турокъ, бритый, усатый, бородатый, веселый и важный; а потомъ — ему дали полную свободу, и, пожаловавши титломъ Князя Малороссійской Украины, отпустили въ Украину, взявши съ него обѣщаніе передать Украину подъ Турецкую власть.

Это было въ 1677 году. Дорошенко, непереставав шій искать независимости обманомъ и вооруживщій наконецъ противъ себя даже многихъ изъ своихъ собственныхъ Козаковъ, принужденъ былъ покориться Царю и лишиться Гетманства въ 1676 году, — и Гетманъ Иванъ Самойловичъ, заступившій въ Восточной Украинѣ мѣсто Многогрѣшнаго въ 1672 году, писался Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Россія была въ войнѣ съ Польшей, и Гетманъ Самойловичъ былъ заодно съ Царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ противъ Яна III Короля Польскаго, который, желая покорить Украину, назвалъ Гетманомъ Евстафія Гоголя, между

тѣмъ какъ Султанъ старался также овладѣть Заднѣпровской Украиной, и также воевалъ съ Яномъ до тѣхъ поръ, пока не заключилъ съ нимъ мира въ 1676 году Октября 16. Лѣтомъ 1677 года 60,000 Турецкаго войска подъ начальствомъ Ибрагимъ - Паши вошли въ Украину соединились съ 40,000 Татаръ, и 3 Августа обложили городъ Чигринъ. Тутъ былъ и Юрій; но его надежда на помощь Козаковъ не исполнилась: онъ нашелъ только 60 человѣкъ, которые рѣшились защищать Мугамоданина. Болѣе трехъ недѣль длилась осада Чигрина, — Русскіе и Козаки терпѣли много, Хмельницкій посылалъ лазутчиковъ, хотѣлъ деньгами купить себѣ привязанность Козаковъ, думалъ обмануть ихъ, выставляя знамена съ изображеніемъ св. Креста; но Чигринъ не сдался, Козаки не вѣрили Юрію, сражались храбро вмѣстѣ съ Русскими, заставили Турокъ и Татаръ снять осаду 29 Августа, обратили въ бѣгство, выгнали изъ Украины, — и Ибрагимъ - Паша вмѣ-

стѣ съ другими военачальниками Турецкими былъ наказанъ смертію отъ Султана, а Хмельницкій скрылся въ Молдавіи.

На другой годъ Татары и Хмельницкій опять явились около Переяславля, и опустошали Полкъ Переяславскій до тѣхъ поръ, какъ Турецкое войско снова вошло въ Украину. Около 120,000 враговъ собралось тогда къ Чигрину. Украина молилась о спасеніи отъ гибели, а Хмельницкій торжествовалъ, наслаждаясь ожиданіемъ булавы. Онъ уже былъ опять Христіаниномъ, или лучше сказать научился быть какъ Жидъ тѣмъ, чѣмъ было надо: Христіяниномъ былъ онъ передъ Козаками и успѣлъ привлечь на свою сторону болѣе 4000, — Мугамеданиномъ былъ передъ Турками. Съ Іюня 8 почти до конца Августа денно и нощно бились Русскіе съ Козаками противъ Турокъ, Татаръ, Волоховъ, и хотя не могли защитить Чигринъ отъ разоренія и пламени, однако прогнали опять Турокъ съ ихъ союзниками далеко вонъ изъ

Украины. Какъ сражались Русскіе и Козаки, я раскажу когда нибудь. Битвы эти можно помнить Русскимъ и потомкамъ Козаковъ, вспоминая объ удалой и мужественной храбрости предковъ.

Не терялъ однако надежды Хмельницкій. Ему оставалось жить уже только ко два года; но и въ два года для него могло пройдти много хорошаго и дурнаго, — и Хмельницкій продолжалъ не щадить крови соотчичей для достиженія своей цѣли. Когда-то онъ дѣйствовалъ какъ дитя малодушно; теперь опытъ научилъ его не страдать отъ малодушія, а развѣ пользоваться имъ. Для него ничего не было священнаго; а честолюбіе не давало покоя. И какъ не желать насладиться хоть на мигъ, страдавши такъ долго! — Хмельницкій остался за Днѣпромъ, разсылалъ оттуда по всей Украинѣ свои универсалы, именемъ отца, именемъ Вѣры православной убѣждалъ Козаковъ соединиться съ собою, кого не могъ преклонить волей, заставлялъ под-

чиняться себѣ неволей, — и успѣвалъ. Немировъ былъ его столицей; Кальникъ, Липецъ, Жорнище, Жаботинъ, Корсунь, Мошны, Черкасы ему принадлежали; сдались потомъ и многіе другіе города. Татары его окружали; Татары толпами бродили по Заднѣпрію, и грабили, и жгли села и города, и лили кровь. Хмельницкій на все смотрѣлъ равнодушно, распоряжался по своему, гордясь титломъ Князя Украины, и помышлялъ уже войдти въ переговоры съ Царемъ Русскимъ и Королемъ Польскимъ, сохраняя впрочемъ вѣрность Султану. Такъ прошли два года, и наступилъ 1680 годъ.

Пришла пора; часъ его пробилъ. — Однажды пировалъ онъ въ своемъ замкѣ, окруженный любимцами, и съ хохотомъ слушалъ расказы Татаръ, о ихъ удальствѣ надъ Украинцами. Нѣсколько Козаковъ стояло у дверей, и также слушали, смотря на хохотъ Князя Украины, на хохотъ сына Богдана, котораго вся Украина называла не даромъ сво-

имъ отцомъ и спасителемъ, сына, когда-то бывшаго только малодушнымъ, а теперь сдѣлавшагося извергомъ, злодѣемъ для родины. Козаки ожесточились, бросились на него, бросились на Татаръ.... Еще не разсвѣло, а хотя Немировъ и былъ въ пламени, — но всѣ Татары были уже мертвы. Козаки вывели израненнаго Хмельницкаго на площадь, долго мучили, и потомъ издыхающаго бросили собакамъ. Успѣлъ-ли онъ помолиться, кто знаетъ; но Козаки успѣли ему отомстить за себя и за всю Украину.

Такъ-то кончилъ свою жизнь этотъ Юрій Хмельницкій, осрамившій память своего отца, столько-же разорившій Украину, сколько отецъ ее любилъ, — столько-же презрѣнный памятью народной, сколько отецъ для нее драгоцѣненъ. Въ жизни о немъ жалѣли; по смерти и жалѣть перестали.

Главнѣйшимъ источникомъ для этого сказанія были для меня Записки Шафонскаго.

Незначительныя дополненія сдѣланы по другимъ Лѣтописямъ, которыхъ извѣстія сравнивалъ я съ повѣствованіемъ Бантыша Каменскаго и съ Актами. Извѣстіе о смерти Юрія взято изъ Записокъ Шафонскаго: оно подробнѣе другихъ и, кажется, правдоподобнѣе. — Пѣсни, сюда принадлежащія, помѣщены въ Приписках: N 3 и 4.

БРУХОВЕЦКІЙ И МОРОЗЕНКО.

1668.

I.

Не много было такихъ случайныхъ счастливцевъ въ Украинѣ какъ Бруховецкій; не много и такихъ рыцарей какъ Морозенко.

До 1668 года были они друзьями; а потомъ . . . Но вотъ кто были они:

У Богдана Хмельницкаго былъ слуга — Мартынецъ; вѣрно служилъ ему, потомъ сыну его Юрію, — и можетъ быть навсегда остался-бы вѣрнымъ слугою — Хмельницкихъ, если-бы желаніе

отмстить за обиду, нанесенную ему Самкомъ, бывшимъ тогда любимцемъ Юрія, не навело его на другое желаніе, на желаніе добыть себѣ силу и славу. Онъ быстро возвысился на степень Кошеваго Атамана; а черезъ два года послѣ этого, въ 1663 году, онъ уже владѣлъ булавой Гетманской, былъ силенъ и славенъ, и казнями торжествовалъ свое возвеличеніе. Съ тѣхъ поръ Мартынецъ исчезъ, — явился въ Украинѣ ясневельможный Гетманъ Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій Пронырливый, умѣвшій казаться чѣмъ хотѣлъ, умѣвшій столькоже быть любимымъ одними, сколько былъ ненавидимъ другими, онъ привязалъ къ своей побѣдной колесницѣ многихъ,— и не мало храбрыхъ рыцарей Украины готовы были проливать за него кровь, готовы были потерять и жизнь. Межь ними былъ и Морозенко.

Морозенко прославился своими подвигами еще до 1648 года, до того незабвеннаго 1648 года, когда Украина взволно-

валась противъ Поляковъ, возбуждаемая Богданомъ Хмельницкимъ. Еще болѣе сталъ славенъ Морозенко въ этомъ году — безжалостною ревностію къ Православной Вѣрѣ и ненавистью къ Полякамъ, Жидамъ и Уніатамъ, — и эта ревность и ненависть не слабѣли въ продолженіе всей войны Хмельницкаго съ Поляками, до 1654 года. Послѣ Хмельницкаго Морозенко, оставаясь вождемъ особенной дружины, проводилъ жизнь попрежнему; но уже рѣдко сражался съ Поляками, а чаще съ Татарами. Имя его гремѣло въ Украинѣ, и пѣсни народныя воспѣвали его подвиги. — И вотъ когда Бруховецкій, возвысясь въ Украинѣ, и стараясь привлекать на свою сторону всѣхъ, кого любилъ народъ, сталъ искать его дружбы.....

Бруховецкій и Морозенко сдѣлались друзьями. Дивились, какъ могли подружиться они, какъ могъ быть Морозенко такъ простодушенъ, такъ легкомысленъ; но Морозенко тщеславился

дружбою Гетмана, давалъ ему совѣты, а Бруховецкій, зная всю важность слуховъ объ этой дружбѣ, старался ее поддерживать, тщательно скрывалъ все свое злое отъ Морозенка, или выказывалъ въ другомъ видѣ. И дружба не прерывалась до 1668 года.

Бруховецкій владѣлъ Восточною Украиною; а Западная, считавшая своимъ Гетманомъ Петра Дорошенка, по Андрусовскому договору между Россіей и Польшей, должна была остаться владѣніемъ Польскимъ. Слухи носились, что и Восточная Украина будетъ также уступлена Польшѣ. Дорошенко рѣшился кровью защищать свою власть за Днѣпромъ; а Бруховецкій, боясь потерять Гетманство и не надѣясь на свою силу, задумалъ иное. Онъ началъ переговоры съ Ханомъ Крымскимъ и съ Турками; онъ рѣшился предаться подъ власть Султана.

Въ Гадячѣ собралась Рада Старшинъ Войсковыхъ, изъ которыхъ боль-

шая часть была изъ простыхъ Запорожцевъ. Бруховецкій обѣщалъ добычи, награды, милости Султана, увѣрилъ всѣхъ, что лучше покориться Туркамъ, нежели быть подъ зависимостію Русскаго Царя или Польскаго Короля, — и Старшины подали другъ другу руки — единодушно возстать противъ Русскихъ, прося защиты и покровительства у Султана. — Всюду стали приготовляться къ войнѣ, между тѣмъ какъ Степанъ Гречаный посланъ въ Крымъ къ Хану съ просьбою выслать войско въ помощь противъ Русскихъ, а Григорій Гамалѣя. поѣхалъ въ Константинополь съ предложеніемъ подданства отъ Гетмана и ото всѣхъ Старшинъ. Смятеніе быстро распространялось по всей Украинѣ: приготовленія полковыя, универсалы Бруховецкаго, разносившіе злые слухи на счетъ Царя и Русскихъ, пожары городовъ и селъ его начали, — и весной еще тогоже 1668 года Русскіе могли держаться уже только въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Чер-

нигове и Нѣжинѣ. Народъ самъ не зналъ, чего искалъ: онъ возставалъ на Русскихъ; не рѣдко видали, что выходили толпами Украинцы и на Украинцевъ, сами не зная за что будутъ драться, и сражались, сами не зная за что проливаютъ кровь. Когда Царь выслалъ въ Украину войско съ Княземъ Ромодановскимъ, мятежъ кипѣлъ уже всюду. Бруховецкій хотѣлъ-было уѣхать въ Константинополь; но, вполнѣ надѣясь на выигрышъ, остался.

Морозенко ходилъ въ это время въ походъ противъ Татаръ, на несчастной битвѣ подъ Перекопомъ былъ взятъ въ плѣнъ, — и, можетъ быть, ожидалъ уже казни. Бруховецкій узналъ объ этомъ, ходатайствовалъ объ освобожденіи Морозенка, возвратилъ ему свободу, и надѣялся отъ его храбрости и отъ любви къ нему народа новой подпоры себѣ и своему замыслу. Морозенко изумился нечаянному освобожденію, узналъ, въ чемъ дѣло, — и его нена-

висть къ невѣрнымъ Мугамеданамъ указала ему его обязанность. — Проклятый Мартынецъ обманулъ меня; я не обману его. Я не пролью ни одной капли крови, развѣ свою; но ему не жить, и родной Украинѣ не быть подлой данницей Агарянъ! — Изъ друга Бруховецкому, Морозенко сдѣлался его злѣйшимъ врагомъ.

Возвращаясь черезъ Запорожье, онъ не думалъ скрывать своей думы. Онъ напротивъ предложилъ Козакамъ искать себѣ Гетмана, указалъ на Дорошенка, говоря что онъ только обманываетъ Султана, соглашаясь быть подъ его покровительствомъ; а Бруховецкаго обѣщалъ сбыть съ рукъ. Въ то самое время когда Козацкое посольство отправилось къ Дорошенку съ просьбою принять Восточную Украину подъ свое управленіе, Морозенко поспѣшилъ собрать дружину, и вышелъ съ нею на Татаръ, которые тогда вошли въ Украину на помощь

Бруховецкому. Бруховецкій узналъ объ этомъ, думалъ подкупить Морозенка золотомъ, — и вмѣсто благодарности за золото получилъ отъ него въ отвѣтъ совѣтъ готовиться къ смерти и покаяться въ послѣдніе дни жизни. — Морозенко два раза разбилъ Татаръ, и уже надѣялся успѣть изгнать изъ Украины, какъ лазутчики Бруховецкаго вдругъ схватили его, и повезли къ Бруховецкому въ оковахъ. — Это не смутило Морозенка, — онъ клялся, что или погибнетъ, или убьетъ »проклятаго«. Морозенка бросили въ тюрьму, и держали двѣ недѣли; потомъ Бруховецкій самъ пришелъ къ нему, и снова предложилъ золото за свободу, лишь-бы онъ поклялся, что будетъ защищать его: Морозенко стоялъ на своемъ. Бруховецкій вздумалъ пыткою заставить Морозенка дать желаемую клятву; но и пытка осталась напрасною: Морозенко вытерпѣлъ всѣ муки, и твердо устоялъ на своемъ.

Можно было надѣяться, что Моро-

зенко погибнетъ, но судьба ему помогала: онъ освободился изъ тюрьмы. Бруховецкій готовъ былъ съ сильнымъ войскомъ выступить къ Котельвѣ, которую держали въ осадѣ Русскіе съ Княземъ Ромодановскимъ; а Татары были уже въ Опошнѣ. Морозенко не зналъ, какъ быть: врагъ его силенъ; а у него дружина слаба, и притомъ онъ далъ клятву самому себѣ — непролить капли Козацкой крови, отмщая Бруховецкому. — Морозенко рѣшился переломить на время свой нравъ, лишь-бы вѣрнѣе достигнуть цѣли. До сихъ поръ онъ былъ простодушенъ, прямодушенъ, былъ откровененъ и въ чувствахъ привязанности, и въ чувствахъ злобы и вражды: теперь онъ не будетъ такимъ съ Бруховецкимъ. Чего не можетъ сдѣлать Украинецъ, чего не могъ сдѣлать Козакъ Днѣпровскій, лишь-бы захотѣлъ: Морозенко надѣлъ личину, которою до сихъ поръ гнушался.— Онъ самъ пришелъ къ Бруховецкому, и предложилъ свои услуги. Бруховецкій

не понялъ Морозенка, ласково принялъ его, раскагалъ свои планы, и сдѣлалъ его начальникомъ части своего войска; а Морозенко хитро скрывалъ свое намѣреніе.

Два врага, сдѣлавшись на время друзьями, какими были прежде, вывели свои дружины къ Опошнѣ, съ тѣмъ, что-бы тамъ соединиться съ Татарами и съ ними вмѣстѣ направить путь къ Котельвѣ. Морозенко снова былъ совѣтникомъ Бруховецкаго, распоряжался самъ вмѣсто Бруховецкаго, все болѣе увѣряя его въ своей къ нему привязанности; а между тѣмъ извѣстилъ обо всемъ Дорошенка, и все войско Бруховецкаго умѣлъ искусно преклонить на свою сторону, сколько могъ болѣе. — Путь до Опошни былъ путемъ радости для Бруховецкаго; въ Опошнѣ онъ окончилъ переговоры съ Татарами, и пировалъ отъ всей души. Морозенко дѣлилъ съ нимъ его радость: можно было подумать, что то не Морозенко.

И вдругъ, едва только вышли они изъ Опошни, Дорошенко перерѣзалъ имъ путь. Бруховецкій вздумалъ было сражаться; но всѣ Козаки его вооружились противъ него, а Морозенко велѣлъ его связать, и отвести къ Дорошенку. Бруховецкій молилъ у Морозенка о помиловніи, обѣщалъ отдать ему все свое имущество, — Морозенко хохоталъ.

На другой день снова былъ пиръ для Бруховецкаго въ Опошнѣ; но на этотъ разъ былъ пиръ иной. Морозенко, по волѣ Дорошенка, отдалъ его на муки Опошнянскому народу и Козакамъ, и отплатилъ ему въ этотъ день за свою пытку, достигни цѣли. Бруховецкаго долго мучили, волоча по площади, и послѣ убили дубьемъ.

А потомъ уже пировалъ Морозенко отъ души, и могъ распѣвать свою пѣсню, напѣвая въ ней что всякому будетъ отъ него то-же, что было »проклятому« Мар-

тынцу, кто вздумаетъ искать спасенія Украины подъ покровомъ Католиковъ или Агарянъ.

Ходъ событій заимствованъ много въ этомъ сказаніи изъ Описанія Малой Россіи отъ 1340 по 1754. Важнѣйшія дополненія взяты изъ Записокъ Шафонскаго. — Смотри ниже пѣсни, сюда относящіяся: N 5.

САМОЙЛОВИЧЪ И МАЗЕПА.

1674 - 1687.

I.

Два года ужс гетманствовалъ Иванъ Самойловичъ въ Восточной Украинѣ, и любимый народомъ, любимый Царемъ Московскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ, былъ славенъ и счастливъ. Въ 1673 году онъ началъ военныя дѣйствія противъ Дорошенка, владычествовавшаго за Днѣпромъ — отъ имени Поляковъ, подъ покровительствомъ Султана Турецкаго и Хана Крымскаго, съ жела-

ніемъ казаться преданнымъ и Царю Московскому, но всего болѣе желавшаго быть независимымъ, и гордившагося титломъ Чигринскаго Гетмана Заднѣпровской Украины. Соединившись съ Русскими подъ начальствомъ Князя Ромадановскаго, Самойловичъ имѣлъ такой успѣхъ, что въ короткое время Дорошенко принужденъ былъ остаться при одномъ Чигринѣ, между тѣмъ какъ всѣ почти другіе города Заднѣпровскіе признали надъ собою власть Царя. Многіе изъ этихъ городовъ были скоро послѣ этого отторгнуты Поляками, потомъ снова достались Дорошенку; но сила Дорошенка готова была уже совершенно пасть, и Дорошенко съ каждой новой неудачей видѣлъ все яснѣе необходимость покориться волѣ Царя, а Самойловичъ надѣялся скоро сдѣлаться Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. — Въ это время былъ въ службѣ у Дорошенка молодой Козакъ Иванъ Мазепа. Онъ былъ родомъ Бѣлоцерковецъ изъ села Мазепин-

цевъ, Козакъ, и насчитывалъ въ числѣ своихъ предковъ немало такихъ, которые достойно прославились службой въ Войскѣ Запорожскомъ. Впрочемъ, какъ Польскій Шляхтичъ будучи воспитанъ Іезуитами, онъ началъ службу при дворѣ Польскомъ, и былъ прежде пажемъ, а потомъ офицеромъ Гвардіи Короля Польскаго Іоанна Казимира. Онъ служилъ тамъ до тѣхъ поръ, пока однажды какой-то ревнивый мужъ не заставилъ его со стыдомъ и на всегда оставить дворъ Польскій и искать новаго счастія въ жизни Козацкой. Мазепа былъ уменъ, хитръ, отваженъ, красно говорилъ, умѣлъ нравиться, и сталъ служить Козакомъ, полный надеждъ на себя и на свое счастіе. Служба Мазепы началась въ Украинѣ у Дорошенка, и Дорошенко не разъ давалъ ему важныя порученія... Въ 1674 году онъ послалъ его въ Крымъ и Константинополь просить помощи: этотъ годъ долженъ былъ перемѣнить судьбу Мазепы. Онъ схваченъ былъ Кошевымъ

Атаманомъ Сѣркомъ, переслань къ Самойловичу, и Самойловичемъ отправленъ въ Москву. Быть-бы Мазепѣ, можетъ статься, тамъ, гдѣ потомъ случилось быть Самойловичу, если-бы онъ не помогъ ему. Самойловичъ ходатайствовалъ о немъ, просилъ не ссылать въ ссылку а отпустить обратно въ Украину, выхлопоталъ для него позволеніе жить въ Украинѣ, и принялъ его добро и ласково въ свое сѣмейство, когда онъ лишился жены и дѣтей. — Вотъ какъ сошлись два честолюбца Украины, изъ которыхъ одному судьба назначила быть благодѣтелемъ другаго, а другому завидовать первому, ненавидѣть его за благодѣянія и вознаградить за нихъ тѣмъ, что въ 1674 году и въ голову-бы не пришло никому. Одинъ былъ гордъ, тщеславенъ — тѣмъ болѣе, что вышелъ въ люди изъ простаго званія, другой былъ также гордъ и еще болѣе завистливъ; одинъ надѣялся достигнуть скоро всего, чего только могъ надѣяться достигнуть, — другой только

достигалъ.... Они сошлись, — и не такъ должны были разойдтися, какъ сошлись.

II.

Въ 1676 году Дорошенко осажденъ былъ въ Чигринѣ Русскими и Козаками, — и принужденъ былъ присягнуть въ вѣрно-подданствѣ Русскому Царю Ѳеодору Алексѣевичу, сдавши Самойловичу свои гетманскіе клейноты — булаву, знамя и бунчугъ. Самойловичъ могъ послѣ этого разсылать универсалы по всей Украинѣ, подписываясь Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Въ 1677 году Самойловичъ долженъ былъ начать новую борьбу съ новымъ соперникомъ, — и этотъ соперникъ былъ Юрій Хмельниченко, Мугаметанинъ, покровительствуемый Султаномъ и получившій отъ него титулъ Князя Украины. Соперникъ былъ силенъ; но Самойловичъ надѣялся одержать верхъ и надъ

нимъ, — и одержалъ. Военныя дѣйствія съ Турками и Татарами были кровопролитны, силы враговъ громадны, раздоры Козаковъ мѣшали успѣху; но Самойловичъ съ помощію Русскихъ войскъ выдержалъ натискъ вражій, усмирилъ Козаковъ, успѣшно дѣйствовалъ противъ набѣговъ Татаръ, — и наконецъ въ 1680 году дождался вѣсти о погибели Юрія. Военныя дѣйствія не стихли и послѣ этого: Поляки возводили своихъ Заднѣпровскихъ Гетмановъ, а Татары тревожили Украину набѣгами каждый годъ; впрочемъ Самойловичъ оставался счастливъ своимъ успѣхомъ.

Въ 1686 году 26 Апрѣля заключенъ былъ въ Москвѣ миръ съ Польшею, — и по этому миру — Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлой, Красный, Рославль съ городами и уѣздами, города Сѣверскіе, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ и др:, вся Малороссія по сію сторону Днѣпра, земли Заднѣпровскія между Ирпенью и Стугной,

съ Кіевомъ, Васильковымъ, Трипольемъ Стайками и со всѣми селеніями, наконецъ земли Козацкія за порогами Днѣпра въ Сѣчи, Козаки по всему Заднѣпровью до устья рѣки Тясмина и до Чернаго лѣса— достались Россіи, а разоренныя мѣста (Ржищевъ, Терехтемировъ, Каневъ, Мошны, Черкасы, Боровица, Бужинъ, Вороновка, Крыловъ и Чигринъ) впредь до дальнѣйшаго постановленія должны были остаться пустыми. Такимъ образомъ Самойловичъ достигнулъ цѣли — сдѣлался властителемъ всей Козачины, оставаясь вѣрнымъ Царямъ Русскимъ.

Иванъ Мазепа между тѣмъ тихо выходилъ въ люди, пробивалъ себѣ тропинку, не щадя тѣхъ, кого встрѣчалъ на ней. — Отлично образованный, хорошо знакомый съ языками Польскимъ, Латинскимъ и Нѣмецкимъ и съ нѣкоторыми науками, особенно съ Исторіей, онъ сдѣлался учителемъ дѣтей Самойловича, и скоро вошелъ въ довѣренность и любовь къ Гетману. Въ 1681 году онъ

былъ уже Знатный Войсковый товарищъ и съ тѣхъ поръ былъ нѣсколько разъ посылаемъ Гетманомъ въ Москву съ важными порученіями; въ 1682 или въ 1683 году Мазепа сдѣланъ Генеральнымъ Асауломъ, а въ 1685 исправлялъ нѣкоторое время должность Генеральнаго Обознаго—втораго лица во всей Украинѣ послѣ Гетмана. Самойловичъ любилъ отъ души Мазепу, называлъ его достойнѣйшимъ изъ Старшинъ Войска Запорожскаго, и не разъ говорилъ ему, что нѣкому кромѣ его, Мазепы, быть Гетманомъ, когда онъ, Самойловичъ, умретъ. — Я-же ужъ старъ, — и недолго мнѣ остается жить. Будь только, Мазепа, вѣренъ долгу и люби родину, какъ доселѣ ее любилъ, — и будешь Гетманомъ.— Мазепа слушалъ, сохранялъ всю видимую привязанность къ Самойловичу; но думалъ не то . . .

III.

Онъ думалъ о томъ, что смерти Самойловича ждать долго, что онъ уже и такъ долго ждетъ, и что пора перестать ждать, пора начать думать о своемъ будущемъ. Мазепа былъ честолюбивъ и властолюбивъ, важнаго сана Гетманскаго для него было мало, и обстоятельства, въ которыхъ находились тогда Россія, Польша и Турція, внушали ему надежду достигнуть вполнѣ независимой власти въ Украинѣ; но прежде всего онъ долженъ былъ добыть булаву Гетманскую . . . И Мазепа сталъ ее добывать.

Самойловичъ заставалъ его иногда за бумагами, погруженнымъ въ тяжелую думу, распрашивалъ его, что онъ пишетъ, — и никогда не получалъ отвѣта. Иногда случалось Самойловичу слышать, что Мазепа принимаетъ гостей изъ Польши, переписывается съ знатными Поляками, и Самойловичъ опять обращался

къ Мазепѣ съ вопросами, — и опять Мазепа отвѣчалъ не на вопросъ. Носились слухи, что Мазепа неблагодаренъ Гетману, измѣнилъ ему, думаетъ погубить его, наговариваетъ на него Боярамъ Русскимъ, особенно Голицыну, любимцу тогдашней Правительницы Русской, Царевны Софіи, и что скоро Самойловичъ наплачется, каясь, что отогрѣлъ змѣю на груди своей. Самойловичъ пересказывалъ Мазепѣ эти слухи, Мазепа смѣялся надъ ними, — и согласіе между Гетманомъ и Мазепой оставалось прежнее.

А между тѣмъ слухи носились недаромъ, — недаромъ Мазепа добывалъ Гетманства.

IV.

Онъ добывалъ его, стараясь пріобрѣтать уваженіе Бояръ и Старшинъ Козацкихъ, особенно тѣхъ, которые были недоброжелателями Самойловича и услуживать имъ, чѣмъ только могъ; онъ

добывалъ его, привлекая на свою сторону простой народъ и помощію даровъ, и помощію наговоровъ на Гетмана, искусно заставляя думать, что всѣ хорошія распоряженія принадлежатъ ему, а всѣ дурныя — Самойловичу; онъ добывалъ его и перепискою съ знатными Поляками, съ знатными Татарами. Личину умѣлъ носить Мазепа, — и мѣнялъ личину всякій разъ какъ это нужно было, умѣлъ заставить себя любить и уважать, нимало не разрывая дружескихъ отношеній къ Гетману.

Не наступилъ еще 1687 годъ, а у Мазепы все уже было готово,—и Мазепа только ждалъ случая. Недолго ждалъ онъ.

Въ 1687 году назначенъ въ Москвѣ походъ въ Крымъ, и главное начальство поручено Князю Голицыну, врагу Самойловича. Въ Маѣ Русскія войска были уже въ Украинѣ, и у Самойловича было готово 60,000 отборныхъ Козаковъ. Въ Іюнѣ войска Русскія и Козацкія двинулись за Конку-рѣку въ Луга . . . Походъ

былъ неудаченъ, какъ предрѣкалъ Самойловичъ. Трава въ Лугахъ почти всюду была выжжена, здоровой воды почти не было; лошади были не въ состояніи вести тяжести, и издыхали отъ недостатка пищи и отъ усталости пути, а люди болѣли. Самойловичъ совѣтовалъ лучше воротиться, чѣмъ даромъ губить народъ. Его совѣтъ принятъ, и 18 Іюня войска поворотились тыломъ; 19-го посланъ въ Москву курьеръ съ извѣщеніемъ объ этомъ; а 20 лагерь сталъ у Конскихъ водъ, гдѣ положено было отдыхать нѣсколько дней для облегченія измученныхъ людей и лошадей, и гдѣ Голицыну должно было подумать, какъ-бы оправдаться въ неудачѣ похода . . .

Онъ прибѣгнулъ къ Мазепѣ съ совѣтомъ, — и не каялся; Мазепа-же только и ждалъ этого. — Я люблю Гетмана Самойловича, уважаю его прежнія заслуги, — говорилъ Мазепа Голицыну, — но еще болѣе люблю правду, и ясно вижу, что виновникъ бѣдствій вой-

ска — онъ одинъ. Богъ караетъ его за его честолюбіе, за тайное желаніе сдѣлаться независимымъ обладателемъ Украины, за недоброжелательство къ Русскимъ, за связи съ Татарами, за приказаніе выжечь степи, за всѣ его грѣхи. Да и кто виновенъ можетъ быть, какъ не Гетманъ! Онъ не желалъ этого похода, онъ присовѣтовалъ избрать путь, какой избрали; онъ-же потомъ присовѣтовалъ воротиться въ обратный путь. — Къ несчастію, Самойловичъ гордый своимъ саномъ и богатствами, дурно обращался съ Козаками, жестоко наказывалъ ихъ за малѣйшіе проступки, и вооружилъ противъ себя многихъ, дотолѣ ему преданныхъ; между тѣмъ какъ другіе — и этихъ было еще болѣе — давно уже питали къ нему ненависть. Голицынъ и Мазепа всѣмъ воспользовались, — и 7 Іюля посланъ былъ доносъ на Самойловича, писанный самимъ Мазепою, доносъ, котораго слѣдствіемъ могла быть только погибель Самойловича. Въ этомъ доносѣ вся неудача похода

была приписана Самойловичу, какъ закоренѣлому врагу Русскихъ, другу Турокъ и Татаръ, помышляющему сдѣлаться Княземъ Украины и владѣющему сею самовольно и жестоко, — и доносъ оканчивался такъ: — По тѣмъ причинамъ и за его неспособностію все Войско Запорожское желаетъ и со слезами Господа молитъ, что-бы Великіе Государи для лучшаго управленія Малороссіи и утоленія многихъ слезъ, указали снять съ него Гетманскій урядъ, и на оный повелѣли избрать вольными голосами другаго бодрственнаго, вѣрнѣйшаго и исправнѣйшаго человѣка. И о томъ проситъ все войско Запорожское, чтобъ по снятіи съ Гетмана уряда его, не оставался онъ въ Украинѣ, а взятъ былъ со всѣмъ домомъ въ Москву и казнепъ. Если-же на сіе прошеніе не послѣдуетъ Монаршаго соизволенія, Войско Запорожское изъ меньшихъ чиновъ, соблюдая свою вѣрную службу, принуждено будетъ поступить съ нимъ по своимъ Войсковымъ правамъ

и обычаямъ, какъ съ явнымъ къ Великимъ Государямъ недоброхотомъ. — И самъ Мазепа рѣшился подписаться подъ симъ доносомъ. — Чего ожидали Голицынъ и Мазепа, то и случилось. Войска пошли далѣе, и 21 Іюля перешли за рѣку Коломакъ; а 22 почта, съ которою посланъ былъ доносъ, возвратилась, и привезла Царскій указъ — взять Гетмана подъ караулъ, и отвезти его въ какой-нибудь городъ въ Великую Россію, а на его мѣсто выбрать новаго Гетмана.

V.

Участь Самойловича и Мазепы рѣшилась. Послушаемъ разсказъ современника очевидца Гордона, (который управлялъ въ походѣ особенной дивизіей), какъ рѣшилась она: —

— Полученіе указа — пишетъ Гордонъ — содержано было весьма тайно, и только одинъ Россійскій Полковникъ, который всегда при Гетманѣ находился,

призванъ былъ къ Голицыну и получилъ приказъ арестовать Гетмана какъ можно тихо. Полковникъ собралъ ещо того-же вечера команду, что-бы его взять подъ караулъ. Хотя Гетманъ и имѣлъ нѣкоторое подозрѣніе, также и люди его, которые о томъ вѣдали, его остерегали; однако-жъ онъ такого виду на себя показать не хотѣлъ, будто-бы онъ Русскихъ опасался, но что боится только однихъ Козаковъ (конечно, тѣхъ, которыхъ считалъ себѣ врагами). И для того писалъ онъ въ ту-же ночь къ Полковнику, представляя ему учиненныя Россіи вѣрныя и знатныя свои заслуги, и подтверждая клятвою, что онъ ни въ чемъ невиноватъ; просилъ, что-бы, не выслушавъ его, неделалъ ему никакого насильства. Но на сіе письмо (онъ) отвѣту не получилъ. Около полуночи пришелъ къ Боярину и Воеводѣ Голицыну Секретарь Кочубей, и донесъ, что все по его приказу исполнено. Еще до разсвѣта пошелъ Гетманъ въ церковь молиться. Тѣ, которые коман-

дированы были, что-бы взять его подъ караулъ, вошли также въ церковь и дожидались окончанія молитвы. При выходѣ его изъ церкви, подошелъ къ нему офицеръ, и сказалъ ему, что-бы онъ шолъ къ Полковнику, отъ чего онъ не очень устрашился. Съ нимъ повели и сына его Якова, котораго въ то время подхватили, какъ онъ хотѣлъ къ отцу идти и его остеречь; но понеже всѣ проходы крѣпко заставлены были, то онъ солдатамъ въ руки попался. Также приказано было взять подъ караулъ Гетманскихъ служителей и всѣхъ тѣхъ, на которыхъ имѣли подозрѣніе. Вкругъ около лагеря поставлены были вездѣ конныя заставы, что-бы никто немогъ пройдти и увѣдомить о томъ другаго Гетманскаго сына въ Запорожьи. Гетмана привезли въ худой коляскѣ въ главную квартиру, куда и сынъ его верхомъ за нимъ слѣдовать принужденъ былъ. Въ главной квартирѣ собрались уже всѣ Генералы. Козаки пришли также туда и предложили, что

они, примѣтивши чрезъ довольное время измѣнническія Гетмановы намѣренія, объявили о нихъ должнымъ образомъ Высочайшей власти, и того ради надѣются, что онъ, будучи нынѣ подъ карауломъ, по преступленію своему наказанъ будетъ. Голицынъ представлялъ имъ напротивъ того, не отъ приватной-ли какой злобы противъ Гетмана жалоба ихъ происходитъ, и не можно-ли имъ какимъ дружелюбнымъ способомъ помириться. Но они отвѣтствовали, что хотя показанныя отъ него наибольшей части изъ нихъ несправедливости были такъ велики, что они часто хотѣли его изрубить, однако-жь нынѣ больше о томъ не упоминаютъ, но только по должности своей о измѣнѣ его свидѣтельствуютъ. Потомъ привели Гетмана. Голова обвязана была у него бѣлымъ платкомъ, при чемъ онъ на свою серебренную булаву опирался. Когда ему сказано было, что Козаки на него донесли, то онъ во всемъ заперся, и оправдалъ себя весьма коротко. Отъ сего происшолъ

между имъ и Козаками жестокій споръ. Напослѣдокъ вывели его вонъ. Козаки требовали неотступно, что-бы Гетмана наказать, но Генералы того имъ позволить не хотѣли; итакъ отданъ былъ Гетманъ съ своимъ сыномъ Полковнику, что-бы отвезти его въ безопасное мѣсто въ Великую Россію; а Козакамъ приказано было выбрать новаго Гетмана. — Телѣга была готова: Самойловича посадили, и отправили сначала въ Орелъ, потомъ въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Тобольскъ. Сына его Якова отвезли въ Енисейскъ; другой сынъ Григорій сосланъ въ Сѣвскъ, и потомъ казненъ.

— Іюля 24 собрались знатнѣйшіе изъ Козаковъ къ Бояриму и Воеводѣ Голицыну, который велѣлъ имъ прочесть пункты, на кои присягалъ прежній Гетманъ, съ нѣкоторыми перемѣнами. Сими пунктами Козаки были весьма довольны. Послѣ совѣтовано было о пожиткахъ отставленнаго Гетмана, причемъ Голицынъ объявилъ, что онъ будетъ стараться,

чтобъ половина ихъ Козацкому войску отдана была. Какъ потомъ нѣкоторые изъ Козацкихъ Старшинъ, для изъявленія за то благодарности своей, у Боярина спросили, кого онъ желаетъ что-бы они избрали Гетманомъ; то предложилъ онъ имъ — Ивана Степановича Мазепу. Еще того-же вечера подали они прошеніе, что-бы всѣхъ, которые съ прежнимъ Гетманомъ въ согласіи были, лишить ихъ чиновъ. Въ Батуринѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ находились Гетмановы и дѣтей его пожитки, велѣно было все точно описать . . . Іюля 25 пошли Стрѣльцы и Выборное войско къ Козацкому лагерю, гдѣ сдѣлана была полевая церковь. Потомъ пошелъ Бояринъ и Воевода Голицынъ, съ прочими боярами и съ знатнѣйшими Офицерами арміи, въ оную церковь, куда всѣ Гетманскіе Знаки публично принесены, и на малый столикъ покрытый богатымъ ковромъ положены были. Около стола стояло нѣсколько стульевъ и скамей. 800 Козаковъ верхами и

1200 пѣшихъ стали вокругъ, около палатки, а знатнѣйшіе вошли въ оную за Гетманскими Знаками вмѣстѣ съ Россійскимъ Генералитетомъ. Четверть часа спустя началась служба Божія, по окончаніи которой всѣ изъ церкви вышли, и Гетманскіе Знаки также вынесены и опять на столикъ положены были. Бояринъ и Воевода Голицынъ говорилъ потомъ ко всему собранію рѣчь, и позволилъ имъ именемъ Его Царскаго Величества выбрать Гетмана по обычаю своему, при чемъ-бы всякій имѣлъ свободный голосъ. Сперва молчали всѣ. Потомъ нѣсколько человѣкъ назвали Ивана Степановича Мазепу, котораго и прочіе немедленно Гетманомъ объявили. Хотя нѣкоторые и предложили Борковскаго (Генеральнаго Обознаго); однакожь прочіе принудили ихъ молчать, и повторили прежнее свое объявленіе. Какъ послѣ Бояринъ и Воевода у Козацкой Старшины спросилъ, котораго изъ обоихъ они желаютъ, то согласились всѣ на Мазепу.

Потомъ Думный Дьякъ призвалъ къ присягѣ Козацкую Старшину, которая, подписавши помянутые пункты, Гетману дѣйствительно присягала.... Напослѣдокъ разосланы были оные пункты по всѣмъ городамъ, что-бы магистратъ и священники также подписались. —

Мазепа, давши присягу въ вѣрности Царямъ Русскимъ, задалъ пиръ Боярамъ и сталъ думать думу, какъ-бы утвердить прочно свою силу въ Украинѣ; а Самойловичи недолго страдали въ Сибири и были оплаканы всей Украиной, хотя половина ихъ имущества и роздана была Козакамъ щедрою рукою Мазепы.

Записки Шафонскаго — главный источникъ. Я свѣрялъ ихъ съ другими Автописями; но слѣдовалъ Шафонскому. Остальное взято изъ Записокъ Гордона.

ПАЛІЙ.

I.

Сыномъ простаго Борзнянскаго Козака родился Палій, и провелъ свое дѣтство по-сельски; когда выросъ, то сталъ ходить съ своимъ отцемъ на битвы, — и 16-ти лѣтъ, обстрѣлянный, объѣздившій во всѣ стороны безграничныя границы Украины, съ полной надеждой на саблю и коня, да на мѣткость руки и на бодрость духа, сталъ онъ товарищемъ - Козакомъ, готовымъ по первому отзыву трубы выѣзжать въ поле хоть на Татаръ, хоть на Польшу. И зазвучитъ - бывало труба, —

Палій простится со старымъ отцомъ и съ матерью, выѣдетъ шагомъ за браму своего хуторка, будто печальный, а потомъ помчится, полетитъ на конѣ, и жди его недѣль черезъ двадцать веселаго, беззаботнаго, съ богатой добычей. Научилъ Палія отецъ быть честнымъ, любить родину, за нее и за честь не жалѣть ни крови, ни жизни— и сталъ Семенъ Палій рыцарь изъ рыцарей, удалый Козакъ.

Когда онъ былъ еще въ дружинѣ Дорошенка, а это было въ 670-хъ годахъ; тогда у Дорошенка, хоть и владѣлъ онъ всей Заднѣпровской Украиной, было немного такихъ, какъ Палій; за то Дорошенко и жаловалъ Палія, награждалъ и долей добычи, и ласковымъ словомъ, и Козацкой посылкой то въ ту, то въ эту сторону—или съ бумагами въ шапкѣ, или съ отрядомъ товарищей перевѣдаться съ вражьею силой. — Только скоро не полюбился ему Дорошенко. Палій сказалъ ему прости, и пошелъ искать счастья въ другихъ мѣстахъ.

Тогда былъ уже онъ круглый сирота: отца убили Поляки, мать умерла, можетъ быть, съ горя по немъ, а другихъ родныхъ у него не было. Между тѣмъ одна изъ вольныхъ Козацкихъ дружинъ кочевала по Днѣпру между Кіевомъ и Трубежемъ и по обѣ стороны Днѣпра за Бугъ и Десну, и, не признавая ничьей власти надъ собою, враждовала съ Поляками и съ Татарами, а когда нужно было, то и съ Гетманами правой и лѣвой сторонъ Днѣпра. Палій пошелъ къ этимъ вольнымъ Козакамъ, принятъ радушно и радостно, — и скоро сдѣлался однимъ изъ главныхъ старшинъ. Онъ ненапрасно вступилъ въ эту вольную дружину: какъ удалый Козакъ, онъ помнилъ, что долженъ отмстить за смерть отца его убійцамъ, — и теперь могъ мстить имъ въ волю. Что ни весна, онъ сзывалъ своихъ товарищей на Раду, предлагалъ походъ въ Польшу, и потомъ пускался съ ними въ промыслъ — куда-нибудь за Горынь и Случь, или подальше. Козацкій

таборъ подступалъ къ какому-нибудь замку, принуждалъ къ сдачѣ, и, довольный добычею, шелъ далѣе, тѣшась на пути надъ Польской шляхтой и Жидами. Удача веселила товарищей-молодцовъ, неудача не смущала; побѣдивши, они пировали, разбитые бѣжали отъ пораженія къ новой битвѣ, болѣе для нихъ выгодной, и не здѣсь такъ тамъ находили мѣсто для побѣдныхъ пировъ. Палій гоголемъ леталъ передъ ними на своемъ сѣромъ конѣ; а они пѣли своему вождю заздравныя и хвалебныя пѣсни, припоминая въ нихъ прежніе походы и побѣды.— Нерѣдко таборъ Козацкій поворачивалъ изъ Польши въ степи къ Татарамъ, и нерѣдко приходилось ему тамъ веселиться еще болѣе чѣмъ въ Польшѣ, хоть и не всегда весело было оттуда ворочаться съ отнятыми стадами овецъ или табунами коней.

Независимый въ дѣйствіяхъ, Палій не мѣшался въ междоусобія Козаковъ, когда дѣло шло о судьбѣ Дорошенка, и

равнодушно узналъ, что Дорошенко, осажденный Гетманомъ Восточной Украины Самойловичемъ, въ своемъ Чигринѣ, принужденъ былъ сдаться и присягнуть въ вѣрности Царю Ѳедору Алексѣевичу, 1676. Палій велъ себя по-прежнему. Когда Юрій Хмельниченко сталъ добывать булаву съ помощію Турокъ, когда Украина бѣдовала отъ войны съ этими агарянами, равнодушно узналъ онъ о погибели Юрія. Палій не позавидовалъ Самойловичу, его счастію въ побѣдахъ, его уму и любви къ нему народной, — а можетъ быть и не пожалѣлъ о немъ, когда онъ, оклеветанный Мазепою, принужденъ былъ увидѣть булаву въ рукахъ своего клеветника, и долженъ былъ отправиться въ Сибирь, что-бы тамъ окончить жизнь. Палію было все равно, на чьей сторонѣ была въ Украинѣ удача, кто бѣдовалъ въ ней: можетъ быть онъ предчувствовалъ, что безсиленъ возстановить миръ на родинѣ, — и только поражалъ ея враговъ....

Когда-же Мазепа сдѣлался Гетманомъ Украинскимъ, и когда тишина возстановилась на время, Палій уже былъ Полковникъ Хвастовскій и какъ независимый удѣльный Князь владѣлъ землями до Днѣстра и Случи, взимая умѣренную дань съ жителей, и за то охраняя своей дружиной все Заднѣпровье отъ набѣговъ Татаръ. Самуилъ Иваненко, котораго въ просторѣчьи называли Самусомъ, былъ избранъ Поляками въ достоинство Гетмана Западной Украины, но не былъ слугою Поляковъ, — и Палій считался ему подвластнымъ. У Палія была своя собственная дружина, въ которой можно было встрѣтить и Запорожцевъ, и Гайдамакъ, и городскихъ гулякъ, дружина — охотное войско; былъ и свой станокъ, какъ у Гетмана. И не разъ Палій пугалъ орды Татарскія, не разъ ходилъ подъ Очаковъ и къ другимъ городамъ Чернаго моря; а имя его было славно во всей Украинѣ. Палій-же былъ и богатъ, и доволенъ своимъ житьемъ быть-

емъ, независимъ какъ птица, и воленъ какъ дикій конь. Говорили еще, что у Палія въ самопалѣ серебрянныя пули, что саблю его не люди ковали, и что самъ онъ чародѣй.

II.

Такъ жилось Палію, когда Мазепа вздумалъ позавидовать и его счастію, какъ завидовалъ счастію всякаго.

Будучи всѣхъ сильнѣе, всѣхъ выше въ Украинѣ, онъ не переставалъ бояться и завидовать, — и довольно было одного подозрѣнія, ничтожнаго повода, что-бы тотъ, на кого былъ золъ Мазепа, поплатился тюрьмой или смертію. У Мазепы всюду были лазутчики, доносчики, наемные каты; потому что всюду находилъ онъ враговъ, мятежниковъ, соперниковъ. Врагомъ своимъ считалъ онъ и богача, и храбреца, и хитреца, и пароднаго лю-

бийца, и ненавидимаго народомъ, а не освобождать себя отъ врага онъ считалъ преступленіемъ, — и губилъ. Онъ погубилъ почти весь родъ Самойловичевъ, трехъ братьевъ Нечаевъ, Золотуху, многихъ Запорожцевъ, монаховъ; не жалѣлъ стариковъ, не внималъ оправданіемъ невинности; забывалъ чувство сострадательности къ человѣку, муча безъ пощады; а старался объ одномъ — дѣлать явно только то, чего не льзя было сдѣлать тайно. — Не таковъ былъ Мазепа, когда, полный силъ, полный надеждъ на себя и на свое счастье, умный, отважный и храбрый, былъ онъ гвардейцемъ Гвардіи Короля Польскаго Іоанна Казиміра: тогда былъ онъ еще молодъ и свѣжъ, веселъ и самодоволенъ, наслаждался настоящимъ, а о будущемъ только мечталъ. Послѣ 1687 года, принявши въ свои руки булаву Гетмана, онъ былъ уже не тотъ: недаромъ прошли 20 лѣтъ жизни; недаромъ онъ терпѣлъ; не даромъ сталъ онъ старикомъ, хоть и было ему только

43 года, старикомъ полусѣдымъ, полусгорбленнымъ, пожелклымъ, много испытавшимъ. — Такимъ былъ Мазепа, когда счастье, богатство, слава Палія стала чаще и чаще приходить ему на умъ, когда ему стало жаль, что есть на Украинѣ такой Козакъ какъ Палій. И сталъ думать Мазепа, какъ-бы погубить Палія.—

Мазепа думалъ не долго.

Не трудно было Мазепѣ подослать къ Правительству Польскому своихъ клевретовъ, умѣвшихъ оклеветать Палія. Палію все было поставлено въ вину — и его богатство, и его набѣги на Татаръ, и любовь къ нему народа: Палія схватили и отправили въ Магдебургъ. — Однимъ менѣе! — думалъ Мазепа, надѣясь, что тамъ, въ темномъ подвалѣ замка Магдебургскаго, конецъ Палію, и старался уже овладѣть его сокровищами. И что-же! Всюду успѣвалъ Мазепа, а съ Паліемъ на этотъ разъ не удалось. Онъ подкупилъ козачку Палія, думая черезъ нее добраться до Паліевыхъ кладовъ, — и,

не добравшись, напрасно погубилъ бѣдную козачку. Онъ искалъ иныхъ средствъ, забывая о самомъ Паліѣ; а Палій какъ тутъ. Задумавъ освободить своего «батька«, какъ называли Козаки Палія, они отправили въ Магдебургъ огромный обозъ съ товарами: тутъ были и мѣшки съ хлѣбомъ, и кожи, и Козацкая збруя, и 300 Паліевыхъ рыцарей. Обозъ пробрался вечеромъ въ городъ; а ночью стражи крѣпостные были перехвачены, крѣпость проломлена, Палій отысканъ,— и тою-же ночью, оставивши фуры въ городѣ и взявши въ замѣнъ ихъ 4 крѣпостныя пушки, неслись Паліевы рыцари на коняхъ вмѣстѣ съ Паліемъ домой. — Поразила эта вѣсть Мазепу: ему оставалось утѣшаться тѣмъ, что онъ велъ дѣло свое тайно, и что рано или поздно Палій не избѣгнетъ его рукъ.

Палій озлился на Поляковъ. До сихъ поръ, считаясь подвластнымъ Самусю, онъ сохранялъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ видимую покорность Королю;

теперь онъ отказался и отъ видимой покорности. — Еще пировалъ онъ свой возвратъ на родину, когда Польскіе Гусарскіе Полки, съ Нѣмецкой и Польской пѣхотой, съ пулями и мортирами, съ деньгами и универсалами къ народу противъ Палія, вошли въ Украину. Услышалъ онъ объ этомъ, и далъ своимъ товарищамъ слово отмстить Полякамъ по-козацки, какъ бывало-мстилъ онъ въ прежніе годы: «пусть не ходятъ они въ Украину, не разоряютъ народа, безвиннаго и безъ того бѣднаго.« — Часть дружины Палія, подъ его личнымъ начальствомъ укрѣпилась въ городѣ Хвастовѣ, а другая часть скрылась въ окрестныхъ лѣсахъ, — и, когда Поляки обложили городъ, Палій подалъ знакъ нападенія, окружилъ Поляковъ, жестоко разбилъ, и принудилъ бѣжать, оставя у Козаковъ много плѣнныхъ и богатый обозъ. — Поляки вывели другое войско подъ начальствомъ Полковника Рустича; Палій сошелся съ нимъ у Бердичева, и снова такъ жестоко

разбилъ, что только небольшой отрядъ спасся бѣгствомъ въ замкѣ Мангалѣевскомъ. Палій обложилъ и замокъ, и твердо держалъ его въ осадѣ до тѣхъ поръ, пока Рустичъ не ушелъ тайкомъ изъ замка, оставя своихъ воиновъ безъ начальника; тогда Козаки вломились въ замокъ, перебили Поляковъ и подѣлились богатой добычею. Послѣ этого Палій еще не разъ платилъ Полякамъ своей саблей за Магдебургскій плѣнъ.

Не забывалъ Палій и Татаръ, трижды врывавшихся въ его владѣнія въ то время, когда былъ въ заключеніи. Въ 1692 году онъ ходилъ подъ Очаковъ и воротился домой съ Татарскими стадами; въ 1693 онъ соединился съ Козаками разныхъ Малороссійскихъ полковъ, разбилъ Татаръ подъ Кизикерменемъ, на Кодымѣ и у Васютова Яра, и опустошилъ часть Бессарабіи; въ 1694 онъ снова пошелъ на Очаковъ, жестоко разбилъ въ немъ Турокъ, и разорилъ городъ, а потомъ завернулъ въ Буджац-

кую степь, — и въ оба похода наградилъ своихъ воиновъ богатою добычею. Палій былъ такъ страшенъ Татарамъ, что одинъ слухъ о приближеніи его войскъ заставлялъ ихъ бѣжать далеко въ пустыни и горы, лишь-бы не попасться на глаза Козакамъ; еще болѣе страшенъ сталъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ, сражавшись съ своими охотниками противъ Янычаръ, защищавшихъ однѣ изъ воротъ Очакова, прорвался въ крѣпость по плечамъ Янычаръ, рубя ихъ подъ собою, и въ самой крѣпости убилъ нѣсколькихъ мурзъ: Турки засыпали могилою эти ворота, и прорубили башню въ другомъ мѣстѣ; а эта могила до недавняго времени носила названіе Паліевой.

Успѣвая въ битвахъ съ Татарами и Поляками, Палій не думалъ о Мазепѣ, и вздумалъ, когда захотѣлъ сдѣлаться подданнымъ Царя Русскаго: онъ просилъ объ этомъ Мазепу, обѣщая служить Его Царскому Величеству вѣрно и честно, и требуя въ вознагражденіе

позволеніе своимъ товарищамъ селиться въ городахъ, подвластныхъ Царю. Палій, конечно отъ чистаго сердца просилъ подданства; но Мазепа иными глазами смотрѣлъ на эту просьбу, считая вѣроятно и Палія такимъ-же хитрымъ и двоедушнымъ, каковъ былъ самъ: незадолго передъ тѣмъ трое Татаръ были подкуплены Мазепою убить Палія, не успѣли, поплатились жизнію,— и Мазепа воображалъ, что Палій знаетъ о подкупѣ, и просьбою о подданствѣ старается прикрыть какое-нибудь злое намѣреніе. Мазепа отказалъ Палію, ссылаясь на мирные переговоры, постановленные съ Польшею, и даже запретилъ своимъ Полковникамъ принимать къ себѣ въ службу его Козаковъ. — И этимъ не ограничился Мазепа: онъ извѣстилъ Короля Польскаго Августа II о намѣреніи Палія сдѣлаться Царскимъ подданнымъ, прибавя, что Палій думаетъ сдѣлать Царскимъ владѣніемъ всю Западную Украину, которая считалась

полнымъ владѣніемъ Польскимъ; а въ Москву писалъ, что Палій имѣетъ злые замыслы противъ Русскихъ, и что бунтуя безпрестанно за Днѣпромъ хочетъ взбунтовать и народъ, живущій по сію сторону Днѣпра. Поляки, и безъ того уже озлобленные на Палія, послали противъ него войско; а Мазепа нанялъ Жидовъ, надѣясь черезъ нихъ захватить Палія въ свои руки. Однако и на этотъ разъ ни тѣ, ни этотъ не имѣли успѣха: Поляки были разбиты, Жиды схвачены и повѣшены, а напавшіе въ то-же время Татары спаслись бѣгствомъ. Что ни употреблялъ Мазепа противъ Палія, ничто не удавалось, — и Мазепа только злился, а вмѣстѣ съ тѣмъ и боялся, чтобы Палій не вздумалъ начать съ нимъ открытую вражду.

Палій между тѣмъ жилъ припѣваючи; овладѣлъ Бѣлою Церковью, убивши всѣхъ Поляковъ и Жидовъ, какихъ нашелъ, и сдѣлалъ въ Бѣлой Церкви свою столицу, укрѣпивши ее рвами и

валами. Немного спустя Немировъ перешелъ такимъ-же образомъ въ руки Палія, вслѣдъ за нимъ и другіе города, въ которыхъ оставались дотолѣ Поляки, сдѣлались такимъ-же владѣніемъ охотнаго войска Паліева. Поляки высылали противъ него отрядъ за отрядомъ, отнимали у него иногда многіе города, опустошали цѣлыя страны; но сломить Палія было трудно. Бѣлая церковь и Немировъ были сильно укрѣплены и хранили богатые военные запасы, въ храбрецахъ Козакахъ у Палія недостатка не было, — и Палій за одно пораженіе отплачивалъ двумя побѣдами, послѣ которыхъ Поляки обыкновенно спасались бѣгствомъ, оставляя за Паліемъ все, что успѣвали отнять у него, и кромѣ того свои обозы. Напрасно Августъ II просилъ принять участіе въ усмиреніи Паліевцевъ и Мазепу, и Царя Петра I: ни »вѣрный другъ его«, какъ называлъ Августъ Мазепу, ни Петръ I, ни просьбы, ни угрозы не могли ничего сдѣлать.

Не принятый въ подданство Русское, не желая быть подвластнымъ Польшѣ, Палій считалъ себя независимымъ, и признавалъ одну свою волю да волю своихъ Козаковъ. — Битвы съ Татарами возобновлялись почти ежегодно, и были для Палія столь-же успѣшны какъ и битвы съ Поляками. Такъ было до 1704 года.

И видали тогда Палія въ Бѣлой Церкви, окруженнаго вѣрными Козаками. Хоть и былъ онъ богатъ, какъ никто изъ Козаковъ, хоть и былъ онъ уважаемъ и столько-же гордъ своей славой; но его ни чѣмъ не льзя было отличить отъ другихъ Козаковъ: такой-же длинный усъ, такая-жь чуприна на бритой головѣ, и синій жупанъ, и соломенная постель, и хата съ кимнатой, и все, какъ у всякаго изъ его товарищей. Его можно было отличить развѣ по черному шраму подъ лѣвымъ вискомъ, напоминавшему одну изъ боевыхъ его схватокъ съ Поляками, да по грозному взгляду. Собирались-ли Козаки на пиръ,—распи-

вать медъ и вино, — и Палій былъ съ ними, пилъ и гулялъ, и пѣлъ, и плясялъ; а пускались-ли въ охоту па травлю дикаго звѣря въ степь, — и Палій не отставалъ отъ другихъ. — Онъ былъ уже старъ, хоть и свѣжъ.

Не зналъ Мазепа, что дѣлать съ Паліемъ, и задумалъ примириться съ нимъ:—не помогли помощники—думалъ онъ — авось помогу я самъ себѣ, — и написалъ къ Палію ласковое письмо, называлъ его Гетманомъ Бѣлоцерковскимъ, признавалъ его власть въ Заднѣпріи, убѣждалъ покориться Царю, посылая къ нему милостивую Царскую грамоту, обѣщалъ именемъ Царя награды за участіе въ войнѣ со Шведами, которая тогда разгоралась, готовясь вспыхнуть всѣмъ своимъ пламенемъ. Палій не всему вѣрилъ, что писалъ ему Мазепа; но по своему простодушію не могъ ничему не вѣрить: Мазепа звалъ Палія въ Бердичевъ погулять вмѣстѣ и переговорить о дѣлахъ, — Палій напи-

салъ ему грубый отвѣтъ, и поѣхалъ. — Не зналъ Палій Мазепы, иначе-бы не воображалъ, что дѣло кончится миромъ. Оно кончилось, какъ и въ голову Палію не приходило: Мазепа ласково принялъ его, Мазепа угощалъ его какъ дорогаго гостя, каялся въ томъ, что, не знавши его великой души, не спѣшилъ съ нимъ сблизиться, двусмысленно и осторожно отвѣчалъ на всѣ пылкія слова Палія; а потомъ, напоивши Палія пьянымъ, оковалъ, — и бросилъ въ тюрьму.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ этаго. Палій, обвиненный въ сношеніяхъ съ Королемъ Шведскимъ, Карломъ XII, въ посягательствѣ на Гетманство, въ разныхъ злодѣяніяхъ, ѣхалъ окруженный стражею, прикованный къ возу, ѣхалъ изъ Москвы — въ Енисейскъ. — Тамъ ему будетъ лучше нежели въ Магдебургѣ, — говорилъ Мазепа; овладѣлъ Бѣлой Церковью и всѣмъ богатствомъ Палія, какое могъ найдти, а

Козаковъ его принудилъ смириться — кого лестію, кого угрозами, кого силой. 12 статныхъ товарищей Палія не захотѣли признать власти Мазепы, требовали, что-бы имъ отдали ихъ »батька«, — и были всѣ задушены, или потоплены.— Пошелъ Палій одинъ горевать свое горе далеко отъ родины, далеко отъ своихъ удалыхъ товарищей, — и не зналъ, что онъ одинъ не только въ Сибири, но и во всемъ мірѣ, что скоро о немъ и говорить перестанутъ въ Украинѣ.

III.

Третье лѣто встрѣчалъ уже Палій на берегахъ Енисея, когда вѣсть о свободѣ освѣжила его увядавшую душу.

Въ Украинѣ много перемѣнилось въ это время. Уже въ 1704 году, когда еще Палій былъ независимымъ владѣтелемъ Бѣлой Церкви, уже и тогда носились слухи, что Мазепа измѣнилъ Царю Петру-I, своему благодѣтелю, который его обогатилъ, возвеличилъ и под-

державалъ своей силой во всѣхъ напастяхъ; носились слухи, и говорили даже, что Палій доносилъ объ этихъ слухахъ Царю, и своимъ доносомъ ускорилъ свою недолю. Съ 1706 года слухи стали вѣрнѣе: Мазепа велъ переговоры съ Карломъ XII, съ Лещинскимъ, котораго Карлъ XII хотѣлъ возвести на престолъ Польскій вмѣсто Августа II, съ Поляками; собиралъ Старшинъ Козацкихъ на пиры, увеселялъ ихъ, потчивалъ, какъ никогда прежде; распространялъ по Украинѣ злыя вѣсти о Петрѣ I, о его намѣреніяхъ;—потомъ, когда надобно было дѣйствовать оружіемъ въ пользу Петра I, онъ дѣйствовалъ лѣниво, противъ выгодъ Царя, или притворялся больнымъ, и ничего не дѣлалъ. Доносъ за доносомъ и случай за случаемъ все болѣе должны были обвинять Мазепу предъ Царемъ; но Петръ I все еще вѣрилъ Мазепѣ, или по крайней мѣрѣ казалось, что вѣрилъ; а Мазепа, ведя все далѣе свои переговоры съ Карломъ XII и съ Поляками,

мстилъ доносчикамъ, какъ онъ имѣлъ обычай мстить — мстилъ безжалостно. Въ 1708 году пошли по Украинѣ списки съ договорныхъ статей Мазепы съ Карломъ XII и новымъ Королемъ Польши Станиславомъ Лещинскимъ. Мазепѣ мало было, что онъ былъ Римскій Князь, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Андрея Первозваннаго; онъ хотѣлъ быть еще Владѣтельнымъ Княземъ Полоцкимъ и Витебскимъ на правахъ Курляндскаго Герцога, и мало-ли еще чего хотѣлъ Мазепа; а желая достигнуть всего этого, онъ обязался Карлу XII впустить его безопасно въ Малороссію, помочь ему Козацкимъ Войскомъ и вмѣстѣ съ нимъ идти на Москву. Въ Октябрѣ 1708 года — Мазепа уже присягнулъ въ вѣрности Карлу XII, отдалъ ему свой бунчукъ, — и проклятъ въ Малороссіи. Тогда только Петръ пересталъ сомнѣваться въ Мазепѣ, и старался охранить Малороссію отъ Шведовъ: Козаки недолго оставались въ

обманѣ; войско Мазепы, переданное Карлу XII, ежедневно уменьшалось, а защитники свободы Украины отъ Шведовъ все болѣе увеличивались, соединяясь съ Русскими войсками.

Вотъ когда вѣсть объ освобожденіи долетѣла до пустынной глуши заключенія Палія. Съ восторгомъ принялъ онъ ее, надѣясь еще отомстить и за себя, и за родину,—и не обманулся въ надеждѣ.

27 Іюня 1708 года — кто не знаетъ этого дня, кто не молился кресту на Шведской могилѣ, напоминающему этотъ незабвенный день, рѣшившій судьбу Украины, Карла XII, Мазепы.... Палій былъ подъ Полтавой, успѣвши уже собрать немалую дружину, и до битвы 27 Іюня разбить нѣсколько разъ Шведовъ и Мазепинцевъ. — Карлъ XII и Мазепа бѣжали въ Бендеры. Карлъ XII мучился досадой; а Мазепа, вѣрно не надѣясь на покойную кончину, принялъ ядъ, и умеръ.

Украина отдохнула.

Палій хотѣлъ-было зажить попрежнему; но и ему пришла пора сложить голову. Разъ только, и то на короткій срокъ, вспоминая свою прежнюю удалую жизнь, ходилъ онъ противъ Татаръ, — и, возвратившись, поѣхалъ прямо въ монастырь Межигорскій на покой.

Сказалъ прости своимъ товарищамъ, и 18 Января 1710 года сложилъ буйную голову.

Не забыли Палія и до сихъ поръ.

Подробности о Паліѣ до ссылки его въ Енисейскъ взяты изъ Дзѣвовича; остальное изъ Шафонскаго. Другіе Лѣтописи служили для соображенія, равнымъ образомъ и Акты. — Пѣсни см: ниже: N 6—12.

ПѢСНИ, ДУМЫ И ПРЕДАНІЯ,

поясняющія сказанія Лѣтописцевъ.

I.

Голтвянская Битва.

Самая важная изъ пѣсенъ, повѣствующихъ о междоусобіи Пушкаря съ Выговскимъ, есть та, которая помѣщена Запор. Стар. Часть II. Кн. I. стр. 47-53. Вотъ Русскій переводъ этой пѣсни:

Не день и не два Гетманъ Выговскій приступалъ къ Полтавѣ. У него самаго было сорокъ тысячь, еще-же велъ онъ и Поляковъ съ собою. Куда-же то гнусный Выговскій велъ Поляковъ?

Ой, велъ онъ Поляковъ противъ Козаковъ! Ой, велъ онъ Поляковъ на Пушкаря, за-

чѣмъ стоитъ онъ за Бѣлаго Царя и за Вѣру Православную.

— Царь, Бѣлый Царь! Пора уже съ тобою разсчитаться. И ты, Царь, и ты, Мартынъ Пушкарь! будете вы знать, какъ меня величать. Будете вы знать, какъ меня почитать, какъ Украину къ себѣ преклонять, будете вы знать, какъ бѣгствомъ скрываться въ лѣсахъ. —

И Гетманъ Выговскій шелъ путемъ въ Полтаву; а, перешедши свой путь, станомъ сталъ по Голтвѣ рѣкѣ, и, ставши станомъ, окликалъ Пушкаря:

— Мартынъ, Мартынъ! Песій ты сынъ! Иди ты со мною медъ-горѣлку распивать, Козаковъ считать. Тѣ, что по-удалѣе, ко мнѣ перейдутъ; а тѣ, что по хуже, станутъ биться со мной.

И поспѣлъ прійдти Мартынъ Пушкарь, сталъ по правому берегу; изъ пушекъ изъ ружей сталъ въ Гетманцевъ стрѣлять.

— Мартынъ, Мартынъ, песій ты сынъ! Что ты задумалъ, что загадалъ? Какъ

осмѣлился ты выйдти противъ Гетмана Выговскаго? У тебя, песій сынъ, дрянью дрянь; а у меня и Поляки, и Козаки, и Татарская Орда. — Ну-же Панъ Стефанъ, какъ поживаешь? У тебя и кони есть, и пушки есть, — за чѣмъ-же не нападаешь ты на Пушкаря?

— Я-бы на него разомъ напалъ; да ему Бѣлый Царь помогаетъ, а у меня нѣтъ ни пушекъ, ни коней, ни вѣрной души.

— Ну-же, Панъ Трофимъ, какъ поживаешь? У тебя и храброе войско, и вѣрная душа, — чего-же ты не нападаешь на Пушкаря?

— Я-бы на него разомъ напалъ, да ему Бѣлый Царь помогаетъ, а у меня ни войска, ни коней, ни вѣрной души нѣтъ.

И по берегу Голтвы ѣдетъ Пушкарь на конѣ; ѣдетъ онъ, Гетману Выговскому такъ говоритъ:

— Ой, Панъ Гетманъ, что же ты думаешь, гадаешь? За чѣмъ не нападаешь на меня? —

А Выговскій медъ-вино пьетъ; волоса на себѣ рветъ, не добро предчувствуетъ,

бѣды себѣ ждетъ. — Тогда стали Пушкаревцы наступать на Поляковъ, стали Поляковъ разбивать, убивать и спереду, и въ рядахъ. А Выговскій сѣлъ на коня, въ Чигринъ-Дуброву бѣжалъ; оставилъ на Голтвѣ Стефана Омельниченка однимъ одного. Панъ-же Стефанъ доброе думаетъ, замышляетъ; озываетъ Мартына Пушкаря, такъ ему говоритъ:

— Прими меня къ себѣ! Буду тебѣ вѣрно служить, буду вѣру православную защищать, Царя Бѣлаго почитать.

А Выговскій сѣлъ на коня, въ Тешлыцкую Сѣчь убѣжалъ; оставилъ на Голтвѣ Трофима Сороку однимъ одного. Панъ-же Трофимъ доброе думаетъ, замышляетъ; озываетъ Мартына Пушкаря, такъ ему говоритъ:

— Прими меня къ себѣ! Буду тебѣ вѣрно служить, буду вѣру православную, защищать Царя Бѣлаго почитать.

Зналъ тогда Пушкарь, за что Бѣлаго Царя уважалъ: Поляковъ разбилъ, Выговскаго прогналъ, самъ остался въ мирѣ. —

Прежде всего надобно пояснить мѣстность битвы, описанной въ этой любопытной пѣснѣ:

1. Выговскій шелъ къ Полтавѣ чрезъ Голтву, слѣдовательно съ Днѣпра или изъ-за Днѣпра на Западъ. 2. *Голтва* — рѣчка, течетъ въ Псёлъ слѣва, и впадаетъ въ него подъ мѣстечкомъ Полтавской Губерніи Голтвой, бывшимъ Сотеннымъ мѣстечкомъ Полтавскаго Полка. 3. Пѣсня не опредѣляетъ мѣста битвы, но изъ ея выраженій ясно видно, что Выговскій стоялъ съ своимъ войскомъ на лѣвомъ берегу, а Пушкарь расположилъ свое на правомъ. 4. *Чигринъ дуброва* была мѣстечкомъ Сотеннымъ Лубенскаго полка, лежитъ на Сулѣ почти при впаденіи ея въ Днѣпръ, прямо на Западъ отъ Голтвы. 4. О *Сѣчѣ Тешлицкой* см. въ Запор. Стар. II. 2. 116.

Но когда была эта Голтвянская битва? Кто это Стефанъ и Трофимъ, о которыхъ пѣсня упоминаетъ, какъ о главныхъ начальникахъ войска Выгов-

скаго? Лѣтописи молчать; надобно прибѣгнуть къ догадкамъ.

Сначала о *Стефанѣ Омельниченкѣ*. — 1. Былъ *одинъ* только Стефанъ изъ всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ во время Выговскаго, Стефанъ *Сулима*. О немъ Лѣтописи упоминаютъ, ему-же дана нобилитація по Гадяцкому договору. Онъ могъ прозываться и Омельниченкомъ, какъ Адамовичъ назывался Волочаемъ, Джеджелей Чичаемъ, и т. п. — 2. Объ этомъ Стефанѣ Сулимѣ читаемъ у Рогалевскаго, что онъ былъ прежде на сторонѣ Пушкаря, и потомъ отсталъ отъ него. Въ пѣснѣ говорится напротивъ; но почему не могъ онъ перейдти на сторону Выговскаго опять, послѣ событія, упоминаемаго въ пѣснѣ?—Полагаю что Стефанъ Омельниченко есть никто другой какъ *Сулима Стефанъ*.

О *Трофимѣ Сорокѣ*. — 1. Три Трофима принимали участіе въ борьбѣ Выговскаго съ Пушкаремъ: одинъ Тро-

фимъ Жученко, братъ Өедора, бывшаго потомъ Полтавскимъ Полковникомъ; другой — Небаба, Сотникъ Кальницкій; третій Гуляницкій, братъ Григорія Полковника Нѣжинскаго, Судья того-же Полка и потомъ, если не въ то-же время, Атаманъ нѣкоторой части Низовыхъ Козаковъ. Жученки были всегда на сторонѣ Пушкаря, Небаба былъ неболѣе какъ Сотникъ, — а слѣдовательно Трофимомъ Сорокою могъ быть одинъ Гуляницкій. — 2. Ктому-же Лѣтописи упоминаютъ о братѣ Гуляницкаго (не называя впрочемъ по имени) такъ, что нельзя не догадываться о тожествѣ его съ Сорокою: именно въ Лѣтописи Рогалевскаго (почти то-же у Симоновскаго и у Дзѣвовича) сказано, что Гуляницкій, младшій братъ Григорія передался-было на сторону Пушкаря, и потомъ захваченный Выговскимъ былъ имъ казненъ незадолго до битвы подъ Полтавой. — Полагаю, что *Трофимъ Сорока* есть этотъ самый *Гуляницкій*.

Если все это такъ, то догадка о времени битвы Голтвянской не мудрена. — 1. Битвы Выговцевъ съ Пушкаревцами возобновлялись два раза: въ первый разъ важнѣйшею битвою была Груньская на р. Груни, впадающей въ Пселъ неподалеку отъ Груни, Сотеннаго мѣстечка Гадяцкаго полка; во второй разъ битвы окончились гибелью Пушкаря. Голтвянская битва не можетъ быть отнесена ко второй эпохѣ, потому что статьи Гадяцкаго договора, въ которыхъ упоминается и о Сулимѣ или Омельниченкѣ, были составлены прежде, и Сулима долженъ былъ имѣть время примириться съ Выговскимъ. Слѣдовательно Голтвянская битва была или не задолго прежде или не много спустя послѣ битвы Груньской. — 2. Къ этому времени Лѣтописцы относятъ одну битву, глухо упоминая что она произошла неподалеку отъ Полтавы; Голтва не далеко отъ Полтавы: можно предполагать что эти двѣ битвы тожественны. Тутъ одно

сомнѣніе. Лѣтописцы упоминаютъ о битвѣ неподалеку отъ Полтавы такъ, что можно догадываться, что она была прежде Груньской, между тѣмъ какъ Голтвянская битва должна была быть послѣ Груньской,—и вотъ почему: — 3. Подъ Груней военачальникомъ войска Выговскаго былъ Тимошь Гадяцкій, а не Сулима и не Гуляницкій, и Выговскаго еще не было; а на Голтвѣ не могъ дѣйствовать Тимошь, бывшій уже въ плѣну, и явился самъ Выговскій. Съ другой стороны пѣсня рѣшительно говоритъ, что Пушкарь послѣ Голтвянской битвы »у мирѣ ставъ«: этого не сказала-бы она, если-бы за нею слѣдовала битва Груньская, а не ей предшествовала.—4. Но могла-ли быть битва неподалеку отъ Полтавы прежде битвы Груньской, какъ можно догадываться изъ словъ Лѣтописцевъ? Думаю, не могла. Соображая событія, легко видѣть, что Пушкарь пошелъ на Выговскаго въ Гадячь, и вотъ почему сначала Выгов-

скій хотѣлъ было выслать противъ него Стародубскій и Нѣжинскій Полки, а не иные,-а потомъ, вооруживши полкъ Гадяцкій съ наемнымъ войскомъ, велѣлъ Тимошу сразиться съ Пушкаремъ. Пушкарю нѣкогда было сражаться съ Выговскимъ неподалеку отъ Полтавы до этого; послѣ-же битвы Груньской такая битва легко могла случиться. Разбивши Тимоша, и узнавши о приближеніи Выговскаго къ Полтавѣ, Пушкарь поспѣшилъ внизъ по Пслу на встрѣчу ему, и, не допустивши Выговскаго, разбилъ его неподалеку отъ Полтавы. — 5. Можемъ слѣдовательно заключить что Голтвянская битва есть именно та, которая, по словамъ Лѣтописцевъ, произошла неподалеку отъ Полтавы; но должны вмѣстѣ признать ошибкою поставку этой битвы передъ Груньскою. Ходъ войны ясенъ.

2.

Пѣсня на смерть Пушкаря.

Прелестная пѣсня, доселѣ любимая народомъ. Подлинную см. въ Запор. Старинѣ II. I. 54-55. Вотъ Русскій переводъ:

Течетъ рѣчка небольшая, называютъ ее Ворсклой; о той рѣчкѣ небольшой знаютъ старики и дѣти. О той рѣчкѣ умѣютъ пѣсню пропѣть; любятъ о той рѣчкѣ и думу задумать. Дума, ты, дума! какъ-бы не стало скорбно! Дума, ты, дума! Какъ-бы не быть тревогѣ . . . .

Гдѣ-же вы, Паны молодцы Козаки? Кости въ могилахъ, а сабли въ болотахъ. —

Гдѣ-же и ты, Пушкарь, храбрый Козакъ, что по тебѣ, другъ, плачетъ вся Украина? Кости въ могилѣ, самъ у Господа Бога

О, плачь, Украйна, бѣдная сирота! Твое свѣтлое счастье Выговскій разрушилъ, — у него-ли сердце не камень, у него-ли умъ не чортовъ умъ.

Предполагаю, что въ пѣснѣ недостаетъ описанія битвы подъ Полтавой: я былъ-бы счастливъ, если-бъ этимъ указаніемъ заставилъ любителей старины Украинской, имѣющихъ случай, потрудиться разузнать, нѣтъ-ли этой середины въ памяти кого-нибудь, и потомъ издать это важное дополненіе, если оно будетъ найдено. Если найдется нѣсколько различныхъ вставокъ, тѣмъ лучше: критика оцѣнитъ ихъ. — Самъ я слышалъ ее только по отрывкамъ.

3.

Юрій Хмельниченко избранъ Гетманомъ.

Не разъ мнѣ достовалось слушать бандуристовъ и стариковъ, знающихъ старину, что у Богдана Хмельницкаго было три сына — Тимоѳей, или какъ они называли Тимошь, Юрій или Юрусь и Иванъ или Ивашко. Они прибавляли, что Юрій и Иванъ пережили отца, и по смерти его оба желали быть Гетманами. Это повело дѣло къ междоусобной войнѣ, которая продолжалась до тѣхъ поръ пока Иванъ былъ убитъ. — Въ Лѣтописяхъ (по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ, которыя мнѣ извѣстны) ничего объ этомъ нѣтъ; нѣтъ и въ Дипломатическихъ Актахъ, доселѣ изданныхъ. Но откуда-же зашло это въ память бандуристовъ и стариковъ? вѣрно,

не изъ воображенія. Во всякомъ случаѣ на этотъ пунктъ стоитъ обратить вниманіе. Я надѣялся найдти этому объясненіе въ народной думѣ, о подвигахъ Юрія до утвержденія его въ Гетманскомъ достоинствѣ, — она должна, кажется, упоминать и объ этомъ; но эта дума осталась мнѣ извѣстною только въ отрывкахъ, самыхъ незначительныхъ. Смотр. ихъ въ Запор. Стар. II. 1. 55. 56. Вотъ Русскій переводъ.

Не черныя тучи застилали ясное солнце, не буйные вѣтры выли по темному лѣсу,— то Казаки погребали Хмельницкаго, оплакивали отца своего.

Молодой-же Юрій гуляетъ подъ Бѣлою Церковью, ничего не знаетъ о смерти отца, — и вотъ какъ пріѣхали къ нему конники, какъ подали бумаги, какъ прочиталъ ихъ Юрій, не взвидѣлъ Божьяго свѣта . . .

Да и не долго гетманствовалъ Выговскій: полтора года булаву держалъ.

Не черныя тучи застилали ясное солнце, не буйные вѣтры выли по темному лѣсу,— то Козаки возставали, задумали поберечь свою славу. Тогда съѣзжались къ Юрію Сотники и Полковники, избирали они Гетманомъ Юрія Хмельниченка. И молвили тогда Козаки: — Дай, Боже, жить съ молодымъ Гетманомъ, какъ жилось со старымъ, хлѣбомъ-солью быть богатыми, города Турецкіе раззорять, рыцарскую славу Козацкому войску добывать.

Тутъ явственны три отрывка: одинъ о смерти Богдана, другой о Выговскомъ, третій объ избраніи Гетманомъ Юрія. Болѣе другихъ важенъ третій отрывокъ— объ избраніи Гетмана, съ поздравительной пѣсенькой: эта пѣсня пѣлась Козаками всегда при избраніи Гетмановъ, а въ Запорожьи при избраніи Кошевыхъ Атамановъ. — Что касается до перваго отрывка, то хотя въ Исторіи Малой Россіи Бантыша Каменскаго и читаемъ цѣлую рѣчь Богдана сыну, однако вѣр-

нѣе, что онъ не говорилъ ее Юрію, и что Юрій въ самомъ дѣлѣ не зналъ о смерти отца, гуляя подъ Бѣлою Церковью (городъ у Роси-рѣки): это говоритъ народное преданіе, всегда вѣрное въ подобныхъ случаяхъ; это подтверждаютъ и нѣкоторыя Лѣтописи, достойныя вѣры болѣе тѣхъ, которыя, какъ Лѣтопись Конисскаго, наполнена очень сомнительными документами и совершенно неумѣстнымъ стараніемъ выражаться и описывать событія à le Tite Live. Во второмъ отрывкѣ говорится, что Выговскій былъ Гетманомъ полтора года: такъ и въ Лѣтописяхъ — съ Февраля 1656 года по Августъ 1659. Третій отрывокъ, важный пѣснею, совершенно неваженъ въ историческомъ отношеніи къ времени, котораго касается. Я имѣлъ отъ Г. Хиждеу болѣе подробный списокъ этаго третьяго отрывка; но онъ видимо сомнителенъ — участіемъ воображенія XIX вѣка, которое, мѣшаясь въ дѣла XVII вѣка, можетъ быть болѣе смѣшно, нежели занимательно.

4.

Пѣсня на постриженіе Юрія въ монахи.

Можетъ быть, и слишкомъ смѣло я даю такое названіе пѣснѣ, помѣщенной въ Запор. Стар. II. 1. 57-58; но думаю, что она должна относиться именно къ 1662 году, когда Юрій Хмельницкій, пытаемый неудачами, рѣшился проститься съ міромъ и подъ клобукомъ монашскимъ искать утѣшенія въ горѣ. Вотъ переводъ этой пѣсни:

Ой, Панъ Хмельниченко! Юринька, Юрій!
Завяла твоя головка, печальный цвѣтокъ!—
Или то знать такъ дала себя Туречина?
или такъ Гетманщина тебя сокрушила?—
Ой, Юрій Хмельниченко, удалый молодецъ!

Всѣмъ ты лихой Козакъ, всѣмъ ты прекрасенъ; да изломилася сабля на бедрѣ твоемъ; да стянули жупанъ съ тебя вольные Козаки. Ой, Юрій Хмельниченко, знатный Козакъ! Таково уже счастье твое, что сабля застонала; такова уже доля твоя, что жупанъ развязался, Козакамъ какъ добыча военная достался въ удѣлъ.

Тутъ только слова »монахъ« не случилось; а понять не трудно, что дѣло идетъ о перемѣнѣ Козацкаго жупана и сабли на рясу и клобукъ.

5.

Смерть Морозенка.

Морозенко, прославившійся въ войнахъ противъ Поляковъ во время Богдана Хмельницкаго, дѣйствовалъ и по

смерти его еще довольно долго. До сихъ поръ трудно сказать что-нибудь положительное о характерѣ дѣйствій этого героя, любимца народной памяти. Разбросанныя упоминанія Лѣтописцевъ ни къ чему не ведутъ; а народная память сохранила немногія событія. Мы видѣли народныя пѣсни о Морозенкѣ, воспѣвающія подвиги его при Богданѣ; остаются еще двѣ пѣсни о смерти Морозенка. Подлинникъ ихъ смотри въ Запор. Стар. II. 1. стр. 58—62. Вотъ Русскій переводъ:

I.

Изъ за горы, изъ за кручи выступаетъ гордое войско. Передъ нимъ ѣдетъ Морозенко, гарцуетъ на сѣромъ конѣ.

И склонилъ онъ голову на гриву къ коню своему: — Бѣдная голова моя! Тутъ чужая сторона . . . .

А у нашего Морозенка красная застежка; гдѣ ни пройдетъ Морозенко — за нимъ въ слѣдъ тропинка кровью облита.

А у нашего Морозенка красная лента; гдѣ ни пройдетъ Морозенко, — за нимъ вслѣдъ течетъ ручей крови.

Очень явно, что это неболѣе какъ ломанные отрывки изъ пѣсни. Жаль пропавшей середины, а по отрывкамъ можно заключать немногое: — 1. Имѣлъ Морозенко свое войско, и, забравшись въ какую-то чужую сторону, сталъ почалиться. 2. Онъ былъ израненъ, и, разумѣется, погибъ.

II.

Изъ за горы, изъ за кручи выступаетъ черная туча. Ѣдетъ впереди Морозенко, гарцуетъ на своемъ сѣромъ конѣ.

— Пора тебѣ перестать, Морозенко, гарцовать на своемъ сѣромъ конѣ. Иди съ нами, съ Козаками, иди погулять.

Сталъ Морозенко гулять и пѣсни распѣвать; стали тогда Турки и Поляки на падать на него.

Напали они на Морозенка съ саблями,

кругомъ окружили; да Морозенко вырвался изъ подъ рукъ

Напали на Морозенка изъ подъ грimы съ палатей, — оплакали Морозенка родные братья и сестры. Напали на Морозенка изъ подъ гримы съ палатей, — оплакали Морозенка отецъ и родная мать.

И повели Морозенка на могилу крутую: — Гляди-же, гляди, Морозенко, на свою Украину. — Не поможетъ, Боже мой, своя Украина, — какъ-же помощи ждать отъ чужой Украины.

И подвели Морозенка подъ высокую грушу, — исторгли изъ Морозенка невинную душу. У того Морозенка въ петлѣ застежка, — куда ни несли Морозенка, оставалась слѣдомъ кровавая тропинка. У того Морозенка въ петлѣ лента, — куда ни несли Морозенка, оставался слѣдомъ кровавый ручей.

Прощай, прощай, Морозенко, славный Козакъ. По тебѣ, по Морозенкѣ, плачетъ вся Украина.

Изъ этой пѣсни можемъ вывести вотъ что: — 1. Во время погибели Морозенка Поляки и Турки были въ мирѣ, и дѣйствовали за одно. 2. Морозенко вооружился противъ нихъ, и ждалъ битвы; наконецъ товарищи упросили его отдохнуть отъ военныхъ приготовленій, и дать имъ погулять. Въ это самое время Поляки и Турки напали на него, жестоко ранили, и потомъ, взявши въ плѣнъ, убили. — Остальное тоже почти, что и въ первой пѣснѣ.

Соображая событія, должно по всѣмъ вѣроятностямъ заключить, что смерть Морозенка случилась около 1677 года, когда Турки, заключивши миръ съ Поляками въ 1677 году 16 Октября, втортнулись въ Украину съ цѣлію овладѣть ею и сдѣлать Гетманомъ Запорожскихъ войскъ Юрія Хмельницкаго, бывшаго тогда уже поклонникомъ Мугамеда.

6.

Палій и Мазепа.

Въ Запор. Стар. II. 1. стр. 62—68, помѣщена пѣсня, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, относится ко времени измѣны Мазепы Петру Великому, и сложена, безъ сомнѣнія, Козаками, оставшимися вѣрными Россіи. Въ этой пѣснѣ расказывается довольно подробно случай, какъ Мазепа обманомъ захватилъ Палія въ свои руки и бросилъ въ темницу. Вотъ Русскій переводъ этой пѣсни:

Ты думаешь, Панъ Мазепа, замышляешь измѣнять; хочешь напасть на Царя, разорить Москву, и не только напасть на Царя и разорить Москву — самъ ты хочешь въ Столицѣ царствовать какъ Царь.

Въ городѣ Полтавѣ гуляетъ Мазепа;

сидитъ онъ съ Искрою, съ Кочубеемъ, плачетъ и рыдаетъ.

— Велю я Королю Шведскому бить Москалей; о, велю я Запорожцамъ разорять Москву.

И сталъ уже станомъ въ полѣ проклятый песъ Мазепа, и потчивалъ (своихъ гостей) зеленымъ виномъ и сладкимъ медомъ. И говоритъ Гетманъ Мазепа Семену Палію:

— Ой, ты Палій Семенъ! Не измѣнилъ-ли ты мнѣ?

— Какъ-же могу я, Гетманъ Мазепа, измѣнить тебѣ, если ты будешь, Мазепа, все добромъ дѣлать.

— Я думаю, Семенъ Палій, Москву разорять, самъ въ Столицѣ хочу царствовать какъ Царь.

— Стоять тебѣ прежде, Гетманъ Мазепа, у столба (на привязи), чѣмъ въ Столицѣ доведется зацарсвать Царемъ.

— Прошу я тебя, Семенъ Палій, чашу вина пить.

— Лжешь ты, лжешь, проклятый Мазепа, ты хочешь меня погубить.

А Максимъ Искра сидитъ; знаетъ онъ хорошо Мазепу, Семену Палію такъ говоритъ:

— Перестань, Семенъ Палій, перестань пить Мазепино вино: ой, хочетъ проклятый Мазепа убить тебя ружьемъ.

И пьетъ Семенъ, и пьетъ Палій, клонитъ голову; а чура Мазепинъ готовитъ для него оковы. И пьетъ Семенъ, и пьетъ Палій, съ ногъ ужъ свалился; стоитъ Мазепа и удивляется.

И крикнулъ Панъ Гетманъ Мазепа своимъ Гайдукамъ: —

— Возьмите Палія Семена за крѣпкія руки.

И крикнулъ Панъ Гетманъ Мазепа Янычарамъ своимъ:

— Гей, возьмите Палія Семена, залейте въ оковы.

И крикнулъ Панъ Гетманъ Мазепа на своихъ охотниковъ:

— Гей, возьмите Палія, Семена, заключите въ стрѣльницу.

Не далъ Гетманъ Мазепа ни пить, ни ѣсть Палію, пока не послалъ проклятый письмъ въ столицу. Какъ-же выслалъ Гетманъ Мазепа въ столицу письма, велѣлъ бросить Палія въ темную тюрьму.

— О Царь! — говоритъ Мазепа — Палій измѣнникъ: онъ хочетъ разорить Москву, а самъ хочетъ въ столицѣ Царемъ царевать.

Тогда отозвался Палій Семенъ изъ темной тюрьмы:

— Лжетъ, лжетъ Гетманъ Мазепа въ столицѣ у Царя. О Царь! — говоритъ Палій — измѣнникъ Мазепа: онъ хочетъ разорить Москву, а самъ хочетъ въ столицѣ Царемъ царевать. —

Очень явно, что пѣсня эта воспѣваетъ о событіи 1704 года, — и, вѣроятно, составлена около того-же времени, а время измѣнило кое-что, оставивши однако за пѣснею духъ времени.

7.

Палій въ Сибири.

Прелестная пѣсня о заключеніи Палія въ Енисейскѣ помѣщена въ подлинникѣ въ Зап. Стор. II. I. стр. 68—70. Прочтемъ ее по Русски.

Высоко солнце всходитъ, да ложится низко. Ой, гдѣ-то Панъ Семенъ Палій горюетъ теперь! — Высоко солнце всходитъ, да низко заходитъ. Ой, гдѣ-то Панъ Семенъ Палій бродитъ въ Сибири . . .

— Ой, чура, мой чура, мой вѣрный Стоусъ! Пойдемъ-ка въ часовню, помолимся Богу. Помолюся Богу, Святымъ поклонюся: исхудалъ я въ горѣ, будто старъ ужъ сталъ. Будто старъ я ужъ сталъ, долженъ

молиться, что-бъ помиловалъ Милосердый мою грѣшную душу.

Натянулъ на него чура сѣрую свиту; далъ ему въ руку еловую палку. Пошелъ Панъ Семенъ Палій Богу молиться — не такъ Богу молиться, какъ горевать . . .

Воротился Палій домой, сѣлъ на крылечкѣ, — наигрываетъ на бандурѣ: „бѣда въ свѣтѣ жить!" Одинъ, забывши душу, вышиваетъ золотомъ свиту; а другой въ Сибири какъ дубъ въ перелѣскѣ одинъ одинокъ.

8.

Гордіенко.

Оставляю на будущее время удовольствіе пересказать жизнь Кошеваго Атамана Гордіенка; а теперь замѣчу толь-

ко, что онъ былъ одинъ изъ немногихъ Козаковъ, оставшихся навсегда вѣрнымъ Мазепѣ. Въ 1709 году онъ является довольно важнымъ дѣйствователемъ въ войнѣ Шведской. Онъ разбилъ Русскихъ при Цариченкѣ, и потомъ вызывался овладѣть Полтавою. Сражаясь храбро въ битвѣ Полтавской, онъ былъ раненъ, — и, не смотря на выгодныя предложенія Русскихъ оставить Мазепу, послѣдовалъ за нимъ въ Бендеры со своими Запорожцами. Потомъ, говорятъ, старался о разрывѣ мира Прутскаго. . . . . Нерѣдко случалось Гордіенку выходить на поле битвы съ прежними своими товарищами.. На одной изъ такихъ битвъ онъ убитъ и растерзанъ: это случилось въ 1712 или 1713 году.

Въ Зап. Стар. II. I. стр. 71—72 есть пѣсня о Гордіенкѣ, — и пѣснь тѣмъ болѣе замѣчательная, что она видимо защищаетъ Гордіенка и его Запорожцевъ. Она остается пока единственною въ та-

комъ родѣ. Вотъ опа въ Русскомъ переводѣ:

Запорожцы бѣдняги! Пшеница не жата.
Пойдите, огляднте, сожните пшеницу.
— Хоть и пойдемъ, оглядимъ, а жать-же не будемъ. —
Хвалились Запорожцы, что возьмутъ Полтаву.... Еще-жь они не взяли Полтавы, а Шведъ уже сдался, — остался Кошевой на бѣду себѣ. Умерла у Кошеваго старушка мать, и нѣкому Кошеваго утѣшить....
Восточный Царь не вѣритъ Украинѣ, — шлетъ онъ Голицына, боясь измѣны:
— Иди-же ты, Голицынъ; иди ты горою а я пойду съ Москалями слѣдомъ за тобою. —

Стихи этой пѣсни довольно гладки но не Запорожскіе, — и ихъ т. е. анти-Запорозизмъ заставилъ меня догадываться, что пѣсня не чисто народная, что она или *новѣйшаго* сочиненія, или искаже-

на *новѣйшими* поправщиками. Вотъ доказательства моей догадки:

1. Читатели Запорожской Старины могли замѣтить, что Запорожскія пѣсни, если онѣ полны, отличаются особенною правильностію расположенія, а если сохранились въ отрывкахъ, то каждый отрывокъ имѣетъ въ нѣкоторой степени свою цѣлость. Этого не вижу въ пѣснѣ о Гордіенкѣ: читаю ее, и невольно припоминаю характеръ женскихъ пѣсенъ лѣсной Украины, совершенно-отличный отъ характера поэзіи Запорожской и вообще старинной Козацкой. — Первые четыре куплета имѣютъ свою цѣлость; но такихъ переходовъ, какъ здѣсь, отъ пшеницы къ битвѣ и отъ битвы къ смерти матери Кошеваго, не льзя ожидать отъ Запорожскихъ пѣсенъ. Что касается до двухъ послѣднихъ куплетовъ; то въ нихъ болѣе Запорозизма въ дикціи, но за то содержаніе ихъ не Запорожское.

2. Другое важное достоинство пѣсенъ Запорожскихъ — историцизмъ, толь-

ко облеченный — и то не всегда — въ формы поэтическія. Историцизма нѣтъ въ этой пѣсни: а) Полтавская битва представлена въ искаженномъ видѣ, равно и отношенія Гордіенка къ Шведамъ; b) столь-же неправильно изображено отношенія Петра I и Голицына къ Украинѣ; c) наконецъ зачѣмъ вязать Полтавскую битву и Гордіенка съ Голицынымъ? какою дорогою могъ идти Голицынъ и какимъ слѣдомъ Петръ I за нимъ! . . .

Впрочемъ кчему распространяться! Пѣсня по содержанію вовсе не важна, и ни на волосъ не поясняетъ историческихъ сказаній.

9.

Палій.

Кстати помѣстить подобную пѣсню, подобную не безсмысліемъ содержанія, а тѣмъ, что заставляетъ въ равной сте-

пени сомнѣваться въ своей народности. Ее сообщилъ мнѣ О. С. Евецкій, и, сколько мнѣ помнится, списалъ ее съ какой-то тетрадки — сборника разной Малороссійской дичи. Я не помѣстилъ ее въ I книжкѣ II части Зап. Стар; а здѣсь печатаю для любопытныхъ:

Охочіи ватаги
Козаками богаты;
Азъ и́хъ кращій
Семенъ Палій
Полковникъ *Хвасовскій.*
Що Турокъ, що Полякъ,
Татаринъ, чи Москаль,
Еднако и́хъ Палій нашъ одѝляе,
Увесь скорбъ вѝднимае,
Головоньки рубае.
Живе собѝ въ довольствѝ,
Мовъ Гетьманъ самъ,
Свою ватагу мае,
Собѝ вѝнъ *подати збирае,*
Та старшого не знае.
Ой, нашъ Семенъ Палій

Козакъ прямiй.
Хмельницького вiнъ батькомъ называе,
Гетьманьщинi счастья бажае,
Вiдъ всiхъ ворогiвъ iи бороняе.
Его Поляки не *возлюбили*,
Та извести положили;
А вiнъ того не знае, не гадае,
Въ Ляховщину вступае,
Косцёлы, *сёла* выжигае.
Летала птиця въ полi,
Та й клiтоньку попалась:
Палiй Ляхiвъ все воювавъ,
Католикiвъ рубавъ,
Та й въ неволю *къ нимъ* попавъ.
Ой птиця сидить въ клiтцi,
Палiй въ *Танобурхи.*
Вороги радепьки,
Козаки смутненьки,
Вдовы сироты бiдненьки.
Ой, вылетiла птиця зъ *клiтцi,*
Палiй зъ Танобурха.
Вороги смутненьки;
Козаки радепьки,

Вдовы, сироты веселеньки.
Ой птиця въ поле улетіла,
Палій въ Украину —
Ворогівъ воювать,
Козакамъ добра добувать,
Вдовамъ, сиротамъ помогать.
По тій сторонѣ Днѣпра
Гетьмапуе Самусь;
Та вінъ Палія поважае,
Своимъ братикомъ называе,
Своимъ ріднесенькимъ считае.
Палій зъ Самусомъ
Лихі молодці;
Живуть собі такъ якъ браты,
Якъ рідненьки браты,
Нема межъ іхъ *розладу* николи.
Гомінъ, гомінъ у городі
Въ Бердичеві;
Регимонтаръ Рустичь,
Гетьманъ Самусь
Деруться *межъ собой.*
Палія тамъ нема,
Палій сидить дома.
Козацька бідна доля!

Та може пропаде и́хъ воля!
Козацька бі̂дна доля!
Ой шабля славна,
Нагаечка славнїйша.
Поляки не встояли,
Поляки побі̂жали,
Козаки свою волю одстояли.
Ось такъ було колись.
Ой, де теперь, ой, де теперь
Та вїйсько вже Козацьке,
Те вїйсько молодецьке,
Те вїйсько Запорозське.
По сїй сторонѣ̂ Днѣ̂пра
Гетьмануе Иванъ Мазепа,
До своихъ рукъ Украину забирае,
Ни́кому власти ві̂нъ не допущае,
Ни́кого въ свѣ̂тѣ̂ ві̂нъ не поважае.
Тогобочнѣ́ Полковники въ ёго вже
воли
Самусь вже здавъ ёму свои клейноты,
А самъ зоставсь Богуславській Пол-
ковникъ;
Та вже ві̂нъ не Козакъ — покойникъ,
Воювать, герцёвать не охотникъ.

Ой нашъ Семенъ Палій
Козакъ прямій;
Та старшого не знае,
Ватагу свою мае,
Пье війнъ та гуляе.
— Ой, вже мині Палій
Більмо мовь въ очахъ;
Мене вінъ докаряе. —
Мазепа промовляе,
Та извести його бажае.
Ой, ты *фортуно, фортувино*,
Ему чомъ ты послужила!
Въ Сибири нашъ Палій,
Козакъ прямій,
Полковникъ Хвасовській.
Біда ему, *біднягги*.
Ой треба *шубы*, та де взяти,
А морозы Сибирські знатні:
Кому вони дались знати,
Тому іхъ не забувати.
Вернули Палія,
Та трохи пізненько.
Москаль та зъ Шведомъ бьеться,
Підъ Полтавою бьеться,

Надъ Ворскломъ бьеться.
  Ой Ворскло, рiчка невеличка!
Здавенъ вона славна —
Но водою,
А войною,
До Шведъ полiгъ головою.
  Ой, хто де, хто де,
Палiй въ Украинi:
Живе, та поживае;
Бувальщину вiнъ вспоминае,
Мазепу проклинае.

Ошибки противъ языка могли случиться въ переписи; но ошибокъ противъ народности нельзя-же приписать писцу, а этихъ ошибокъ такъ много, что всю пѣсню можно считать ошибкой. — Главнѣйшія ошибки противъ языка я отмѣтилъ курзивомъ. Что касается до ошибокъ противъ народности, то позволю замѣтить нѣкоторыя: 1. Содержанiемъ пѣсни Козацкой никогда не бываетъ цѣлая жизнь героя, воспѣваемаго въ ней; 2) Настоящее время не употребляется въ

пѣсняхъ Козацкихъ такъ, какъ употребляется здѣсь; 3) Сравненіе Палія съ птицей, развиваемое съ такою акуратностію, отзывается схоластикой, а не народностію; и пр. Можно замѣтить, что и самая форма расположенія стиховъ, употребительная въ небольшихъ пѣсенькахъ, выбрана не удачно для такой длинной пѣсни въ 120 стиховъ. — Въ ней только 5 стиховъ народныхъ: это — изъ послѣдняго десятка первый пятокъ.

Всего вѣроятнѣе, что эту пѣсню сочинилъ какой нибудь любитель старины XVIII вѣка или даже и XIX — по лѣтописямъ, — и какъ стихотворный екстрактъ изъ Лѣтописей она имѣетъ нѣкоторое достоинство; а какъ пѣсня могла понравиться развѣ ея автору.

10.

Битва Полтавская.

Два только народныхъ пѣснопѣнія удалось мнѣ услышать о битвѣ Полтавской — одну думу и одну пѣсню. (Зап. Стр. II. 1. стр. 72—78). Предполагаю, есть и еще въ памяти народной; но я не имѣлъ случая слышать ихъ, а досталъ очень незначительные отрывки, и до сихъ поръ только надѣюсь и ожидаю получить дополненія. —

I. Дума.

Въ несчастное лѣто Шведской годины
не одна Христіанская душа безъ вины
пошла на тотъ свѣтъ. — Тогда-то въ городѣ Лебединѣ Цари и Князья дивились
диву, одинъ одному такъ говорили:

— За что, Паны молодцы, не стало порядка въ Христіанской землѣ?

— За то, Паны молодцы, что проклятые бусурманы стали братьями называть Христіянъ.

— Кто-же то начиналъ!

— Начиналъ то проклятый Мазепа, какъ безвинно со свѣта Искру и Кочубея согналъ, какъ Семена Палія въ Сибирь послалъ.

Тогда Цари и Князья одинъ одному говорили, что Семена Палія высылали изъ Сибири въ Москву.

Скоро Семенъ Палій весенней погодой, великимъ постомъ пріѣзжалъ въ столицу къ Бѣлому Царю; а свѣтъ-праведный Государь радостно радовался, что принималъ въ гости къ себѣ славнаго рыцаря Семена Палія.

Какъ-же тогда Мазепа услышалъ, что его проклятаго Мазепу бѣда настигаетъ, Королю Шведскому такъ говорилъ:

— Добродѣй Король Шведскій, свѣтлѣйшій мой Панъ! Освобождать-ли намъ

еще долѣе городъ Полтаву? Не бѣжать-ли намъ изъ подъ города Полтавы? Вѣдь не даромъ-же Москва стала насъ кругомъ обступать; вѣдь у Семена Палія, хоть и не велико охотное войско — одна только сотня, а будетъ кому тысячу нашу гнать и рубить, и будетъ насъ большихъ пановъ страхомъ пугать.

Тогда Король Шведскій выслушалъ это, и такъ говорилъ:

— Мазепа, безумная голова! У меня-ли войско не вооруженное! у меня ли войско не панцырное! Еще у меня довольно силъ ту Москву сѣчь и рубить; еще не отказываюсь побывать въ столицѣ у Бѣлаго Царя. Скоро сталъ Семенъ Палій подходить къ Полтавѣ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, на святого Николая. — Сталъ Король Шведскій съ Мазепой тайкомъ убѣгать, на Царскія войска нападать. Много Царскихъ людей они били, а въ городѣ Батуринѣ мужиковъ и женъ въ пень сѣкли и рубили; церкви сожигали, иконы

и святости ногами топтали; плоты наводили, на тотъ берегъ Днѣпра уходили.

Семенъ Палій подъ Полтаву подходитъ, сѣчетъ и рубитъ, мечетъ на всѣ стороны какъ полову; до Днѣпра доходитъ, на тотъ берегъ Днѣпра глядитъ, видитъ что ходитъ Король Шведскій съ Мазепою по тому берегу Днѣпра, и такъ говоритъ:

— Помоли ты, Мазепа, Бога за меня, что я тебя не догналъ, не посѣкъ, не порубилъ, или живаго на вѣчную каторгу не отдалъ. —

Земля, Христіанская земля! Когда ты была исполнена смутами и горемъ, ты не знала, гдѣ родъ о родѣ заботился. — Дай Богъ честь и хвалу свѣтъ-праведному Государю и Семену Палію, знаменитому Пану, что не далъ Христіянъ Шведамъ въ добычу.

Дай-же Боже всѣмъ Христіянамъ многая лѣта и счастливой жизни въ семъ свѣтѣ.

Относительно этой думы замѣчу:

1. Она несовершенно полна, — и важнѣйшій пропускъ — описаніе самой битвы при Полтавѣ.

2. Трудно отгадать, кого должно разумѣть подъ именемъ »Царей и Князей«, разсуждавшихъ въ Лебединѣ о смутахъ Украины. Вѣрятно это намекъ на то, что въ Лебединѣ была въ 1708 году главная квартира Русскихъ войскъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ это — поэтическая прикраса.

3. Въ Запорож. Стар. напечатано: «То Цари й Князі́ єдинъ до єдиного словами промовляли, *та* Семена Палія зъ Сибиру на Москву высылали« По ошибкѣ *та* напечатано вмѣсто *що*.

4. Дума говоритъ, что Палій возвратился изъ Сибири въ Россію »весною, великимъ постомъ« — 1709 года. Фактъ новый, котораго нѣтъ въ Лѣтописяхъ.

5. Равнымъ образомъ мнѣ не случалось читать въ Лѣтописяхъ о времени прибытія Палія подъ Полтаву, которое,

по словамъ думы, относится къ Маю — »на Св. Отця Миколая.«

6. Что Дума говоритъ о Батуринѣ, то безъ сомнѣнія должно разумѣть не о Батуринѣ, лежащемъ на Сеймѣ, а о Переволочнѣ, знаменитомъ мѣстѣ окончанія битвы Полтавской. Батуринъ-же, какъ извѣстно, взятъ Русскими въ 1708 году, и съ тѣхъ поръ остался въ сторонѣ въ дѣлѣ войны со Шведами.

7. Лѣтописи умалчиваютъ также и о томъ, что Палій учавствовалъ въ дѣлѣ Переволочнянскомъ, какъ видно изъ Думы, и что гнался за бѣгущими Шведами, какъ можно догадываться по выраженіямъ Думы.

8. Наконецъ нельзя не замѣтить, что списокъ думы вообще дуренъ по разнымъ перестановкамъ ея частей съ мѣста на мѣсто. Я напечаталъ ее въ Запор. Старинѣ точь-въ-точь со словъ Бандуриста, а читать ее, мнѣ кажется, надобно такъ:

Начало попрежнему. Потомъ:

То Цари и Князи́ е́динъ до е́диного словами промовляли, що Семена Палія зъ Сибиру на Москву высылали. — Скоро то ставъ Семенъ Палїй великимъ постомъ, ві̂сняною погодою до Бі̂лого Царя на Столицю прибувати. То світъ Праведный Государь велику радость мае, що до себе великаго лыцаря Семена Палія у гости́ сподîвае. — Скоро-то ставъ Палїй Семенъ на Святаго Отця Миколая изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичемъ пі̂дъ Полтаву прибувати. — То Мазепа тоді̂ якъ почувъ, що ёго проклятаго Мазепу лихо догоняе, до Короля Шведського таки рі̂чи промовляе:

Разговоръ Мазепы съ Карломъ попрежнему. Далѣе:

То Семенъ Палїй пі̂дъ Полтаву прибувае, сѣче и рубае, на всі̂ стороны якъ полову мі̂тае. — То

ставъ то Король Шведській изъ Мазепою тайно втікати, на Царськихъ людей вдаряти; много Царськихъ людей побивали, а въ городі у Переволочні мужиківъ та жиновъ у пень сікли й рубали, церкви палили, святости та иконы підъ ноги топтали, плігы справляли, на той бікъ Днипра утікали. — То Семенъ Палій до Днипра добувае, на той бікъ Днипра поглядае и пр.

Конецъ попрежнему.

II. Пѣсня.

Еще хмель, зеленый хмель не взвился по тычинкамъ; а уже Палій сразился съ Шведами подъ Полтавой. — Еще хмель, зеленый хмель не склонилъ головокъ; а уже Палій подъ Полтавой Шведовъ разбилъ. — Еще хмель, зеленый хмель не сгубилъ Козаковъ; а уже Палій прогналъ Шведовъ изъ подъ Полтавы.

Тогда вскрикнулъ свѣтлый Король Шведскій, вскрикнулъ, стоя на пушкѣ: — Уйдемъ, Мазепа, съ Полтавскаго поля. — И тогда они быстро уходили съ Полтавскаго поля: очнулась, повеселѣла доля Козаковъ. И тогда они быстро уходили не большой дорогой, а тропинками: радовалось войско, радовался и Палій съ Гречкой. И тогда они быстро уходили не большой дорогой, а лугомъ: радовалось войско, радовался и Палій съ своимъ другомъ.

И вотъ, обозвался Панъ Семенъ Палій: — Гдѣ ты, вѣрный другъ. — Или уже нѣтъ твоего друга? отзовися, лугъ! — Такъ обозвался Панъ Семенъ Палій, и погнался слѣдомъ за Шведомъ; чѣмъ-то угощалъ онъ его, медомъ или виномъ?

Тогда быстро, быстро уходили Шведы, путь пытали, и тотъ путь держали въ Бендеры. — Тогда быстро, быстро убѣгали Шведы лугомъ и степью по тернамъ. Дай Богъ недождаться имъ биться съ Козаками.

Долгомъ почитаю замѣтить опечатку въ подлинникѣ этой пѣсни (Зап. Стар. II. I. стр. 78. куплетъ VIIII): вмѣсто »обŷзвався« въ стихѣ IV надобно читать »обŷзвися.«

Что касается до друга Паліева, Гречки, о которомъ упоминаетъ пѣсня, то къ сожалѣнію всѣ мои поиски въ Лѣтописяхъ остались напрасны.

II.

Мазепа.

Изъ прежнихъ пѣсенъ читатели могли заключить, какое понятіе о Мазепѣ сохраняетъ память народная. Проклятіе, наложенное на его имя, слишкомъ сильно впечатлѣлось въ умахъ Украинцевъ, — и до сихъ поръ это проклятіе преслѣдуетъ имя Мазепы, которое сдѣлалось самымъ поноснымъ ругательнымъ именемъ. — Прочтемъ еще двѣ пѣсни въ Русскомъ

переводѣ (подлинникъ въ II части Запор. Стар. Кн. I. стр. 79—82): онѣ яснѣе прежнихъ высказываютъ народное понятіе о Мазепѣ.

I.

Гетманъ Мазепа, измѣнникъ Мазепа! Злое ты начинаешь, съ Шведомъ дружбу заводишь, на Царя восточнаго руку поднимаешь. Поднялъ ты орду, надѣлалъ тревоги. —

А про ту измѣну знали Кочубей да Искра, и пошли они тайкомъ изъ подъ Полтавы къ Царю; но Царь имъ не повѣрилъ, къ Мазепѣ отослалъ.

Только увидалъ ихъ Мазепа, и развеселился; а Кочубей съ Искрою облился слезами. Всѣ Паны Сенаторы, всѣ пировали, а про Кочубея съ Искрой совсѣмъ забыли. Только-ты не забылъ ихъ, Миргородскій Панъ; не забылъ, что Кочубей съ Искрою востали за Украину. Въ Кіевѣ на Подолыи срублены груши; песъ Мазепа ихъ невинныя души сгубилъ. —

Ой, выгорѣлъ весь Батуринъ, осталась только хата; да и душу твою, Мазепа, и се прокляли. Былъ у тебя, песъ Мазепа, одинъ слуга Нѣмецъ . . . И пошло, песъ Мазепа, ни во что все твое счастье. —

Что я замѣтилъ выше о пѣснѣ про Гордіенка, то могу замѣтить и объ этой пѣснѣ: сомнѣваюсь, что она *совершенно* народная, и думаю, что надъ ея передѣлкой трудилась *рука* не Козацкая. Отпечатокъ этой руки лежитъ замѣтно на второй половинѣ пѣсни. Сравненіе, на пр: срубленныхъ грушъ съ погибшими душами (для рифмы), или переходъ отъ слуги нѣмца къ счастію (опять для рифмы: нимецъ — нивецъ) можетъ попасться только развѣ въ женской Малороссійской пѣснѣ; но не въ Запорожской Козацкой.— Впрочемъ историцизмъ сохраненъ здѣсь лучше нежели въ пѣснѣ о Гордіенкѣ, хотя отсутствіе полноты такое-же какъ и тамъ.

О дѣлѣ Кочубея и Искры, упоминаемомъ въ пѣснѣ, можно читать пре-

красную главу Исторіи Малой Россіи. II. гл. XXXV.

Подъ Миргородскимъ Паномъ въ пѣснѣ, вѣроятно, разумѣется Полковникъ Миргородскій Данило Апостолъ, сначала бывшій на сторонѣ Мазепы, но потомъ отставшій, и наконецъ удостоенный званія Гетмана.

Что касается до Батурина, то пѣсня намекаетъ, конечно, на взятіе его Русскими въ 1708.

II.

Случилось проклятому Мазепѣ коржики ѣсть; случилось-же проклятому Мазепѣ и подъ Полтавой стоять.

Да не долго невѣрные у Полтавы станомъ стояли. Сказалъ Царь Московскій: Ура, молодцы! — И молодцы разметали ихъ пухомъ.

Гдѣ-же ты, вражій сынъ, проклятый Мазепа, гдѣ ты стоишь теперь? Куда-ты, волкъ, съ волченками сердюками забрался?

Идетъ молва, будто въ городѣ Бендерахъ что-то смутно стало: уже-ль отъ того, что Ивана Мазепу настигла бѣда?

Отъ того, что Ивана Мазепу настигла бѣда, что Мазепина слава даромъ пропала; отъ того, что Мазепина слава даромъ пропала, когда его бусурманское тѣло въ Бендерахъ земля принимала. —

12.

Преданія о Паліѣ.

Палій — одинъ изъ немногихъ лицъ старины, заслужившихъ особенную любовь памяти народной. Не смотря на то, что въ Украинѣ все болѣе и болѣе забываютъ дѣла давно минувшихъ дней,— Палій еще памятенъ, и мнѣ случалось иногда слушать о немъ народные расказы— особенно отъ бандуристовъ.

Въ этихъ разсказахъ много нелѣпостей, нѣтъ никакого историцизма, никакихъ

намековъ на событія; но они заслуживаютъ вниманіе тѣмъ, что выражаютъ собою понятія народныя о лицѣ замѣчательномъ и по дѣламъ, и по любви къ нему народа. Приведу изъ этихъ расказовъ наиболѣе замѣчательное:

1. Расказываютъ, что Палій былъ силачъ, высокъ ростомъ, плечистъ, »горластъ«, и страшенъ на видъ; а въ битвахъ былъ непобѣдимъ и отчаянно храбръ. Ему стоило только вздумать побѣдить кого-нибудь, — и побѣда вѣрно оставалась за нимъ. Онъ любилъ вызывать на поединокъ; но выходить рѣшались не многіе, и тѣ всегда умирали послѣ поединка.

2. Еще расказываютъ, что Палій былъ чародѣй, и доказываютъ это тѣмъ, что пули употреблялъ онъ всегда серебренныя, а передъ битвою надѣвалъ свѣжее бѣлье.

2. Поляковъ и Жидовъ онъ не терпѣлъ. Неразъ они собирались убить его и отравить; но Палій угадывалъ ихъ

замыслы и жестоко мстилъ. — Странно, что, повторяя въ пѣсняхъ о дружественныхъ сношеніяхъ Палія съ »Москалями«, бандуристы утверждаютъ, будто Палій и »Москалей« терпѣть не могъ.

4. У Палія, говорятъ, было три жены, и всѣ онѣ были такъ похожи одна на другую, что никто невѣрилъ, когда, увидя новую жену, слышалъ что это новая жена и что прежняя умерла: одна была въ одну и лицемъ, и годами, и всѣмъ. Одинъ бандуристъ говорилъ мнѣ, что у Палія была женою родная сестра; но другой, услышавъ объ этомъ отъ меня, не захотѣлъ вѣрить, утверждая, что Палій былъ Христіянинъ истинный и не сдѣлалъ-бы такого преступленія.

Остальное считаю излишнимъ повторять. Вообще отзывъ народа о Паліи представляетъ его лицемъ полутаинственнымъ, почти сверхъ естественнымъ — какимъ-то Геркулесомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

— —